

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 4 2025

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенский государственный технологический университет

Главный редактор – Илона Геннадьевна Муленкова
кандидат психологических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

К. Я. Аббасова, доктор философских наук, профессор (Баку, Азербайджан)
А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Е. В. Звонова, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан),
Н. В. Митюков, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Х. А. Тиллашайхова, доктор психологических наук, доцент (Ташкент, Узбекистан)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Рецензенты

М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
В. Н. Люсев, кандидат исторических наук, доцент (Пенза, Россия)
И. В. Казанская, кандидат экономических наук, доцент (Дубна, Россия)
Н. В. Осипова, кандидат социологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент (Пенза, Россия)
И. И. Чернова, кандидат экономических наук (Пенза, Россия)
О. Ю. Шиманская, кандидат филологических наук, доцент (Пекин, Китай)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721
- SJIF – 6,07

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2025.
© Пензенский государственный
технологический университет, 2025.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 4 2025

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Penza State Technological University

The chief editor – Ilona Mulenкова
candidate of psychological sciences, associate professor

International editorial board

K. Y. Abbasova, Doctor of Philosophy, Professor (Baku – Azerbaijan)
A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
E. V. Zvonova, Doctor of Psychological Sciences, professor (Moscow, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan),
N. V. Mityukov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Izhevsk, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
Kh. A. Tillashaykhova, doctor of psychological sciences, associate professor (Tashkent, Uzbekistan)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
Diana V. Efimova, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Irina V. Kazanskaya, Candidate of Economical Sciences, assistant professor (Dubna, Russia)
Valeriy N. Lusev, Candidate of Historical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Natalia V. Osipova, Candidate of Sociological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Nadezhda V. Saratovtseva, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Irina I. Chernova, Candidate of Economical Sciences (Penza, Russia)
Olga Yu. Shimanskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor (Beijing, China)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2025.
© Penza State Technological University,
2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Васильченко О. А.

Социальный институт семьи на Дальнем Востоке как хранитель исторической памяти (на примере Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) 11

ЭКОНОМИКА

Рафиков Д. А., Терелецкова Е. В.

Влияние деловых коммуникаций на успешное ведение бизнеса 17

Чернова И. И., Балашова Е. А., Черкасова В. К.

Интеллектуальные системы: новые горизонты для экономического анализа и прогнозирования..... 22

ФИЛОСОФИЯ

Муравьёва М. Е.

Отражение традиционных российских ценностей в философии общего дела Николая Федорова 24

ФИЛОЛОГИЯ

Ван Шаньмэйхуэй

Передача специальной лексики при переводе научных метаданных с русского языка на английский язык 28

Канафиев Р. Н., Язырадов М.

Динамика внутренней формы слова «земля» в русском языке..... 32

Чэн Цзин, Шэнь Цыци

Изучение истории русской литературы в Китае со времени образования КНР 39

Чжоу Цань

Методические подходы к обучению китайских студентов русскому языку в условиях неязыковой среды: опыт МГУ-ППИ..... 44

ПРАВО

Пананто Т. А.

Заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения, как основание привлечения работодателя к административной ответственности 48

Пананто Т. А.

Ненадлежащее оформление трудового договора работодателем как разновидность административного правонарушения в области законодательства о трудоустройстве и занятости..... 52

Серикова А. В., Якунин Д. В.

Способы защиты прав контролирующего должника лица при привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве должника 55

Тятинькин Н. В., Попова С. А.

Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела 58

ПЕДАГОГИКА

Безбородова М. А., Медведева К. В.

Формирование исследовательских умений у третьеклассников
во внеурочной деятельности61

Королева О. Ю., Велиева А. Н., Михайлова С. А., Ефремова Е. Ю.

Проект «формула спортивной семьи танцевально-боевого настроения»64

Королева О. Ю., Кофлер В. А.

Формирование практических навыков по организации физкультурных
и спортивных мероприятий у студентов педагогических направлений67

Лошкарева О. Н.

Медиапространство как детерминанта социально-коммуникативного
развития детей дошкольного возраста70

Серых Л. В., Демина О. А., Лапина В. Ю., Пульная С. А.

Изучение состояния психоэмоционального и социального здоровья дошкольников
Белгородской области в контексте региональной педагогической системы74

Хапачева С. М., Река Д. С.

Особенности адаптации младших школьников с ОВЗ в образовательном процессе79

Ян Чжи

Идеологическая составляющая журналистского образования в КНР84

Ян Чжи

Опыт китайского народного университета и Московского государственного
университета в решении основных проблем журналистского образования88

ПСИХОЛОГИЯ

Дорофеева Т. С., Муленкова И. Г.

Теоретические основы представлений о факторах устойчивости
долговременных супружеских отношений96

Звонова Е. В., Коростылева А. М., Петрова А. Г., Балугян Д. А.

О возможных взаимосвязях характеристик интеллекта мужчин и женщин101

Мартынова Е. В.

Бездетность в современной семье: причины и следствия. Взгляд психолога104

Мордас Е. С., Мордас Д. О.

Вне зоны интересов: психоанализ и переговоры113

Рогова Н. В.

Взаимосвязь психологического здоровья и копинг-стратегий129

Smolina T. L.

Acculturation in a new cultural setting: theoretical overview134

СОЦИОЛОГИЯ

Аксенов С. Г., Стрижов В. И.

Гендерные различия в восприятии и реагировании на пожарную опасность138

Аксенов С. Г., Стрижов В. И.

К вопросу о социальной уязвимости при пожарах: пожилые, дети,
маломобильные группы141

Аксенов С. Г., Стрижов В. И.

Социальные последствия пожаров в сельских территориях144

Королев А. Е., Коротков Е. Д.

Социологическая характеристика рабочих и ремонтно-обслуживающих предприятий 147

Правила для авторов..... 152

План международных конференций, проводимых на базе
Научно-издательского центра «Социосфера» в 2026 году..... 154

Информация о научных журналах 155

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» 156

CONTENTS

HISTORY

Vasilchenko O. A.

The social institution of the family in the Far East as a keeper of historical memory
(based on the Great Patriotic War of 1941–1945)11

ECONOMICS

Rafikov D. A., Tereletskova E. V.

The impact of business communications on successful business management.....17

Chernova I. I., Balashova E. A., Черкасова Б. К.

Intelligent systems: new horizons for economic analysis and forecasting22

PHILOSOPHY

Muravyeva M. E.

Reflection of traditional Russian values in the philosophy of the common cause
of Nicolai Fedorov24

PHILOLOGY

Wan Shanmeihui.

Translation of specialized lexicon in the translation of scientific metadata from Russian
into English.....28

Kanafiev R. N., Yazmyradov M.

Dynamics of the Internal Form of the Word “zemlya” in Russian Language32

Cheng Jing, Shen Ziqi

The study of the history of Russian literature in China since the establishment
of the People's Republic of China39

Zhou Can

Methodological Approaches to Teaching Russian to Chinese Students
in a Non-Linguistic Environment: The Experience of MSU-PPI44

LAW

Pananto T. A.

Conclusion of a civil contract actually regulating labor relations as a basis
for engaging an employer administrative liability48

Pananto T. A.

Improper execution of the employment contract by the employer as a form
of administrative offense in the field of employment legislation and employment.....52

Serikova A. V., Yakunin D. V.

Ways to protect the rights of the controlling debtor when bringing subsidiary liability
for failure to make a statement on bankruptcy of the debtor55

Tyatinkin N. V., Popova S. A.

Current problems of the criminal case initiation stage58

PEDAGOGICS

Bezborodova M. A., Medvedeva K. V.

Formation of Research Skills in Third Graders in Extracurricular Activities 61

Koroleva O. Yu., Veliyeva A. N., Mikhailova S. A., Efremova E. Yu.

Project "formula of a sports family with a dance and battle mood" 64

Koroleva O. Yu., Kofler V. A.

Formation of practical skills in organizing physical education and sports events
for students of pedagogical fields 67

Loshkareva O. N.

Media space as a determinant of social and communicative development
of preschool age children 70

Serykh L. V., Demina O. A., Lapina V. Y., Pulnaya S. A.

Studying the psychoemotional and social health of preschoolers
in the Belgorod region in the context of the regional pedagogical system 74

Khapsheva S. M., Reka D. S.

Features of adaptation of primary school students with disabilities
in the educational process 79

Yang Zhi

The ideological component of journalism education in China 84

Yang Zhi

The experience of Renmin University of China and Lomonosov Moscow State University
in addressing key issues in journalism education. 88

PSYCHOLOGY

Dorofeeva T. S., Mulenкова I. G.

Theoretical foundations of concepts about the factors of stability
in long-term marriage relationships 96

Zvonova E. V., Griboyedov A. S., Korostyleva A. M., Petrova A. G., Balugyan D. A.

On possible relationships between the intellectual characteristics of men and women 101

Martynova E. V.

Childlessness in the modern family: causes and effects. The psychologist's view 104

Mordas E. S., Mordas D. O.

Outside the scope of interest: psychoanalysis and negotiations 113

Rogova N. V.

The relationship between psychological health and coping strategies 129

Smolina T. L.

Acculturation in a new cultural setting: theoretical overview 134

SOCIOLOGY

Aksenov S. G., Strizhov V. I.

Social consequences of fires in rural areas 138

Aksenov S. G., Strizhov V. I.

On the issue of social vulnerability in case of fires: the elderly, children,
and groups with limited mobility 141

Aksenov S. G., Strizhov V. I.

Gender differences in perception and response to fire hazards 144

Korolev A. E., Korotkov E. D.

Sociological characteristics of workers and repair and maintenance enterprises 147

Rules for authors.....	152
Plan of international conferences held on the basis of Science Publishing Centre «Sociosphere» in 2026	154
Information about about scientific journals	155
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	156

УДК 947.085 (571.6)

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СЕМЬИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ КАК ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.)

EDN BXHQUN

О. А. Васильченко

*Доктор исторических наук, профессор,
e-mail: sfknagtu@mail.ru,
Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет,
г. Комсомольск-на-Амуре, Россия*

THE SOCIAL INSTITUTION OF THE FAMILY IN THE FAR EAST AS A KEEPER OF HISTORICAL MEMORY (BASED ON THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945)

O. A. Vasilchenko

*Doctor of History, Professor
Amur State University of Humanities and Education,
Komsomolsk-on-Amur, Russia*

Abstract. In this article, the author formulated its purpose – to reveal the significance of the social institution of the family in the Far East in preserving the historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945. To gain a deeper understanding of the stated issues, the author identified the peculiarities of the development of the social institution of the family in the Far East and its deformation during the war. The main part of the article provides an analysis of the historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945, specifically describing its forms (state and public events), principles, and methods of strengthening the historical memory of the war. At the same time, the author's attention is focused on the role of the family in these processes. The author logically linked the issues addressed in the article with the events of today, the Special Military Operation, identified common and specific features, and showed the danger of losing historical memory about the war by the ruling elites of modern Europe and the United States. The article highlights the importance of strengthening international solidarity on this basis. Ultimately, the author argues that the actions of the state and the family strengthen historical memory within the country.

Keywords: social institution of the family; historical memory; Great Patriotic War, deformation, Special Military Operation, Far East, USSR, China.

80-летие победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и окончание второй мировой войны отмечаются в условиях международной напряженности и угрозы новой третьей мировой войны. Потомки недобитых фашистов вновь подняли головы с призывом добиться реванша и уничтожить Россию.

Это обстоятельство обязывает исследователей вновь обратиться к истории войны и с позиции современности оценить все ее нюансы, особенно утраты ис-

торической памяти правящими элитами Европы и США.

Обращение автора к социальному институту семьи не случайное. Он всегда представлял важнейшую часть общественной системы, развивался вместе с ней, отвечая на общественные потребности и сам формировал их.

Социальный институт семьи наиболее чувствителен ко всем переменам в обществе, способен отражать коллективное сознание, сохранять и воспроизводить знания и опыт, связанный с прошлыми событиями.

Историческая память представляется в виде системы социокультурных методов и институтов, контролирующих и преобразующих важные для настоящего момента социальные знания в информацию о прошлом для передачи новым поколениям накопленного общественного опыта. Цель статьи – показать значение социального института семьи на Дальнем Востоке в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Заявленная тема статьи предполагает необходимость разъяснить ряд особенностей развития дальневосточной семьи в историческом процессе с середины XVIII века и до нашего времени. На этапе 1860–1917 годов существовали три модели дальневосточной семьи, характеризующиеся комплексом экономических, социальных и демографических характеристик [1, с. 18]. Модели принадлежали восточнославянскому, иммигрантскому (корейскому) и коренному населению. Совокупность семей переселенцев из европейской части страны и Сибири, семей иммигрантов из сопредельной азиатской страны и семей аборигенов развивалась в условиях хозяйственного освоения необжитой восточной территории, политической нестабильности, постоянной угрозы извне, в условиях формирования единого культурного пространства с преобладанием культуры восточнославянского этноса.

На этапе 1922–1990 годов на Дальнем Востоке осуществлялись социалистические преобразования, под влиянием которых патриархальная семья дореволюционного периода становилась ячейкой нового общества. В результате семейной политики Советского государства, под влиянием процессов русификации, аккультурации и ассимиляции к концу 30-х годов XX века изменился состав моделей семьи в регионе. В преддверии войны по политическим мотивам в 1937 году с территории Дальнего Востока были высланы корейские семьи [2, с. 105].

Дальнейшее совместное проживание семей разных этносов и эффективная государственная семейная политика привели к сближению этносов и, в конечном итоге, к формированию единого социального института семьи на Дальнем Востоке с сохранением национальной принадлежности.

На советский период развития семьи пришлось годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Война деформировала социальный институт семьи в направлениях:

1. Численное сокращение семей. За победу отдали жизни 27 млн советских граждан, среди которых были дальневосточники. В Книгу Памяти занесены 123,4 тыс. имен дальневосточников, отдавших свои жизни во имя победы. Если учесть общую численность и возрастной состав жителей региона на 1939 год, то на защиту Родины встали около 22 % учетного населения [3, с. 14].
2. В обществе произошли гендерные изменения. В результате численного сокращения мужчин сложилась «гендерная асимметрия», когда женское население превалировало над мужским. Снизилась рождаемость.
3. Увеличилось количество неполных семей, выросло число вдов и беспризорных детей.
4. Изменилась трудовая занятость членов семьи. Женщины заменили ушедших на войну мужчин. Дети встали у станков.
5. Катастрофическое снижение рождаемости. Сформировались предпосылки появления в будущем «демографических ям».
6. В духовной сфере значительно укрепились концепции патриотизма и героизма как норм поведения советского человека на фронтах войны и в тылу. Массовый героизм, мужество и стойкость советских людей стали залогом победы в этой войне.

В военное время укрепились солидарность между советским и китайским народами, которые внесли решающий

вклад в дело разгрома нацизма и японского милитаризма и выполнили свое историческое предназначение.

В постсоветский период, начиная с 90-х годов прошлого века, социальный институт семьи на Дальнем Востоке продолжает преодолевать негативные последствия войны. Малочисленное население региона, слабое развитие инфраструктуры и отдаленность от центра делали его малопривлекательным. В последнее десятилетие «Россия повернулась на восток», были приняты грандиозные планы развития региона. На прошедшем 3–6 сентября во Владивостоке Восточном экономическом форуме были отмечены экономические успехи развития и озвучены перспективные направления укрепления стабильности в мире.

Однако, в постсоветский период детям и внукам победителей фашизма 80 лет тому назад приходится защищать Родину от врага в ходе Специальной военной операции (СВО). Каждый из героев этой войны защищает от современных фашистов Россию и свою семью.

Историческая память делает эту войну осмысленной, вселяет уверенность в том, что наше дело правое и победа будет за нами. Процесс укрепления исторической памяти осуществляется постоянно на протяжении восьмидесяти последних лет. По форме он делится на государственные мероприятия и общественные движения. Государственными мероприятиями руководят органы государственной власти. Общественные мероприятия осуществляются по инициативе общества и поддерживаются государством.

Принципы этих действий едины:

1. Никто не забыт и ничто не забыто.
2. Вечная слава героям.

Методы укрепления исторической памяти:

- Проведение государственных праздников, посвященных юбилеям. Это могут быть торжественные собрания, парады и демонстрации, чествование ветеранов войны. 9 мая 2025 года в

честь Победы прошел грандиозный парад на Красной площади в Москве и в других городах;

- Открытие памятников героям войны;
- Присвоение имен героев улицам, городам, кораблям и т.д.
- Повышение внимания к проблемам изучения темы Великой Отечественной войны в школах и вузах, то есть назрела необходимость пересмотра учебников и учебных программ в направлении укрепления исторической памяти обучающихся
- Активизация действия политических партий и организаций по укреплению исторической памяти;
- В культурно-просветительной сфере осуществление мероприятий, посвященных памяти о войне (книги, газеты и журналы, продукция киноиндустрии с соответствующей тематикой);
- Проведение научных форумов, конгрессов, конференций по вопросам войны и мира
- Укрепление международных связей по этой проблематике.

Время рождает новые формы исторической памяти. Так, недавно появилась новая форма общественной инициативы – движение «Бессмертный полк», которое показывает, что историческая память о войне сохраняется в семьях. Фотографии героев в руках потомков демонстрируют крепкую связь поколений.

Укрепляет историческую память православная церковь. Например, 10 сентября 2025 года в г. Хабаровске заложено основание нового храма, посвященного 80-летию победы в Великой Отечественной войне [4]. Предполагается завершение строительства храма в 2027 году. На Дальнем Востоке появится еще один центр, укрепляющий историческую память.

Рассуждая о Великой Отечественной войне как о катастрофе для нашего государства, унесшей 27 миллионов жизней граждан, задаемся вопросом как устояла и победила фашистов страна фактически в

борьбе со всей Европой. Одним из истоков победы была семья, в которой рождаются герои и антигерои, в ней формируется тот загадочный русский характер, разгадать который наши недруги не могут до сих пор. Здесь воспитывается воля к победе и формируется «русский дух», хранится вера в победу. Поэтому семья находится в центре поиска истоков исторической памяти потомков о Великой Отечественной войне. Все остальные мероприятия призваны усиливать эти воспитательные функции семьи.

Для того, чтобы семья справилась с этими функциями, государство должно основательно работать с семьей.

Во-первых, бедная обнищавшая люмпенизированная семья вряд ли родит героев. Поэтому государство должно оказывать не точечную материальную помощь отдельным категориям семей (малообеспеченным, многодетным, студенческим, с детьми-инвалидами и др.), а создать такие условия, чтобы работающий отец своей заработной платой мог полноценно обеспечить нужды семьи. В таком случае мать сможет полноценно посвятить себя воспитанию детей. При этом за женщиной остается право выбора – работа или семья. В случае выбора семьи на улицах будет меньше безнадзорных детей, могущих проявлять вандализм на мемориальных кладбищах, поскольку им о памяти павших за Родину вечно занятые родители не успели рассказать.

Во-вторых, прошло 80 лет со дня победы в Великой Отечественной войне, но до сих пор продолжаются поиски останков героев, павших в боях. В результате этой работы вернулись из забвения многие имена погибших за Родину прадедов, дедов и отцов. Потомки помнят и гордятся своими предками. Государство глубоко заинтересовано в этой инициативе энтузиастов, возвращающих имена безвестных героев по принципу «Никто не забыт, ничто не забыто». Поэтому оно поддерживает деятельность поисковых отрядов на ме-

стах былых сражений. Эта работа напрямую повышает способность индивидов и коллективного сознания сохранять и воспроизводить знания, связанные с прошлыми событиями Великой Отечественной войны.

В-третьих, большую роль в укреплении исторической памяти играет увековечивание имен героев в памятниках, мемориалах («Вечный огонь» и др.). Не зря на Украине, в Прибалтике, в Молдове и других недружественных странах с таким остервенением сносят памятники русскому солдату, освободившему от фашизма эти государства. Цель таких действий – вытравить из памяти народов имя победителя в Великой Отечественной войне, пересмотреть уроки истории, переписать ее заново. Поэтому наше государство противостоит этой политике, защищает историю войны от посягательств и тем самым укрепляет историческую память своего народа.

В-четвертых, государство заботится о том, чтобы историческая память о Великой Отечественной войне преумножалась. С этой целью исторические архивы постоянно пополняются новыми документами, ранее засекреченными. Архивные материалы позволяют исследователям расширить рамки изучения истории войны и ее последствий, укрепляют историческую память в обществе. Это актуально в условиях попыток наших врагов пересмотреть историю войны.

В-пятых, государство охраняет социальный институт семьи как традиционную ценность от влияния запада, где гендерные извращения (однополые браки, смена пола даже у детей и др.) ставят под сомнение существование самой семьи. Об исторической памяти здесь не приходится говорить, поэтому защита семьи становится залогом здорового общества.

В-шестых, одновременно с 80-летним юбилеем победы советского народа над фашистской Германией прогрессивное человечество отмечает другой юбилей -

победу СССР и Китая над милитаристской Японией. Как и русский народ, китайцы понесли тяжелые потери. 37 миллионов китайских граждан не вернулись с войны [5]. 3 сентября 2025 года состоялся грандиозный парад на площади Тяньаньмэнь в Пекине, посвященный сопротивлению китайского народа японским захватчикам и победе над ними [6]. Это свидетельствует о том, что в Китае также крепнет историческая память о войне, усиливается российско-китайская солидарность в борьбе против общего врага, новых вызовов и угроз.

В-седьмых, потомкам недобитых фашистов, пришедших к власти, удалось поспорить русский и украинский славянские народы. Специальная военная операция, проводимая Россией на Украине с 2022 года, призвана защитить страну от посягательств на наш суверенитет.

СВО и Великая Отечественная война во многом похожие. Цели врагов одинаковые – уничтожить русских. На вопрос воинам на передовой о причинах прихода на войну звучит примерно одинаковый ответ о защите своей Родины и своей семьи. Как и прежде русский солдат считает свою семью частью Родины. В своем сознании он сохраняет и воспроизводит знания событий, фактов и опыта Великой Отечественной войны, а также знания, связанные с прошлыми периодами нашей истории. Эти знания делают солдата уверенным в нашей победе. Девиз «Враг будет разбит и победа будет за нами» отражает непреклонную веру в победу солдата Великой Отечественной войны и воина Специальной военной операции.

В итоге, анализируя основные положения данной статьи, исследователь делает некоторые обобщения.

Во-первых, потеряв историческую память или ослабив ее, политические элиты европейских государств забыли уроки истории. Стремясь удержать лидерство в мировом процессе, они вместе с США яростно защищают однополярное устройство мира. На их пути препятствием стала

Россия и дружественные ей страны (Китай, Индия и др.). Преодолеть это препятствие планировалось за счет изоляции России. Однако, существование политической организации ШОС свидетельствовало об обратном.

Во-вторых, решение экономически задавить Россию тоже не реализовалось. Введение 18 пакетов экономических санкций не достигло цели, экономика страны не рухнула [7].

В-третьих, на поле боя у врагов России успехов тоже нет. Военно-политическое давление на нашу страну оказалось провальным. Ограничения в других сферах (социальной, культурной и т.д.) не нанесли России существенного ущерба. Сейчас страны Европы и США открыто готовятся к полномасштабной войне с нашей страной [8].

В-четвертых, на основе исторической памяти о китайско-советской солидарности против общего врага, о вкладе Китая и СССР в разгром японского милитаризма Россия строит международные отношения.

Сохранение исторической памяти способствуют действия основных ее носителей – социального института семьи и государства.

Библиографический список

1. Васильченко О.А. Формирование социального института семьи на Дальнем Востоке. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. – 167 с.
2. Соловьева Н.А. Корейцы в России // Гуманитарные проблемы стран АТР. 1993. N 2(4). С. 104–112.
3. Ткачева Г.А. На алтарь Отечества. Дальневосточники на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 5–15.
4. Новости Хабаровска. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2025/09/10/185125> (Дата обращения 20.09.2025).
5. Выступление президента РФ В.В. Путина на переговорах с председателем КНР Си Цзиньпином 8 мая 2025 года. URL: <https://tass.ru/politika/23885921> (Дата обращения 20.09.2025).
6. Парад на площади Тяньаньмэнь в Пекине 3 сентября 2025 года.

- URL:<https://rutube.ru/video/103e32953294124da614b35a842ef402> (Дата обращения 20.09.2025).
7. Заявление пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова 17 сентября 2025 года. URL:<https://tass.ru/politika/25081847> (Дата обращения 20.09.2025).
8. Выступление Секретаря Совета Безопасности РФ С. К. Шойгу 24 апреля 2025 г. URL:<https://www.gazeta.ru/politics/2025/04/24/20929106.shtml> (Дата обращения 20.09.2025).

© Васильченко О. А., 2025

УДК 658.310

ВЛИЯНИЕ ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА УСПЕШНОЕ ВЕДЕНИЕ БИЗНЕСА

EDN CJRUHE

Д. А. Рафиков
Е. В. Терелецкова

*Студент, e-mail: atom2004@gmail.com,
кандидат социологических наук, доцент,
e-mail: tereletsкова@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

THE IMPACT OF BUSINESS COMMUNICATIONS ON SUCCESSFUL BUSINESS MANAGEMENT

D. A. Rafikov
E. V. Tereletsкова

*Student,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Abstract. The article is devoted to the study of the role of business communications as a strategic tool for improving management efficiency and the organization's competitiveness. The theoretical foundations of the concept of business communication, its impact on economic results, corporate culture, and staff motivation, are considered. Special attention is paid to the digital transformations of the communication environment, the introduction of modern technologies for interaction, and the formation of internal employee loyalty. The article presents practical directions for improving communication processes in the context of digitalization and the growing requirements for managerial competencies.

Keywords: business communications, business efficiency, digitalization, corporate culture, internal loyalty, management, competitiveness.

Коммуникации в деловой среде представляют собой не просто обмен информацией между участниками процесса, а сложную систему стратегического управления, влияющую на финансовые, организационные и репутационные показатели предприятия. Каждое сообщение, каждое совещание или электронное письмо формирует не только структуру взаимодействия, но и деловую атмосферу внутри компании. Исследование Н. Ю. Буряк показывает, что деловая коммуникация – это управляемый процесс, в котором сочетаются речевая культура, нормы этикета, навыки убеждения и способность понимать мотивацию партнёра [2, с. 78].

Эффективная коммуникация определяет не только качество принимаемых решений, но и скорость реакции организации на изменения внешней среды. Если на производственном уровне недостаток информации может привести к сбоям и потерям, то на управленческом уровне это приводит к ошибкам в стратегическом планировании. В исследованиях Буряк и Багян деловые коммуникации рассматриваются как «экономический ресурс, поскольку именно через них формируется система обратной связи, мотивации и корпоративного доверия» [1, с. 59]. Там, где коммуникации выстроены грамотно, наблюдается рост производительности

труда, улучшение морального климата и повышение лояльности сотрудников.

Показателен пример ряда российских компаний, которые в период 2020–2023 годов начали внедрять программы развития внутренней коммуникации. В частности, в крупных холдингах внедряются «коммуникационные карты» – документы, где прописываются уровни ответственности, маршруты информации и стандарты обратной связи. Это позволяет минимизировать искажения данных и повысить управляемость процессов. Подобные инструменты давно применяются в японских корпорациях, где культура коммуникации связывается с философией кайдзен – постоянного совершенствования организационного поведения.

Системный подход к деловому общению предполагает, что каждый сотрудник компании является частью единой информационной цепи. Успех бизнеса зависит не только от компетентности руководителя, но и от того, насколько сотрудники осознают значимость точного и этичного взаимодействия. Коммуникативная культура внутри коллектива формирует доверие, а доверие — фундамент деловой устойчивости. Исследования подтверждают, что «компании, инвестирующие в обучение сотрудников навыкам общения, в среднем повышают экономическую эффективность на 12–18 %, особенно в сферах, где высока доля клиентских контактов» [1, с. 61].

Нельзя свести коммуникацию к формальному обмену сообщениями – это инструмент формирования имиджа, лидерства и внутренней мотивации. В организациях, где руководители игнорируют психологические и этические аспекты общения, возрастает уровень конфликтов, снижается вовлечённость персонала и ухудшаются финансовые показатели. По данным наблюдений, проведённых в академической среде ИМСИТ, «успешность коммуникационной политики прямо кор-

релирует с динамикой роста прибыли и снижением текучести кадров» [2, с. 79].

Современные компании стремятся создавать коммуникационные стратегии, где учитывается не только иерархия, но и горизонтальные связи между подразделениями. В условиях высокой конкуренции способность руководителя выстраивать прозрачный информационный обмен становится критерием профессиональной зрелости. Качество деловых коммуникаций всё чаще включают в систему KPI менеджеров среднего звена, а результаты коммуникационных аудитов – в стратегические отчёты организаций. Это подтверждает, что коммуникация перестала быть второстепенной функцией – она стала измеряемым элементом корпоративной эффективности.

За последние пять лет деловая коммуникация претерпела радикальные изменения. Цифровизация управленческих процессов и развитие сетевых инструментов общения создали новые стандарты бизнес-взаимодействия. Электронная почта, корпоративные мессенджеры, CRM-системы и сервисы видеоконференций стали постоянной частью корпоративной культуры. Если раньше коммуникация строилась преимущественно в очных форматах, то теперь ключевая часть переговоров, совещаний и презентаций проходит в онлайн-пространстве. Как подчёркивает К. Б. Сафонов, «цифровизация коммуникационных практик позволяет повысить прозрачность управленческих решений и скорость внутреннего обмена информацией, но одновременно требует новых компетенций от сотрудников» [5, с. 96].

С развитием технологий деловая коммуникация стала более динамичной и многоканальной. Одно сообщение в мессенджере способно запустить производственный процесс быстрее, чем целый отдел бумажных согласований. Вместе с тем возрос риск «информационного шума»: избыточные сообщения, эмоциональные переписки и неструктурированные данные

иногда мешают точности управленческих решений. Чтобы нейтрализовать этот эффект, компании внедряют систему фильтрации сообщений и электронные регламенты переписки. Это нашло отражение и в работах Буряк, где подчёркивается, что «цифровая среда требует пересмотра норм официально-делового стиля и выработки новой этики коммуникации» [3, с. 27].

Интересен феномен снижения формальности в деловом общении. Электронные письма и чаты всё чаще содержат сокращённые формы, англицизмы и даже элементы неформального языка. Такая демократизация речи отражает тенденцию сближения деловых и личных форм коммуникации. Однако эксперты отмечают, что чрезмерная неформальность может привести к размыванию корпоративных границ и снижению дисциплины взаимодействия. Поэтому ведущие компании вырабатывают внутренние гайдлайны речевого поведения в цифровых каналах, где регламентируются допустимые формы обращений и эмоциональные маркеры сообщений [5, с. 97].

Одновременно цифровые технологии открывают новые возможности для построения доверительных отношений. Использование интерактивных платформ, аналитики эмоционального фона переговоров и инструментов внутреннего PR позволяет укреплять корпоративную идентичность. В этом контексте коммуникация становится не просто средством передачи информации, а фактором стратегического управления персоналом. По оценкам HR-директоров крупных компаний, внедрение единой цифровой среды общения повышает скорость отклика сотрудников на управленческие задачи в 1,4 раза и снижает число внутренних конфликтов почти на 30 % [3, с. 28].

Новая эпоха деловых коммуникаций характеризуется синтезом технологий и человеческого фактора. С одной стороны, искусственный интеллект и автоматизация позволяют быстро обрабатывать и распределять данные, с другой – именно

эмоциональный интеллект руководителя остаётся решающим для формирования доверия и вовлечённости команды. Исследования Буряк и Сафонова показывают, что «успешная коммуникационная стратегия должна сочетать цифровую прозрачность с гуманистическими принципами общения – эмпатией, вниманием и культурой речи» [5, с. 98].

Переход бизнеса в цифровую реальность не отменил базовых принципов делового общения, но сделал их ещё более значимыми. Скорость передачи информации увеличилась, а вот цена ошибки в коммуникации стала выше. Каждая неточность, каждое неэтичное сообщение мгновенно распространяется по внутренним сетям, влияя на репутацию компании. Поэтому стратегическая задача современного менеджмента – создать цифровую культуру общения, где эффективность технологий подкреплена человеческим профессионализмом и ответственностью.

Любая организация держится не только на документах и приказах, но прежде всего на человеческом взаимодействии. Внутренние коммуникации определяют, насколько сотрудники чувствуют себя частью команды и готовы принимать корпоративные ценности как личные. Ю. Л. Макарова в своих исследованиях «описывает эффективные технологии коммуникативного воздействия, которые позволяют не просто информировать сотрудников, но и вдохновлять их на инициативу» [4, с. 437]. К таким технологиям относятся эмоционально ориентированные переговоры, внутренняя обратная связь, элементы сторителлинга в корпоративных презентациях, а также использование цифровых платформ для мгновенного обмена мнениями. Интересным примером коммуникации является визуальная коммуникация, при которой управление сознанием и действиями человека осуществляется с помощью цвета, который влияет на психо-интеллектуальное состояние человека [7, с. 109]. Также на сознание людей оказывают влияние символы,

используемые в современном мире для обозначения эмоций, что позволяет, к примеру, облегчить выбор товара или услуг в сети Интернет [7, с.109].

Корпоративная лояльность формируется через регулярные коммуникационные практики. Простой пример – еженедельные онлайн-сессии с руководителем, где обсуждаются не только производственные результаты, но и личные достижения работников. Эта форма общения, ставшая нормой после 2021 года, усиливает чувство сопричастности к успехам компании. Как отмечает Н. Ю. Буряк, «именно эмоциональный компонент общения создаёт долгосрочные отношения между руководителем и подчинёнными, снижая внутреннее напряжение и укрепляя доверие» [1, с. 60].

Современные исследования показывают, что сотрудники, которые получают регулярную обратную связь, демонстрируют более высокий уровень вовлечённости. При этом важно не просто говорить, а уметь слушать. В организациях, где существует культура диалога, уровень текучести кадров в среднем на 15–20 % ниже, чем там, где доминирует директивный стиль управления. Это подтверждает мысль о том, что эффективное общение – не затратный ресурс, а инвестиция в человеческий капитал.

Многие компании, стремящиеся повысить производительность, создают внутренние медиаплатформы: корпоративные газеты, подкасты, рассылки, Telegram-каналы. Они служат не только каналами информации, но и площадками для формирования идентичности коллектива. Такой подход согласуется с выводами Макаровой, подчёркивающей, что «коммуникативное воздействие становится системным лишь тогда, когда соединяет формальные и неформальные каналы общения» [4, с. 439].

Современные организации постепенно осознают, что коммуникации – это не вспомогательный процесс, а самостоя-

тельный элемент стратегического управления. Эффективная коммуникационная стратегия может напрямую влиять на конкурентоспособность компании. Н. Ю. Буряк и Г. А. Багян в своих исследованиях доказали, что «корректно выстроенные коммуникации повышают экономическую эффективность предприятий, так как создают основу для принятия обоснованных решений, снижают издержки и усиливают координацию подразделений» [1, с. 61].

Одним из направлений развития коммуникационной системы становится внедрение KPI, отражающих качество взаимодействия между сотрудниками и клиентами. Например, крупные российские компании уже используют метрики «уровень внутренней удовлетворённости коммуникацией» или «скорость реагирования на запрос». Это позволяет не только контролировать эффективность работы подразделений, но и прогнозировать репутационные риски.

Тенденция цифровизации привела к активному внедрению CRM- и ERP-систем, в которых коммуникация становится управляемым процессом. К. Б. Сафонов отмечает, что именно сочетание цифровых технологий и коммуникативной компетентности руководителей формирует основу современного менеджмента [5, с. 97]. В этой связи ключевой задачей бизнеса становится не просто автоматизация взаимодействия, а обучение персонала грамотному использованию цифровых инструментов.

Перспективным направлением является развитие «эмпатичного менеджмента» – подхода, при котором коммуникация рассматривается как способ предвидеть реакцию сотрудников и клиентов. Компании, внедрившие этот подход, быстрее адаптируются к кризисным ситуациям, так как выстраивают более гибкие формы внутреннего взаимодействия. Например, «в ряде IT-компаний России и Казахстана практикуется формат «открытых обсуждений ошибок», где вместо наказания

происходит коллективный анализ причин сбоев. Такая форма коммуникации повышает доверие и способствует инновационной активности сотрудников» [3, с. 28].

Цифровая трансформация играет ключевую роль в повышении конкурентоспособности компаний, способствуя росту эффективности, внедрению инноваций и адаптации к динамичным условиям рынка [6, с.180]. Бизнес, который стремится оставаться конкурентоспособным, обязан развивать культуру прозрачного диалога. Формирование доверия между руководством и коллективом, использование цифровых коммуникаций без потери эмоционального контакта, регулярное обучение сотрудников навыкам обратной связи – все эти элементы превращают общение в управляемый инструмент развития. Когда коммуникация становится стратегией, компания получает не только эффективные процессы, но и устойчивый человеческий потенциал, на котором держится её успех.

Библиографический список

1. Буряк Н. Ю. Деловые коммуникации в организации как фактор повышения экономической эффективности / Н. Ю. Буряк, Г. А. Багян // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 33(1). – С. 58–62. – DOI 10.24412/2309-4788-2021-10832.
2. Буряк Н. Ю. Деловые коммуникации как фактор повышения результативности бизнеса / Н. Ю. Буряк // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 40(5). – С. 77–80. – DOI 10.24412/2304-6139-2020-10596.
3. Буряк Н. Ю. Современные тенденции развития деловых коммуникаций / Н. Ю. Буряк // Вестник ИМСИТ. – 2021. – № 1(85). – С. 26–29.
4. Макарова Ю. Л. Эффективные технологии коммуникативного воздействия на персонал современных бизнес-структур / Ю. Л. Макарова, О. В. Черкасова, Б. М. Мусаева // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 2(55). – С. 436–441.
5. Сафонов К. Б. Эффективная деловая коммуникация: цифровизация практик в контексте актуальных тенденций развития менеджмента / К. Б. Сафонов // Наука и бизнес: пути развития. – 2024. – № 7(157). – С. 95–98.
6. Фам, Ч. Б. Цифровизация бизнеса: понятие, основные современные направления и влияние на конкурентоспособность бизнеса / Ч. Б. Фам, В. Т. Н. Фам, Е. В. Терелецкова // Социосфера. – 2025. – № 2. – С. 179–182.
7. Фам, Ч. Б. Деловые коммуникации как разрешение конфликтов / Ч. Б. Фам, Е. В. Терелецкова // People-management в условиях цифровой трансформации экономики: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 23 марта 2023 года / Отв. редактор А. Ш. Галимова. – Уфа: ФГБОУ ВО «УУНиТ», 2023. – С. 107–111.

© Рафиков Д. А., Терелецкова Е. В., 2025

УДК 330.47:004.8

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ
ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

EDN CXVCCP

И. И. Чернова*Кандидат экономических наук, доцент**ORCID 0000-0003-2762-2662,**e-mail: i.i.chernova@yandex.ru***Е. А. Балашова***старший преподаватель**ORCID 0000-0002-1542-6659,**e-mail: balache@mail.ru***В. К. Черкасова***студентка, e-mail: cherkasovavictoria200@mail.ru,**Пензенский казачий институт технологий,**Московский государственный университет**технологий и управления им. К. Г. Разумовского,**г. Пенза, Россия***INTELLIGENT SYSTEMS: NEW HORIZONS FOR ECONOMIC ANALYSIS
AND FORECASTING****I. I. Chernova***Candidate of Economic Sciences,**Associate Professor***E. A. Balashova***Senior Teacher***V. K. Cherkasova***Student,**Penza Cossack Institute of Technology,**Moscow State University of Technology**and Management named after K. G. Razumovsky,**Penza, Russia*

Abstract. The article discusses the application of intelligent systems in economic analysis and forecasting. Tasks that can be solved using intelligent systems are described, including the analysis of big data, forecasting of economic indicators, risk assessment, and process optimization. Methods of machine learning, such as regression analysis, classification, clustering, neural networks, and genetic algorithms, that can be applied for these purposes are indicated. The advantages and limitations of using intelligent systems in economics are highlighted. The article highlights the potential of intelligent systems for economic analysis and the need to consider their limitations for effective use.

Keywords: intelligent systems; economic analysis; forecasting; big data; machine learning; optimization; risks.

В условиях современной экономики, которая характеризуется высокой степенью сложности и динамичности, традиционные методы экономического анализа и прогнозирования часто оказываются недостаточно эффективными. Это связано с необходимостью обработки больших объёмов данных, выявления скрытых закономерностей и прогнозирования на основе сложных математических моделей. В связи с этим всё более актуальным становится использование интеллектуальных систем, способных решать эти задачи.

Интеллектуальные системы могут быть использованы для решения различных задач экономического анализа, таких как:

- анализ больших объёмов данных (Big Data) для выявления скрытых закономерностей и тенденций;
- прогнозирование экономических показателей на основе исторических данных и текущих тенденций;
- оценка рисков и принятие решений в условиях неопределённости;
- оптимизация экономических процессов и повышение эффективности управления.

Современные технологии позволяют собирать и анализировать огромные объемы данных. Методы обработки данных, такие как кластеризация и ассоциативные правила, становятся неотъемлемой частью экономических исследований. Они помогают выявлять тренды, которые недоступны при традиционном анализе [1].

Методы интеллектуальных систем могут быть использованы для прогнозирования различных экономических показателей, таких как:

- ВВП;
- инфляция;
- безработица;
- курсы валют;
- цены на товары и услуги.

Для этого могут быть использованы различные методы машинного обучения, такие как:

- регрессионный анализ;
- классификация;
- кластеризация;
- нейронные сети;
- генетические алгоритмы.

Нейронные сети могут быть использованы для прогнозирования временных рядов, а генетические алгоритмы — для оптимизации параметров экономических моделей. Это позволяет создавать более точные и эффективные модели прогнозирования, что способствует повышению качества управления экономическими процессами [2].

Интеллектуальные системы играют важную роль в поддержке принятия решений, так как они способны анализировать экономическую ситуацию и предлагать стратегии и сценарии развития. Это позволяет принимать более оптимальные решения. Такие системы находят применение в различных областях, включая анализ финансовых рынков и оптимизацию производственных процессов [1].

Использование интеллектуальных систем в экономическом анализе и прогнозировании имеет ряд преимуществ, таких как:

- возможность обработки больших объёмов данных;
 - выявление скрытых закономерностей;
 - повышение точности прогнозов;
 - ускорение процесса принятия решений.
- Однако существуют и ограничения, связанные с использованием интеллектуальных систем, такие как:
- сложность интерпретации результатов;
 - необходимость больших объёмов данных для обучения моделей;
 - риск переобучения моделей;
 - необходимость высокой квалификации специалистов для работы с интеллектуальными системами.

Интеллектуальные системы представляют собой перспективное направление для развития экономического анализа и прогнозирования. Однако для эффективного использования интеллектуальных систем необходимо учитывать их ограничения и разрабатывать методы для их преодоления. Это позволит максимально использовать потенциал интеллектуальных систем в экономике и повысить эффективность управления экономическими процессами.

Библиографический список

1. Дружинина Д. А. Модели и методы искусственного интеллекта в экономическом развитии // Научный Лидер. 2024. № 50 (200). URL: <https://scilead.ru/article/7628-modeli-i-metodi-iskusstvennogo-intellekta-v-e> (дата обращения: 07.11.2025).
2. Полазнов А. И., Корнилов Д. А. Классификация и применение нейронных сетей для прогнозирования финансовых показателей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-primenenie-neyronnyh-setey-dlya-prognozirovaniya-finansovyh-pokazateley> (дата обращения: 07.11.2025).

© Чернова И. И., Балашова Е. А., Черкасова В. К., 2025

УДК 140.8:167.5:172.16

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ ОБЩЕГО ДЕЛА НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА

EDN DIWJDN

М. Е. Муравьёва

*Кандидат философских наук,
старший преподаватель,
ORCID 0000-0001-5450-0885,
e-mail: muravievamaria@yandex.ru,
Смоленский государственный
медицинский университет,
г. Смоленск, Россия*

REFLECTION OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES IN THE PHILOSOPHY OF THE COMMON CAUSE OF NICOLAI FEDOROV

M. E. Muravyeva

*Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Lecturer,
Smolensk State Medical University,
Smolensk, Russia*

Abstract. Nicolai Fedorov's teaching on the common cause represents a unique synthesis of philosophical ideas, religious concepts, and ethics, aimed at addressing fundamental questions of human existence and the fate of humanity. In the article, the philosophy of the common cause is examined through the lens of traditional Russian values (collectivism, solidarity, unity, family, the predominance of the spiritual over the material) and shows how this vision of the future of humanity differs from the modern transhumanist project of human enhancement.

Keywords: philosophy of common cause; immortality; resurrection; transhumanism; traditional values.

Во второй половине XIX века появляются разнообразные философские школы и направления, стремящиеся осмыслить развитие России, ее миссии в мире, а также предложить альтернативные модели устройства общества. Среди наиболее влиятельных течений можно выделить такие течения, как славянофильство и западничество, марксизм и анархизм, русский космизм. Основоположником последнего по праву считается Н. Ф. Федоров.

В настоящее время интерес к русским космическим традициям вновь возрождается. Труды Н. Федорова становятся предметом изучения в контексте российской культурной идентичности и поиска новой национальной идеи. В своем проекте «общего дела» философ поднимает во-

прос о важности сохранения исторической памяти, культурного наследия, что особенно актуально в современную эпоху глобализации и неуклонного технического прогресса.

Важнейшей составляющей мировоззрения Федорова была православная вера. В своей концепции он пытался соединить традиционные христианские ценности с современными научными знаниями. Библейское понятие «воскресения» трактуется им как конкретная задача, стоящая перед человечеством. И осуществление этой задачи возможно лишь благодаря развитию науки и техники.

Но, вместе с тем, Федоров отмечает и негативные последствия технического прогресса. Это в первую очередь дегума-

низация человеческого существования, связанная с механизацией труда и утратой духовной целостности личности. По мнению философа, наука и техника должны служить восстановлению гармонии между человеком и природой, возрождению утраченных человеческих качеств и совершенствованию человека.

Одним из центральных положений проекта Федорова является идея воскрешения умерших, понимаемая как нравственная обязанность живых перед своими предшественниками. Можно с уверенностью утверждать, что этот аспект учения философа тесно связан с представлением о семье в русской культурной традиции, и отражает идею преемственности поколений.

Важно также отметить этический аспект учения о воскрешении, поскольку оно воспринимается как проявление любви к предыдущим поколениям, как возвращение памяти о предках и восстановление семейных связей («патрофикация»). При этом Федоров подчеркивал, что только при сотрудничестве и коллективных усилиях всех членов общества возможно достижение этой цели. Воскрешение, в конечном итоге, позволит людям обрести подлинное единство и гармонию, преодолеть разделение поколений и восстановить целостность человечества.

Необходимо отметить, что в XIX веке под влиянием идей эволюционизма, появилось два направления. Одни обосновывали прогресс человечества через естественный отбор и борьбу за существование (А. В. Сухово-Кобылин, Н. А. Умов, К. Э. Циолковский). Другая концепция утверждает значение человеческой личности и идеал всеобщности. Наиболее ярко это обосновывает в своем проекте «общего дела» Н. Федоров. Для философа человеческая личность есть «высшая ценность и, следовательно, такая же ценность – ее бесконечная, преображенная жизнь, причем развитое нравственное чувство личности требует спасения буквально всех

погибших, возвращении всех утраченных» [2, с. 11].

К современным течениям, основанным на идеях эволюционизма, можно отнести трансгуманизм. Он провозглашает своей целью использование передовых технологий для улучшения человеческой природы и расширения возможностей человека. В числе основных принципов трансгуманизма можно выделить стремление к бессмертию посредством биотехнологий, генной инженерии, искусственного интеллекта и других инновационных разработок. Преодоление болезней, старости и смерти трансгуманисты рассматривают как естественное продолжение эволюционного процесса.

Трансгуманисты считают Н. Федорова своим предтечей. Одним из ключевых моментов, сближающих учение об «общем деле» и трансгуманизм, является стремление преодолеть смерть и обеспечить бессмертие. Оба направления рассматривают возможность использования науки и технологий для достижения данной цели.

Трансгуманисты утверждают, что добро – это «бессмертие (или – в более слабом варианте – радикальное продление жизни), здоровье, свобода от диктата стихийных природных сил, в том числе – свобода распоряжаться своим телом и своими возможностями и окружающим миром» [1]. Сам трансгуманизм определяется как «рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека» [1].

Н. Федоров определял главную цель человечества так: «У человека, как существа разумного, есть один только враг – это слепая сила природы; но и этот враг лишь временный и станет другом вечным, когда

между людьми не будет вражды, а будет соединение в познании и управлении ею, слепую силою природы» [3, с. 259].

В то же время, существуют серьезные различия в подходах Н. Федорова и трансгуманизма. Федоров видел воскрешение как коллективное дело, основанное на моральном единстве и сотрудничестве всех членов общества. Он подчеркивал важность духовного возрождения наряду с физическим восстановлением тел. В свою очередь, трансгуманизм часто фокусируется на индивидуальном улучшении и достижении личного бессмертия, уделяя меньше внимания вопросам социальной солидарности и духовной составляющей процесса. Федоров же считал, что «нет достоинства добывать жизнь для себя, для своей драгоценной личности, и защищать свою личную свободу, всякий зверь так поступает... Тот не достоин жизни и свободы, кто не возвратил жизни тем, от коих ее получил» [3, с. 244].

Общим аспектом обеих концепций является также использование науки и технологий для улучшения человеческой природы. Тем не менее, Федоров критиковал чрезмерную зависимость от технологий, утверждая, что они являются временными инструментами, а не конечной целью. Он видел в технологическом детерминизме путь к дегуманизации человека и настаивал на необходимости баланса между научно-техническим прогрессом и духовными ценностями. Современные трансгуманисты, рассматривают технологии как основное средство достижения поставленных целей.

По-разному оба течения понимают и цель человеческого существования. Человек представляется Федорову как часть космического целого, стремящаяся к гармонии и сотрудничеству с природой. Поэтому философ видел смысл жизни в восстановлении утраченной целостности мира и гармонии между людьми. Трансгуманизм рассматривает человека как продукт эволюции, который необходимо усовер-

шенствовать, при этом радикально изменив саму человеческую природу.

Причиной таких различных подходов к видению будущего является в том числе и то, что Федоров выстроил свою концепцию на основе религиозных и культурных традиций России, в то время как трансгуманизм отражает более технократический и утилитарный взгляд на мир, характерный для западной культуры. Миссию России Федоров видел в объединении различных народов для достижения общей цели, тем самым реализовав гармонию между Востоком и Западом.

Федоров подвергал критике западную культуру за её акцент на индивидуализме, материальном благополучии и чрезмерном рационализме, противопоставив этим ценностям традиционные русские ценности. К таким ценностям он относил духовность и религиозность, общинность как символ коллективизма и взаимопомощи, соборность, семью; глубокую привязанность к земле, которая воспринималась в сознании народа как символ материнства и родины; служение, основанное на отказе от личных интересов во имя общего блага; сакральное отношение к исторической памяти.

В своей философии Николай Фёдоров выделял несколько важных черт русской общины («мира»), которые отличают её от западных форм социального устройства:

- Коллективизм и взаимопомощь: для русской общины характерно чувство солидарности и взаимопомощи, выражающееся в совместной работе и поддержке друг друга в трудные времена. Община обеспечивает поддержку слабым и нуждающимся членам общества.
- Устойчивые нравственные нормы, основанные на православной вере.
- Органичное сочетание свободы и порядка: община сочетает личную свободу каждого члена с общим интересом и согласием. Порядок поддерживается добровольным подчинением

общепринятым правилам и обычаям, что предотвращает анархию и хаос.

- Поддержка семьи и семейных ценностей: семья должна обеспечивать передачу традиций и поддержание устойчивости общества.
- Отсутствие классового антагонизма: в отличие от западных обществ, где классовые различия часто приводят к конфликтам, русская община стремится поддерживать социальное согласие и избегать раскола.

В своих трудах философ много рассуждает о двух типах общества, представляющих собой объединение по типу организма (Запад) и объединение по типу Троицы (Россия). Первое «обезглавливает большинство людей, и обращает их в механические орудия», а второе есть истинное единство, «теснейший союз личностей, в коем выражено то начало, которое мы называем нравственностью» [3, с. 191]. Объединение по типу организма из-за отрицания нравственного начала держится только на насилии и принуждении. Объединение по образцу Троицы удерживает людей «психической, душевною силою, взаимознанием». Само же знание не может быть достоянием лишь избранных, а должно принадлежать всем.

Таким образом, в своей философии общего дела Н. Федоров делает акцент на важности совместного труда и взаимопомощи во имя достижения общих целей, что соответствует русской традиции коллективизма и соборности, единения и солидарности. При этом каждый человек

должен осознавать свою ответственность, как перед предыдущими поколениями, так и перед потомками. Также в учении о воскрешении предков находят отражение семейные ценности русского народа, построенные на представлении о преемственности поколений и прочных семейных узах.

Спасение человечества Н. Федоров видит не только в научно-техническом прогрессе, но и в духовно-нравственном совершенствовании человека. Философ подчеркивает, что прогресс невозможен без воспитания в человеке высоких моральных качеств. В современной России, стоящей перед лицом глобальных вызовов, учение Федорова сохраняет свою значимость. Несмотря на утопичность многих его идей, проект «общего дела» представляет собой альтернативу трансгуманизму, который делает акцент только на преобразовании человека с помощью новейших технологий и часто пренебрегает нравственным аспектом этого преобразования.

Библиографический список

1. Прайд В. Духовный потенциал трансгуманизма в свете идей Н. Ф. Федорова. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/460/116/> (дата обращения 09.11.2025).
2. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
3. Федоров Н. Ф. Философия общего дела (сборник) / Н. Ф. Федоров. – М.: Эксмо, 2008. – 752 с.

© Муравьёва М. Е., 2025

УДК 81.255

ПЕРЕДАЧА СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ МЕТАДААННЫХ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

EDN FKJQMM

Ван Шаньмэйхуэй

*Бакалавр, Казанский (Приволжский)
государственный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

TRANSLATION OF SPECIALIZED LEXICON IN THE TRANSLATION OF SCIENTIFIC METADATA FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

Wan Shanmeihui

*Bachelor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

Abstract. This article examines the challenges of translating specialized terminology in the metadata of Russian scientific articles into English. Focusing on titles, abstracts, and keywords, the study identifies the main difficulties as cross-linguistic asymmetry, interlingual interference, and the use of pseudo-internationalisms. Examples from humanities and medical journals illustrate how terminological discrepancies can distort meaning, reduce accessibility in international databases, and affect the author's academic representation. The findings emphasize the importance of accurate terminology translation for integrating Russian research into the global scientific discourse.

Keywords: translation; Russian language; English language; scientific metadata; specialized terminology; cross-linguistic asymmetry; interlingual interference; pseudo-internationalisms.

Усиление процессов интеграции и глобализации международных отношений в последние десятилетия сопровождается значительным ростом межъязыковой и межкультурной коммуникации. В условиях научного взаимодействия особую значимость приобретает перевод, главной целью которого является обеспечение адекватной передачи смысла и достижение коммуникативного эффекта в целевой культуре. При этом эффективность коммуникации напрямую зависит от адресата перевода. Как отмечает Т. В. Воеводина, «текст перевода должен иметь языковую форму, подобную той, к которой получатель привык в текстах аналогичного назначения на своем родном языке» [1, с. 11]. Таким образом, переводчик обязан учитывать ожидания и когнитивные установки целевой аудитории.

Эти требования в равной степени распространяются не только на художественные и публицистические тексты, но и на специальные тексты, среди которых особое место занимают научные статьи. Их специфика заключается в целях автора (вклад в развитие определенной научной области), целевой аудитории (ученые, обладающие специальными знаниями в соответствующей сфере), содержании, а также строгих требованиях, предъявляемых научными журналами к структуре и оформлению текста. Семантическую основу подобных публикаций составляют термины, отражающие ключевые понятия определенной дисциплины. Это предопределяет особые трудности перевода: при относительно «прозрачной» грамматике именно терминологическая лексика становится источником ошибок и искажений.

Одной из важнейших задач при переводе научных статей является сохранение содержательного аспекта текста, который в первую очередь проявляется через специальную лексику. Термины служат инструментом передачи теоретических и методологических позиций исследователя, поэтому их точный перевод определяет корректность интерпретации работы на международном уровне.

Как отмечает С. В. Гринев-Гриневич, результатом интенсивного развития науки и техники является то, что более 90 % неологизмов, появляющихся в современных языках, относится к специальной лексике [2, с. 5]. В отдельных дисциплинах число терминов значительно превосходит количество общеупотребительных слов, что подчеркивает исключительную роль терминов в научной коммуникации.

Особое значение терминология приобретает в метаданных научных статей – заголовках, аннотациях и ключевых словах. Их задача заключается в том, чтобы кратко и точно отразить содержание статьи и ее научную область. Как указывают В. Б. Кашкин и К. М. Шилихина, именно качество метаданных становится критерием включения издания в ведущие наукометрические базы данных [3, с. 73]. Соответственно, ошибки в их переводе напрямую влияют на репрезентативность автора в международной научной среде и на доступность его работ для зарубежных коллег.

Для выявления типичных трудностей перевода был проведен анализ 50 заголовков и аннотаций научных статей российских авторов (2020–2022 гг.), опубликованных в гуманитарных и медицинских журналах. Критериями отбора послужили: наличие перевода метаданных на английский язык, актуальность исследований и их доступность в открытых источниках. Такой корпус позволил выявить наиболее распространенные ошибки и классифицировать их по видам межъязыковых трудностей.

Исследование показало, что основные нарушения при переводе терминологии в

метаданных можно объединить в три группы:

1. Межъязыковая асимметрия – отсутствие эквивалента в целевом языке.
2. Межъязыковая интерференция – влияние структуры исходного языка на перевод.
3. Использование псевдоинтернационализмов («ложных друзей переводчика»).

Пример 1. Межъязыковая асимметрия

Оригинал: *Актуальные вопросы воспитания в цифровой реальности будущего* [5].

Перевод: *Current Issues of Education in the Digital Reality of the Future*

Термин «воспитание» передан как *education*, что соответствует лишь одному из значений, связанному с обучением. В русском языке «воспитание» охватывает также процессы формирования личности и социальных навыков [6]. В данном контексте более точным переводом было бы *moral development*, так как в статье рассматриваются вопросы эмоционального интеллекта и социального взаимодействия.

Пример 2. Межъязыковая интерференция

Оригинал: *Эпидемиологическая характеристика менингококковой инфекции в Москве* [7]

Перевод: *Epidemiological Characteristics of Meningococcal Infection in Moscow*

В англоязычной научной практике используется термин *meningococcal disease*, что подтверждается официальными источниками (CDC, США) [8].

Употребление слова *infection* воспринимается как менее корректное и может свидетельствовать о невладении англоязычной медицинской терминологией.

Пример 3. Псевдоинтернационализмы

Оригинал: *Семантический комментарий к идеологеме «сотрудничество» и философе «шанхайский дух» в понятийном контексте Шанхайской организации сотрудничества* [9]

Перевод: *Semantic Commentary on the Ideologeme "Cooperation" and the Philosopheme*

"Shanghai Spirit" in the Conceptual Content of the Shanghai Cooperation Organization

В переводе термин *идеологема* передан как *ideologeme*. Однако в англоязычной литературе этот термин практически не используется в политологическом контексте, ограничиваясь сферой литературоведения и семиотики. Таким образом, перевод оказывается неэквивалентным и вводит зарубежного читателя в заблуждение относительно предмета исследования.

Проведенный анализ показал, что трудности перевода метаданных связаны не столько с грамматическим уровнем текста, сколько с особенностями национальных терминосистем. Для гуманитарных наук характерна терминологическая лакуарность, обусловленная длительным развитием российской науки в относительной изоляции [4]. В медицинских текстах нарушения чаще всего проявляются в виде неточного использования терминов и подмены их англоязычными аналогами.

Особое внимание следует уделить явлению межъязыковой интерференции, которая может быть как источником ошибок, так и полезным инструментом (например, при транскрипции имен собственных). Однако в научном дискурсе, где требуется предельная точность, негативные проявления интерференции преобладают.

Использование псевдоинтернационализмов также представляет серьезную угрозу: формальная близость слов создает иллюзию эквивалентности, в то время как значения существенно расходятся. Это приводит не только к искажению смысла, но и к снижению авторитета исследователя в глазах международного сообщества.

В условиях глобализации науки и расширения международного сотрудничества перевод метаданных научных статей (заголовков, аннотаций, ключевых слов) приобретает особую значимость. Точность передачи терминологии обеспечивает репрезентативность исследований в

международных базах данных и способствует их включению в глобальный научный дискурс.

Проведенный анализ показал, что основные трудности перевода связаны с межъязыковой асимметрией, межъязыковой интерференцией и использованием псевдоинтернационализмов. Все эти явления способны существенно исказить содержание публикаций, препятствовать их поисковой доступности и снижать авторитет российских ученых за рубежом.

Результаты исследования указывают на необходимость систематической работы по формированию переводческой компетенции у авторов научных статей, а также разработки специализированных глоссариев и рекомендаций для перевода терминов в конкретных дисциплинах. Только в этом случае российские исследования будут полноценно интегрированы в международное научное пространство.

Библиографический список

1. Воеводина, Т. В. О соответствии перевода жанровым традициям ПЯ в свете социологической теории перевода / Т. В. Воеводина // Мосты. Журнал переводчиков. – 2022. – № 2 (74). – С. 10–16.
2. Гринев-Гриневич, С. В. Терминоведение: учеб. пособие для вузов / С. В. Гринев-Гриневич. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
3. Кашкин, В. Б. Концептуальный диссонанс при переводе российской лингвистической терминологии / В. Б. Кашкин, К. М. Шилихина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 72–77.
4. Кулинич, М. А. Сапожник без сапог. О переводе лингвистической и переводческой терминологии / М. А. Кулинич // Мосты. Журнал переводчиков. – 2024. – № 4 (а4). – С. 20–24.
5. Барина, С. Г. Актуальные вопросы воспитания в цифровой реальности будущего / С. Г. Барина // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75-4. – С. 42–45.
6. Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 27.09.2025).

7. Эпидемиологическая характеристика менингококковой инфекции в Москве / М. И. Грицай, М. А. Королева, Н. Н. Фомкина, И. С. Королева // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 56–62.
8. Centers for Disease Control and Prevention | CDC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cdc.gov/> (дата обращения: 24.09.2025).
9. Халина, Н. В. Семантический комментарий к идеологеме «сотрудничество» и философии «шанхайский дух» в понятийном контексте Шанхайской организации сотрудничества / Н. В. Халина, Е. В. Валюлина // Вестник Северо-Восточ. фе-дер. ун-та им. М. К. Аммосова. – 2020. – № 2(76). – С. 121–128.

© Ван Шаньмэйхуэй, 2025

УДК 811.161.1

ДИНАМИКА ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА «ЗЕМЛЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
EDN FLSOD

Р. Н. Канафиев

М. Язымырадов

Кандидат филологических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-7245-631X,

e-mail: rinka80@mail.ru,

магистрант, e-mail: yazm99@mail.ru,
Ивановский государственный университет,
г. Иваново, РоссияDYNAMICS OF THE INTERNAL FORM OF THE WORD “ZEMLYA”
IN RUSSIAN LANGUAGE

R. N. Kanafiev

M. Yazmyradov

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Master's Student,
Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the dynamics of the inner form of one segment of the lexico-semantic system in the process of language development from the 11th century to the present day. As a result of changes in contexts, the semantics of the unit undergoes transformations, new meanings and nuances are formed. The existing and evolving over centuries polysemy of the word “zemlya” serves as evidence of the richness and national specificity of semantic derivation in Russian vocabulary.

Keywords: semantics; Russian language; polysemy; history of Russian language.

Слово «земля» в русском языке обладает богатой историей и множеством значений, отражающих культурные, религиозные и мировоззренческие особенности русского народа. Внутренняя форма данной лексемы отражает представления древних славян о мироздании, о связи человека с природой и её роль в формировании культуры и менталитета этноса. Земледелие традиционно было основой хозяйственной деятельности русских крестьян, отсюда символическое восприятие земли как кормилицы и хранительницы традиций. Образ матери-Земли ассоциируется с рождением, плодородием, жизненной силой, домом, семьей, традициями предков. Земля выступает символом стабильности, надёжности, постоянства. Она воспринимается как нечто вечное, неизменное, связанное с глубинными слоями народной памяти и коллективного сознания. Её образ часто встречается в литературе, искусстве, фольклоре. Такое знание

вербализуется и в русском слове, которое включает в себя широкий спектр смыслов, соединяя природное начало с социальным, семейным, историческим аспектами. Этот комплекс образов создаёт основу национальной языковой картины мира. Понятие земли становится значимым элементом народного мировоззрения, интегрируя разные сферы человеческого существования и выражая фундаментальные черты национального характера и культурной идентичности. Данная мысль находит подтверждение в проведенном диахроническом анализе развития внутренней формы слова *земля* в русском языке.

Интересно, что впервые в значении места обитания людей слово *земля* упоминается в памятнике древнерусской письменности – «Повести временных лет». В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (далее – СРЯ XI–XVII вв.) дается десять дефиниций слова *земля*. В донациональную эпоху развития русского ли-

тературного языка слово *земля* достаточно часто встречалось в памятниках разного характера и имело несколько значений. Данная лексема омонимична: первый омоним имел десять значений. Из них в древнерусский период появились три: «земля как место обитания людей, земной мир (преимущественно – в противопоставлении миру идеальному, небу (оттенки значений «земля как часть вселенной», «люди, жители вселенной»), «низ, основание чего-л.», «земная поверхность».

В старорусский период у рассматриваемой лексемы появляется еще семь значений с их оттенками: «земля как одна из четырех стихий («первоэлементов», лежащих, по представлениям древних, в основе всех явлений природы), «суша, земная твердь», «почва, верхний слой земли, «земля, рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета у образующее почву» (оттенок значения «прах»), «обрабатываемая земля, нива, пашня; земельное угодье» (оттенок значения «участок земли, отдельное земельное владение», «страна, государство, край, земля» (оттенки значения «народ, жители страны, земли», «войско страны, земли»), «поле, по которому на чем-л. сделан рисунок».

К старорусскому периоду относится и появление второго омонима *земля* со значением «название буквы «з» в русской азбуке».

В словаре русского языка XVIII века существительное также фиксируется как омонимичное. Во-первых, представлено 12 значений, вторая же – аналогична по содержанию с ранее рассмотренным источником. С течением времени происходит расширение системы значений у существительного *земля*: зафиксированы новые значения: «геогр., астр. третья от солнца планета солнечной системы», «земная кора, земные недра», «обычно какая. природное минеральное вещество, сырье». Можно предположить, что появление новых дефиниций связано с развитием точных наук: географии, астрономии, минералогии. Об этом свидетельствуют пометы *геогр.*, *астр.*, ограничива-

ющие сферу употребления слова. Словарь XVIII в. фиксирует, представленные в «СРЯ XI–XVII вв.» значения: «земной шар, вселенная, место жизни человека и всего живого», «суша (в противоположность водному пространству)», «поверхность земли; то, что находится под ногами», «верхний слой земли, почва, грунт», «по представлениям философов древности, одна из стихий, лежащих в основе всех естественных тел», «рыхлое вещество, входящее в состав земной коры», «земельное угодье, владение, участок, используемые в хозяйственных целях», «страна, государство, край, провинция», «фон, поле, грунт», «название девятой буквы (З) в славянской и русской азбуке». Значение «низ, основание чего-л.» в словаре отсутствует. Кроме основных значений у ряда дефиниций фиксируются оттенки значений. Так, значение «земной шар, вселенная, место жизни человека и всего живого» имеет оттенки «земля в противопоставлении небу и сопоставлении с ним как мира человеческого миру божественному» и «об обитателях земли, земного шара». Значение «третья от солнца планета солнечной системы» имеет оттенок значения «любая планета» появляется у слова *земля* в связи с развитием российской науки, о чем свидетельствуют пометы *геогр.*, *астр.*

В «Словаре Академии Российской» лексема *земля* подается как полисемичная и фиксирует практически те же восемь значений, что и «СРЯ XVIII в.», но не дает дефиниций «третья от солнца планета солнечной системы», «земная кора, земные недра», «обычно какая. природное минеральное вещество, сырье». Отдельно стоит отметить значение «люди, живущие на земле», ранее не встречавшееся в словарях как самостоятельное и фиксировавшееся лишь как оттенок.

В издании XIX в. – «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля – отмечено несколько значений лексемы *земля*: «третья от Солнца планета», «наш мир, шар, на котором мы живем,

земной шар», «четвертая стихия», «суша, берег, материк, как противоположность воде, морю», «страна, народ и занимаемое им пространство, государство, владение, область, край, округ».

В 1858–1861 гг. вышел «Словарь церковно-славянского языка» под редакцией А. Х. Востокова, где была собрана лексика из рукописных и печатных книг различного происхождения. Словарь подает лексему как полисемичную и дает значение, количество которых по сравнению с предыдущими периодами сокращается. Это связано с тем, что семантика отдельных значений генерализируется, расширяется за счет объединения значений. Так, произошло со значениями «земная поверхность», «почва, верхний слой земли» и «земля, рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета и образующее почву» (= «почва, поверхность, верхний слой земли»). В словарях XIX века, как и в словарях XVIII века, не фиксируются значения «низ, основание чего-л.», но появляется новая дефиниция «поль или помость».

В словарях начала XX века, в частности в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, существительное *земля* вновь определяется как омонимичное, однако второе толкование отмечает историчность функционирования. Омоним *земля* в первом случае имеет восемь дефиниций, пять из которых употребляются только в единственном числе («только ед. планета, на к-рой мы живем», «перен., только ед. В мифологии и поэзии – реальная действительность, в противоп. миру идеальному, небу (книжн., поэт. устар.)» «только ед. суша (в отличие от водных пространств)», «только ед. почва, верхний слой коры нашей планеты», «только ед. твердая поверхность, почва, по к-рой мы ходим, на которой стоим»). Среди представленных в словарной статье восьми дефиниций семь из них встречались в более ранних словарях. Значение «название различных красок (спец.)» встречается в словарях впервые. Помета

спец. используется для слов, употребляющихся в определенной области науки, техники, искусства и т.д., что говорит об использовании лексемы *земля* в данном значении узкого круга лиц.

Подача значения «реальная действительность, в противоп. миру идеальному, небу (книжн., поэт. устар.)» в словаре сопровождается стилистической пометой *книжн.*, указывающей на употребление данного слова в книжной речи, и пометами *устар. поэт.*, свидетельствующими о преимущественном употреблении данного слова в языке поэзии XIX в. Семантическая помета *перен.* указывает на метафоричность значения.

Значение «почва, верхний слой коры нашей планеты» подается с оттенком значения «рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета, входящее в состав коры нашей планеты», характерным для разговорной речи (стилистическая помета *разг.*). В ранние периоды данное значение фиксировалось словарями как самостоятельное: «земля, рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета у образующее почву» («СРЯ XI–XVII вв.).

Лексема *земля* в значении «страна, государство» относится к пассивному словарному запасу, данный факт отражается в помете *устар.* Кроме того, в статье дается оттенок значения «народ» с пометой *старин.*, указывающей на то, что слово принадлежит языку русской старины. В «Словаре Академии Российской» (XVIII в.) данное значение фиксировалось как самостоятельное: «люди, живущие на земли».

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова находим исследуемую лексему как полисемичную, а не омонимичную. Количество значений уменьшается в сравнении со словарем Ушакова. Отсутствуют значения «реальная действительность, в противоп. миру идеальному, небу», «название различных красок» и «старинное название буквы “з”». Значение «рыхлое тёмно-бурое вещество, входящее

в состав коры нашей планеты» подается как самостоятельное, а не оттенок значения, как это было в словаре Ушакова. Значение «страна, государство, а также вообще какая-н. большая территория Земли» имеет помету *высок.*, указывающую на торжественность в употреблении. Словарь также фиксирует новое значение «в Австрии и Германии: административно-территориальная (федеративная) единица».

В «Словаре современного русского литературного языка» лексема *земля* представлена как омонимичная. В первом случае существительное имеет восемь значений: «третья от солнца планета, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг солнца», «верхний слой земной коры; почва, грунт», «суша (в отличие от водной поверхности)», «обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва», «страна, государство», «поле, фон ткани, по которому сделан рисунок», «составная часть названий некоторых красок». Значение «третья от солнца планета, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг солнца», согласно данным словаря имеет оттенок значения, употребляемый в переносном значении (помета *перен.*) «перен. место жизни и деятельности человека. При противопоставлении небу как воображаемому миру богов, идей и т. п.». Оба эти значения характерны преимущественно для книжной речи, хотя соответствующих помет составители словаря не дают. Оттенок «плоскость, по которой ходят; пол, низ», подающийся к значению «верхний слой земной коры; почва, грунт» также имеет помету «переносное». Интересно, что авторами словаря XII–XVII вв. данный оттенок подается как самостоятельное значение.

В «Словаре русского языка» в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой лексема представлена как омонимичная. Словарь не фиксирует значение «спец. составная часть названий некоторых красок», встречающееся в более ранних словарях XX века. Значение «третья от Солнца, обитаемая нами планета (с прописной буквы)»

имеет оттенок значения «место жизни и деятельности людей». Значение «верхний, поверхностный слой коры нашей планеты, а также ее более глубокие слои; почва, грунт» подается с оттенком значения «поверхность, плоскость, на которой мы стоим, по которой движемся». Значение «страна, государство» имеет помету *высок.*, что говорит об употреблении слова в данном значении в торжественной обстановке. Значение «поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок» имеет помету *устар.*, указывающий на переход слова в данном значении в пассивный запас лексики.

В «Толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова, отражающем лексику 1990-х гг., лексема *земля* также омонимична. Первый омоним представлен девятью значениями. Словарь не дает новых значений. Стоит так же отметить, что представленные дефиниции не имеют стилистических или грамматических помет. Вторым омоним представлен одним значением: «название буквы "з" в церковнославянской и старой русской азбуке. "Зело" и "земля" произносились одинаково».

В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой, отражающем лексику рубежа XX–XXI веков, лексема *земля* вновь определяется как омонимичная. Значения первого омонима *земля* в словарной статье подаются отдельно под римскими цифрами:

I. «верхний слой коры третьей от Солнца планеты Солнечной системы; почва, грунт», «поверхность, на которой стоим, по которой ходим», «суша (в отличие от водного или воздушного пространства)», «территория какой-либо страны, какого-либо государства», «территория с угодьями, находящаяся в чьей-либо собственности». Все они имеют общую сему «пространство»;

II. «фон ткани, обоев и т.п., на котором сделан рисунок» с пометой *разг.* указывающей на употребление слова в данном значении исключительно в разговорной речи. Интересно, что словарь не относит

данную дефиницию к пассивному запасу лексики, в отличие от «Словаря современного русского литературного языка»;

III. «название буквы древней славянской или старой русской азбуки». Данная дефиниция в других словарях определялась как омонимичная.

Значения второго омонима в словаре Ефремовой также подаются отдельно под римскими цифрами: I. «одна из девяти – третья от Солнца – больших планет Солнечной системы», «третья от Солнца планета Солнечной системы как место жизни и деятельности человека». Выделенные составителями словаря значения в более ранние периоды представляли собой одно целостное значение;

II. «наземный центр управления полётами». Ранее не фиксируемое значение сопровождается пометой об употреблении лексемы в данном значении только в разговорной речи.

В словарях XXI века, в частности в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева, в фокусе внимания автора – живое употребление слова в контексте. Словарь представляет тридцать четыре варианта словоупотребления лексемы *земля*. Большинство из них являются устойчивыми выражениями или фразеологизмами. Представляется, что только ряд словоупотреблений можно считать полноценными, не образными, не ассоциативными дефинициями. Таким образом, словарь дает только шесть дефиниций, отраженных в словарях более ранних периодов и даже не включает в себя такие значения, как «поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок», «название различных красок».

В результате проведенного исследования удалось проследить основные этапы развития системы значений лексемы *земля*. Существительное *земля* в донациональную эпоху являлось омонимичным. В древнерусский период появились три значения лексемы: «земля как место обитания людей, земной мир (преимущественно – в противопоставлении миру идеаль-

но, небу (оттенки значений «земля как часть вселенной», «люди, жители вселенной»), «низ, основание чего-л.», «земная поверхность». К старорусскому относятся семь значений с их оттенками: «земля как одна из четырех стихий («первозлементов», лежащих, по представлениям древних, в основе всех явлений природы), «суша, земная твердь», «почва, верхний слой земли, «земля, рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета у образующее почву» (оттенок значения «прах»), «обрабатываемая земля, нива, пашня; земельное угодье» (оттенок значения «участок земли, отдельное земельное владение», «страна, государство, край, земля» (оттенки значения «народ, жители страны, земли», «войско страны, земли»), «поле, по которому на чем-л. сделан рисунок». А также омонимичное слово *земля* со значением «название буквы «з» в русской азбуке». В «Словаре русского языка XVIII века» объем лексемы увеличился: к уже известным значениям добавляются новые значения: «геогр., астр. третья от солнца планета солнечной системы», «земная кора, земные недра», «обычно какая. природное минеральное вещество, сырье». Словарь данного периода не фиксирует значение «низ, основание чего-л.», лексема продолжает отмечаться как омонимичная.

Словарь Даля, отражающий лексику XIX века, подает лексему как моносемичную, но при этом дает в качестве дополнения несколько оттенков значений: «наш мир, шар, на котором мы живем, земной шар», «четвертая стихия», «суша, берег, материк, как противоположность воде, морю», «страна, народ и занимаемое им пространство, государство, владенье, область, край, округ». «Словарь церковнославянского языка» под ред. А. Х. Востокова того же периода фиксирует у слова *земля* восемь значений. Сокращение количества дефиниций по сравнению с XVI–XVIII вв. связано в первую очередь с расширением некоторых значений за счет

объединения авторами словарей нескольких дефиниций в одну: «земная поверхность», «почва, верхний слой земли» и «земля, рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета и образующее почву» (= «почва, поверхность, верхний слой земли»). В XIX века появляется новая дефиниция «поль или помость».

В словарных статьях словарей XX–XXI вв. в среднем дается 7–8 дефиниций лексемы *земля*. В XX веке появляются три новых значения: «название различных красок (спец.)», «разг. наземный центр управления полётами», и «в Австрии и Германии: административно-территориальная (федеративная) единица». В пассивный запас лексики уходят значения: «шарь, обитаемый нами», «твердая и тяжелейшая из стихий», «страна, государство (устар.)», «устар. поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок». В большинстве современных словарей лексема *земля* подается как омонимичная.

Значения лексемы *земля* на протяжении XI–XXI вв. претерпевали существенные изменения. Некоторые значения, возникнув в определенный период, прочно закрепились в языке и **сохранились** до сегодняшнего дня. Некоторые значения / оттенки значений, возникшие в тот или иной языковой период, оказывались позднее **утраченными**: «земная кора, земные недра», «природное минеральное вещество, сырье» и оттенки значения «любая планета», «берег», оттенки значений «прах», «люди, жители вселенной» и «войско страны, земли». Ряд значений у слова *земля* появляется только в XX веке. Это значения «в составе названий красок», «в Австрии, в Германии: крупная административно-территориальная единица» «разг. наземный центр управления полётами». Их появление связано с новыми реалиями, возникшими в XX веке. Появление новых дефиниций говорит о семантическом развитии лексемы *земля*.

Определенная сложность возникает при разграничении слова и оттенка значе-

ния: не все составители словарей сходятся во мнении. Так, оттенок значения «земля как часть вселенной» («СРЯ XI–XVII») в XVIII–XIX вв. фиксируется словарями уже как самостоятельное значение «шарь, обитаемый нами», но в более поздние периоды уходит из языка. А дефиниция «плоскость, по которой ходят; пол, низ» до XX века, подающаяся как самостоятельное значение, в некоторых словарях фиксируется как оттенок значения: «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, «Словарь современного русского литературного языка».

Существительное *земля* в донациональную эпоху являлось омонимичным. Вероятно, омонимия возникла в результате распада полисемии. В качестве омонима во всех словарях фиксируется слово *земля* в значении «название девятой буквы славянской азбуки». Можно предположить, что название буквы З – *земля* опосредованно, метафорически связано с прямым значением «земля как место обитания людей, земной мир (преимущественно – в противопоставлении миру идеальному, небу)».

Стоит отметить, что большинство значений слова *земля* являются общеупотребительными и в словарях подаются без помет. Исключение составляет значение «составная часть названий некоторых красок» с пометой *спец.*, указывающей на узкую сферу его употребления (оно не имеет широкого распространения в литературном языке). Кроме того, в словарях встречаются значения с пометами, показывающими стилистическую маркированность слова. Так, значение «страна, государство» дается с пометой *высок.* («Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой), значение «наземный центр управления» имеет помету *разг.* («Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой).

Таким образом, анализ исторических и толковых словарей показал, что в течение XI–XXI веков происходила эволюция системы значений лексемы *земля*: объем

значений слова постепенно увеличивался под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в четырех томах. М.: АСТ, 2023.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С. Г. Бархударова и др.: в 31 т. – М.: Наука, 1975–2016.
3. Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984–1991.
4. Словарь современного русского литературного языка / глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев (глав. ред.) и др.; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – М.; Л., 1950–1965.
5. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: Астрель : АСТ, 2006.
6. Словарь церковно-славянского языка /под ред. А.Х. Востоков. Т. 1. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наукъ, 1858.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева/ Изд. 3-е, стер. – М.: Русский язык, 1985–1988.
8. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков ; под ред. Н. Ф. Татьянченко. – М.: Альта-Пресс, 2005.
9. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель, 2003.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. – М.: Азъ Ltd, 1992.

© Канафиев Р. Н., Язырадов М., 2025

УДК 821.161.1

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ
СО ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

EDN GJPNKR

Чэн Цзин
Шэнь Цзыци

Преподаватель, e-mail: 1785499853@qq.com,
студент, e-mail: 1306604280@qq.com,
Педагогический университет Цзянси,
Цзянси, Китай

THE STUDY OF THE HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE IN CHINA
SINCE THE ESTABLISHMENT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Cheng Jing
Shen Ziqi

Lecturer,
student,
Jiangxi Normal University,
Jiangxi, China

Abstract. This article focuses on a systematic review and analysis of the development, translation, and study of Russian literature in China since the founding of the People's Republic of China (from 1949 to the present). This study uses a combination of historical analysis and textual criticism to identify the process of formation, assimilation, and independent development of Russian literary history by Chinese scholars. The study shows that the study of Russian literary history in China since the founding of the PRC has gradually shifted from initial imitation in translation to independent creativity, achieving significant success in both depth and breadth.

Keywords: history of Russian literature; new China; translation; research paradigm; history of development.

Со времени образования Нового Китая русская литература, благодаря своей уникальной идейной глубине, художественной привлекательности и вниманию к реальности, заняла ключевое положение в китайских литературных кругах и академической сфере. Особые исторические корни и традиции культурного обмена между Китаем и Россией (СССР) заложили прочную основу для широкого перевода, углубленного изучения и непрерывного развития русской литературы на территории Китая. С 1949 года русская литература не только была введена как важный ресурс иностранной литературы, но и в различные исторические периоды глубоко влияла на китайские литературные направления, эстетические вкусы и даже социокультурные представления, став важным окном для наблюдения за обменом и изменениями в китайско-иностранной культуре.

Настоящая статья ставит своей целью систематически рассмотреть и исследовать историю развития, перевода и изуче-

ния русской литературы в Китае со времени образования Нового Китая.

Данное исследование использует метод сочетания исторического анализа и текстового обзора, чтобы полно и объективно представить эту сложную и богатую академическую картину.

В частности, в данной статье развитие истории русской литературы со времени образования Нового Китая разделено на два основных этапа для углубленного изучения: Первый этап охватывает период от ранних лет образования Нового Китая до конца 1970-х годов; в этот период понимание китайцами истории русской литературы в основном зависело от перевода и введения трудов по истории литературы, составленных русскими (советскими) учеными. Второй этап фокусируется на бурном развитии самостоятельного составления и исследования китайскими учеными с 1980-х годов, а также на усвоении и осмыслении результатов западных исследований по истории русской литературы. В данной статье сначала будут рассмотрены и проанализированы основные

особенности, репрезентативные переводы и их влияние на первом этапе.

Первый этап – период становления КНР: доминирование переводных работ. Например, «История русской литературы» Бродского (в трёх томах) была переведена на китайский язык Цзян Лу, Сунь Вэем и Лю Ляои и опубликована Издательством «Цзоцзя чубаньшэ» в 1954–1962 годах, став важным каналом для знакомства китайских учёных с русской литературой после основания КНР. Эта книга начинается с обобщения характерных черт русской литературы: «Русская литература всегда славилась своей способностью правдиво отражать жизнь» [2, с. 2], «Русскую литературу, сохранявшую верность передовым идеям освобождения, вплоть до дней Великой Октябрьской социалистической революции, когда советская литература открыла новую эру в развитии мировой литературы» [2, с. 3].

Далее Бродский говорит о значении литературы: «Литература – это уникальная летопись человеческого общества, а также мощный культурный инструмент в руках человека. ...Воспитательная роль нашей советской литературы особенно велика, она освещает человечеству путь к коммунизму». Из этого видно, что автор ставит своей целью подчеркнуть поучительное значение литературы. Вся книга разделена на литературу XI–XVII веков, включая введение к таким произведениям, как «Слово о полку Игореве»; литературу XVIII века, с рассказами о Кантемире, Ломоносове, Державине, Карамзине и других; литературу XIX века, на которой Бродский сосредоточил своё внимание, он подробно описал литературный путь и творчество Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Островского, Тургенева, Некрасова, Толстого и Чехова. Манера изложения автора следует парадигме написания истории русской литературы, но отличается от предшественников тем, что в ней обсуждаются отношения между ключевыми писателями и мировой литерату-

рой, например, Пушкин и мировая литература, Толстой и мировая литература, а также Чехов и мировая литература.

Автор пишет в тексте такие пояснения, как: «Чехов, как Тургенев, как Толстой, ещё при жизни был признан писателем, принадлежащим всему миру». Более полувека назад Бродский уже мог рассматривать русскую литературу с точки зрения мировой литературы, что делает эту историю литературы новаторским произведением. Однако в этом труде не был сделан акцент на таких писателях, как Достоевский, ему было отведено лишь шесть страниц.

На самом деле, сам автор уже объяснил причину: он считал Достоевского «увлечённым утопическим социализмом» и по его мнению, «отказавшимся от борьбы, став покорным человеком» [2, с. 974]. Тем не менее, в конце автора всё же подтвердил ценность и значимость Достоевского и его произведений: «Хотя основные идеи содержат ошибки и реакционность, «Преступление и наказание» является выдающимся явлением в ре. ...Психологический анализ и интерпретация капиталистического реализма делают этот роман одним из лучших произведений мировой литературы» [2, с. 976].

«История русской литературы» Горького была переведена известным китайским переводчиком, теоретиком западной литературы Мяо Линчжу (Мяо Ланшань). Вся книга состоит из пятнадцати глав («Русская литература эпохи Екатерины», «Романтизм и Жуковский», «Декабристы и Пушкин», «Западники и славянофилы», «О Гоголе», «Писатели-разночинцы», «Самокритика дворянства», «Крестьянское движение и литература», «Петрашевский и его время», «О Герцене», «Литература после отмены крепостного права», «Новый тип интеллигента в литературе», «Достоевский и Успенский», «Новодворский / Салтыков-Щедрин и Лесков» и «Лев Толстой») и приложения «Гибель личности».

С точки зрения структуры глав, при выборе материалов и содержания для составления истории литературы Горький прежде всего учитывал идеологию и классовую принадлежность литературы, а не само литературное искусство, поэтому эта история литературы имеет определённые ограничения. Например, в предисловии к книге автор пишет: «Литература – это образное выражение идеологии – чувств, мнений, намерений и надежд – различных классов и групп общества. «Она является наиболее чутким и верным отражением классовых отношений; она использует весь опыт нации, класса, группы для достижения своих целей», «следовательно, литература – это самое распространенное, удобное, простое и всегда победоносное средство пропаганды классовых устремлений» [1].

Второй этап – с 1980-х годов по настоящее время: расцвет самостоятельных исследований. Типичными трудами являются «История русской литературы» (1986), написанная И. Шуцюанем и другими. В тот же период в нашей стране непрерывно появлялись многочисленные труды по истории русской литературы, при этом обобщающие работы представлены «Краткой историей русской литературы» Жэнь Гуансюаня (2006) и «Краткой историей русской литературы» Чжэн Тиу (2006). Версия истории литературы Жэнь Гуансюаня является информативной (около 550 тысяч иероглифов), её изложение объективно, она охватывает четыре основных раздела: древняя литература, литература XVIII века, литература XIX века и литература XX века. Выдающейся особенностью этой книги является то, что обзоры литературы каждого периода и произведения авторов излагаются по жанрам (поэзия, проза, драматургия); если писатель был одновременно поэтом, прозаиком и драматургом, то нам приходится искать соответствующую информацию о нём в трёх разных разделах: поэзии, прозы и драматургии, что, по-видимому, недостаточно

учитывает внутреннюю преемственность литературы.

Чжэн Тиу, описывая первоначальный замысел «Краткой истории русской литературы», отмечал, что книга «ориентирована на широкого читателя» и уделяет внимание «краткости и ясности изложения». Безусловно, из-за ограниченного количества слов эта книга является подлинной краткой историей, но она достигает цели ознакомления широкой публики с историей русской литературы. Вся книга, как и версия Жэнь Гуансюаня, также разделена на четыре основные части: древнерусская литература, литература XVIII, XIX и XX веков.

Кроме того, в качестве специального консультанта книги был приглашён Гэ Баоцюань, который написал статью «Русская литература и Китай» в качестве предисловия к ней. В этой статье господин Гэ указал на причину глубокой любви китайского народа к русской литературе: «Русская литература – это реалистическая литература, “искусство ради жизни”, литература, обладающая высокой идейностью, художественностью и образовательным значением».

В первой главе «Общие положения» книги «История русской литературы», написанной И. Шуцюанем и другими, отмечается, что русская классическая литература – это «прогрессивная, художественно ценная национальная литература» и «обладает огромной познавательной ценностью, по праву являясь учебником жизни», тем самым подтверждая важность классической литературы.

В методологическом плане составитель говорит, что «к достижениям и ограничениям русской литературы необходимо применять марксистский аналитический подход». Исходя из этого, вся книга в своём изложении последовательно придерживалась марксистских взглядов и методов. Однако, просмотрев всю книгу, мы обнаружили, что она всё ещё не вышла за рамки влияния русской литературы. Например, в её обзоре роман-

тизма акцент сделан на «активном романтизме» с целью показать его связь с реализмом, а описание реализма также концентрируется на «критическом реализме», при этом уделяется недостаточно внимания другим направлениям. Даже упомянутые другие направления, такие как символизм, акмеизм и футуризм начала XX века, чаще всего получают негативную оценку.

«История русской литературы» (1989) под редакцией Цао Цзинхуа является вторым репрезентативным трудом такого рода в нашей стране после 1980-х годов, опубликованным издательством «Жэньминь вэньсюэ». Эта книга занимает весьма важное положение, получила специальную премию за выдающиеся учебники страны и до сих пор признана авторитетным трудом в области изучения русской литературы в Китае.

Следует особо отметить, что это издание отличается от предыдущих историй русской литературы, составленных в нашей стране, главным образом в двух аспектах: во-первых, это различие в делении на главы и выборе ключевых авторов, например, литература XVIII века выделена в отдельную главу, а также усилено внимание к менее изученным писателям (таким как Жуковский, Тютчев и Фет); во-вторых, подчёркиваются внутренние закономерности литературы, внимание уделяется самой литературе, её многообразию и сложности развития, что делает книгу более литературной и системной, например, глубокий анализ произведений авторов дополняется блестящими исследованиями китайских учёных в области русской литературы, так, интерпретируя лирическую поэзию Пушкина, составители пишут: «Лирическая поэзия Пушкина отличается широтой тем, разнообразием форм, искренностью чувств, плавностью и лаконичностью.

В ранний период он часто воспевал, или же смеялся и негодовал, высмеивая власть имущих; в поздний период он ста-

новился более сдержанным, богатым философией; порой он тихо напевал грустные песни, изливая страдания передовых людей от реакционного правления, но в целом его стиль свеж и ясен. Подобные классические выражения, интерпретирующие взгляды китайских учёных, в этой книге встречаются повсюду. Исходя из вышеуказанных достоинств, данная книга является произведением высокого класса. Однако в книге всё ещё есть определённые места для улучшения, например, в неё следовало бы включить описание истории литературы конца XIX – начала XX века; пропуск этого периода русской литературы лишает данную историю связности и полноты, что, конечно, связано с социальным контекстом и политической обстановкой во время её написания.

Исходя из этого, мы должны рассматривать данное произведение объективно и диалектически. «История русской литературы» Мирского состоит из двух томов: первый том охватывает литературу с древнейших времён до смерти Достоевского (1881 год), а второй том посвящён русской литературе периода 1881–1925 годов; вся книга содержит главы, посвящённые более чем 60 русским писателям.

Профессор Лю Вэньфэй, переводчик этой книги, выделил четыре её особенности: гибкая структура и естественная преемственность, живой язык и сильное литературное чутьё, уникальные идеи и остроумные заключения, а также русско-западное сопоставление и сравнительная перспектива. Как отметил переводчик, эта книга имеет множество достоинств, с чётко выраженными акцентами и оригинальными идеями.

Автор уже в 1920-х годах смог прийти к мысли о сравнительном анализе двух писателей: Достоевского и Толстого, что имеет огромное новаторское значение. Однако у этой книги можно перечислить и множество недостатков. Например, субъективное мировоззрение автора слишком сильно; оценивая Белинского, он

отмечает: «Именно Белинский наиболее ярко выраженным стремлением к выражению идей отравил русскую литературу, и это стремление прискорбно долго существовало» [4, с. 230], а объясняя Мережковского, он пишет: «Основой его религии были не личные религиозные чувства, а медитация его мозга, склонного к симметрии». «Судя по религиозным меркам, его произведения – лишь литература; судя по литературным меркам, они – плохая литература» [4, с. 163]; а при анализе произведений, «в тематическом плане Мирский явно пренебрегает массовой литературой, в то время как в жанровом плане он время от времени проявляет “классическое предубеждение” о превосходстве поэзии над прозой».

Даже при том, что «История русской литературы» Мирского отличается такой сильной индивидуальностью, ее значение все еще весьма примечательно. Лю Вэньфэй суммирует ее практическое значение в трех пунктах: во-первых, учитывая парадигму письма под сильным идеологическим контролем в русско-советской литературе, наши коллеги мало знают об исследованиях истории русской литературы в Европе и Америке; эта книга позволяет нам больше не копировать методы российского литературоведения и беспристрастно рассматривать русскую литературу как сторонним наблюдателям; во-вторых, эта книга сама по себе является «историей литературы, написанной для нерусскоязычных читателей», и ее альтернативный взгляд и личные ощущения автора больше соответствуют мышлению китайцев; в-третьих, чтение этого западного учебника «История русской литературы» позволяет нам понять точку зрения западных исследователей русской литера-

туры, чтобы найти способы для обмена мнениями с западными учеными [3].

Таким образом, изучение истории русской литературы в Китае после образования Нового Китая прошло путь от первоначальной рецепции, где доминировали переводы советских историй с их идеологическим влиянием (на первом этапе, с момента образования КНР до конца 1970-х годов), до периода самостоятельного и критического анализа (на втором этапе, с 1980-х годов), ознаменованного расцветом отечественной историографии и активным освоением западных подходов. Эта эволюция от простого усвоения к созданию зрелой и многообразной исследовательской традиции демонстрирует значительный рост академической самостоятельности китайских русистов, способствуя углублению культурного взаимопонимания и равноправному диалогу с мировым научным сообществом.

Библиографический список

1. Абрамовская И. С. Творчество Н. В. Гоголя в историко-литературном курсе М. Горького / И. С. Абрамовская // Максим Горький: взгляд из XXI века: Материалы научной конференции с международным участием, посвященной 150-летию со дня рождения А. М. Горького, Великий Новгород, Старая Русса, 20–22 мая 2018 года. – Великий Новгород, Старая Русса: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. – С. 9–20.
2. Бродский И. А. История русской литературы, пер. Цзян Лу, Лю Ляои, М.: Издательство «Цзоцзя чубаньшэ», – Пекин, 1955. – 1216 с.
3. Лю В. К. Д. П. Святополк-Мирский и его "История русской литературы" / В. К. Лю // Русская литература. – 2013. – № 3. – С. 203–212.
4. Mirsky D.S. A History of Russian Literature, translated by Liu Wenfei. M.: Commercial Press, Beijing, – 2020. – 768 p.

© Чэн Цзин, Шэнь Цзыци, 2025

УДК 37

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ НЕЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ: ОПЫТ МГУ-ППИ

Чжоу Цань

Бакалавр, Университет МГУ-ППИ,
г. Шэньчжэнь, Китай

METHODOLOGICAL APPROACHES TO TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS IN A NON-LINGUISTIC ENVIRONMENT: THE EXPERIENCE OF MSU-PPI

Zhou Can

Bachelor, MSU-PPI University, Shenzhen, China

Abstract. The article examines the features of teaching Russian as a foreign language to Chinese students at the initial stage in a non-linguistic environment, using the joint educational project MSU-PPI in Shenzhen as a case study. The approaches of Chinese and Russian instructors, their methodological techniques, and the organization of the learning process are analyzed, as well as the interaction between teachers aimed at effective language acquisition and the development of students' communicative competence. It is shown that the combination of traditional and communicative-oriented methods contributes to successful mastery of lexical and grammatical material, the development of listening, speaking, reading, and writing skills, and the enhancement of students' motivation to learn Russian.

Keywords: Russian as a foreign language; Chinese students; initial stage of learning; non-linguistic environment; teaching methodology; communicative competence.

Россия и Китай выступают в качестве ведущих мировых держав и стратегических партнеров. Взаимодействие двух стран характеризуется расширением торгово-экономического сотрудничества и укреплением партнерских связей в научной, культурной и образовательной сферах. В этой связи наблюдается возрастающий спрос на квалифицированных преподавателей русского языка как иностранного, а также на специалистов, владеющих русским языком на высоком уровне, включая профессиональную сферу.

Данная тенденция обуславливает актуальность исследования, связанного с обеспечением качественной подготовки китайских студентов по русскому языку и формированием у них необходимых компетенций для успешной профессиональной деятельности и конкурентоспособности на рынке труда.

В 2014 году был подписан Указ о создании МГУ-ППИ в Шэньчжэне, учредителями которого стали Московский госу-

дарственный университет имени М. В. Ломоносова и Пекинский политехнический институт [7]. Образовательный проект, реализуемый в МГУ-ППИ, отличается уникальностью. Во-первых, студентам предоставляется возможность получения двух дипломов – МГУ имени М. В. Ломоносова и ППИ либо одного диплома ППИ. Во-вторых, программа двух дипломов предполагает обучение на русском языке. В-третьих, занятия по русскому языку ведут одновременно российский и китайский преподаватели.

Организация обучения основывается на образовательных стандартах, действующих в МГУ, в частности на Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования [8]. Спецификой МГУ-ППИ является отсутствие подготовительного факультета: китайские студенты осваивают русский язык непосредственно в условиях неязыковой среды. Начало изучения русского языка приходится на сентябрь, и уже через трин-

дцать недель они приступают к освоению курса «Введение в специальность». Со второго семестра первого курса вводятся лекционные занятия по профильным дисциплинам. Это предопределяет необходимость за ограниченный срок сформировать у студентов уровень владения языком, достаточный для полноценного участия в учебном процессе.

Целью проведенного исследования является анализ специфики работы китайского и российского преподавателей в процессе обучения китайских студентов русскому языку на начальном этапе в условиях отсутствия языковой среды. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выявление особенностей преподавания русского языка в китайской аудитории, рассмотрение организации учебного процесса двумя преподавателями, анализ методов обучения, применяемых китайскими и российскими педагогами, а также определение преимуществ их методик. В качестве методологической основы использовались описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы.

Теоретическую базу исследования составили труды российских и китайских специалистов, посвященные методологии обучения иностранных студентов русскому языку как иностранному (А. А. Акишина, Т. М. Балыхина, А. Н. Богомолов, Л. Ф. Гербик, О. Е. Каган, Г. А. Китайгородская, В. Г. Костомаров, Л. С. Крюкова, С. И. Лебединский, А. А. Миролубов, О. Д. Митрофанова, С. П. Розанова, С. А. Хавроница, М. П. Чеснокова, А. Н. Щукин и др.), вопросам обучения грамматике русского языка (Л. А. Бурмагина, А. В. Величко, З. Н. Ивлева, Л. В. Московкин, В. И. Остапенко и др.), исследованиям китайских ученых в области преподавания РКИ (Ван Лися, Вэнь Яо, Енг Чжао, Фэн Ши Сюань, Ян Хуэй и др.), а также трудам, посвященным интерактивным методам обучения (Л. Н. Вавилова, Ю. П. Ветров, Ю. В. Гущин, Н. Н. Двучичанская, Ю. Н. Емельянов и

др.) и проблемам мотивации студентов (Л. С. Выготский, Е. П. Ильин, А. Н. Леонтьев, М. Г. Ярошевский и др.).

Ряд исследователей отмечает специфику преподавания русского языка в китайской аудитории [9], которая определяется различиями в подходах китайских и российских педагогов [10], а также трудностями, связанными с особенностями менталитета студентов и различиями между русской и китайской языковыми системами [3]. Новизна работы заключается в проведении сравнительно-сопоставительного анализа основных методических приемов обучения китайских студентов русскому языку на начальном этапе в условиях неязыковой среды на материале опыта взаимодействия преподавателей МГУ-ППИ. Результаты исследования обладают практической значимостью и могут быть применены в образовательной деятельности и при дальнейшей разработке методики обучения.

Организация учебного процесса в МГУ-ППИ предполагает работу в группах двух преподавателей русского языка – русского и китайского. Это требует четкой координации их взаимодействия. В целях эффективного сотрудничества создаются разные каналы коммуникации: общий чат для студентов и обоих преподавателей, индивидуальные чаты для студентов с каждым преподавателем, а также отдельный чат для взаимодействия между преподавателями. Такая система обеспечивает решение организационных и методических задач, включая координацию темпа прохождения материала, обсуждение трудностей, обмен учебными материалами и презентациями. Практика показала высокую эффективность подобной организации: по итогам экзамена 94 % студентов продемонстрировали уровень владения русским языком, соответствующий А2.

Методы обучения иностранных языков определяются целями, задачами и условиями образовательного процесса [1; 2; 4]. В китайской аудитории важными факторами

выступают отсутствие языковой среды, различия в образовательных традициях и в языковых системах, а также этнопсихологические особенности студентов. На начальном этапе китайские учащиеся сталкиваются с трудностями во всех видах речевой деятельности, что требует использования комплексного подхода.

Китайские преподаватели, как правило, придерживаются традиционной методики, основанной на грамматико-переводном методе [5; 9; 10]. При таком подходе обучение центрировано на преподавателе, а студенты выступают пассивными участниками процесса. Основными видами деятельности становятся заучивание лексики, перевод предложений и выполнение тестов. Этот метод способствует адаптации студентов, однако ограничивает их возможности в овладении устной речью.

Российские преподаватели используют преимущественно коммуникативно-ориентированные методики, основанные на активизации речевой деятельности студентов. Обучение центрировано на учащемся и предполагает использование разнообразных методов: интенсивного, аудиовизуального, метода погружения, личностно-ориентированного подхода. Основная цель заключается в формировании способности решать коммуникативные задачи средствами русского языка. При этом особое внимание уделяется включению лингвострановедческого компонента, что способствует повышению мотивации [6].

Учитывая этнопсихологические и культурные особенности китайских студентов, российские преподаватели активно используют наглядные средства: рисунки, схемы, презентации, видеоматериалы. Такое взаимодействие двух педагогов позволяет сочетать сильные стороны разных методик: китайский преподаватель облегчает усвоение грамматических конструкций через аналогии с родным языком, а российский преподаватель обеспе-

чивает практическую сторону овладения языком – фонетику, интонацию, говорение, аудирование, чтение и письмо.

Сравнительный анализ показывает, что китайские педагоги оценивают достижения студентов преимущественно на основе результатов диктантов и тестов, тогда как российские преподаватели используют комплексный подход, учитывая посещаемость, активность, выполнение домашних заданий и участие в учебной деятельности. Такой подход способствует развитию систематической работы студентов и их более высокой мотивации.

Результаты исследования позволяют заключить, что обучение китайских студентов русскому языку в условиях неязыковой среды является комплексной задачей, требующей использования различных методов и сочетания традиционных и коммуникативных подходов. Эффективность учебного процесса обеспечивается благодаря взаимодействию китайского и российского преподавателей, что позволяет объединить преимущества обеих методик: теоретическую подготовку и практико-ориентированное обучение, направленное на развитие коммуникативной компетенции.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
2. Большакова Н. Г. Этноориентированная методика обучения китайских учащихся самостоятельному чтению // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 4.
3. Волков К. В., Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-tipologicheskikh-harakteristik-kitayskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 27.02.2025).
4. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: Высшая школа: Научно-образовательный центр "Школа Китайгородской", 2009. 277 с.

5. Куратченко М. А., Севастьянова С. К., Зимина Л. О. Обучение русскому языку как иностранному в КНР: историко-культурный и методологический аспекты // Вестник педагогических инноваций. 2022. № 2 (66).
6. Крылова М. Н. Способы мотивации учебной деятельности студентов вуза // Перспективы науки и образования. 2013. № 3. С. 134–137.
7. МГУ-ППИ в Шэньчжэне [Электронный ресурс] // URL: <https://smbu.ru/istorija/> (дата обращения: 16.09.2025).
8. ФГОС ВО от 12 августа 2020 г. № 970. [Электронный ресурс] // URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 27.02.2025).
9. Цзя Цянь, Ло Сяоя. Методика обучения РКИ в китайских вузах при сотрудничестве китайских и русских преподавателей // Тяньцзиньский педагогический университет, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика // Вестник СВФУ 2023. № 3 (31). С. 57–64.
10. Ян Хуэй, Петрова С. М. Особенности обучения русскому языку в современной китайской аудитории: проблемы и пути решения // Вестник СВФУ 2021. № 3 (23). С. 38–44.

© Чжоу Цань, 2025

УДК 349.2

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА,
ФАКТИЧЕСКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
КАК ОСНОВАНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЯ
К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

EDN GWCKRM

Т. А. Пананто

*Магистрант, e-mail: pananto_tanusha@mail.ru,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Россия*

**CONCLUSION OF A CIVIL CONTRACT
ACTUALLY REGULATING LABOR RELATIONS AS A BASIS FOR ENGAGING
AN EMPLOYER ADMINISTRATIVE LIABILITY**

Т. А. Pananto

*Master's student,
Pacific State University,
Khabarovsk, Russia*

Abstract. The article considers the conclusion of a civil contract that actually regulates labor relations as a type of administrative offense. The author analyzes the provisions of the legislation providing for administrative liability for this offense. The author considers in detail examples of court cases on the issue of recognition of a civil contract as labor. A general conclusion is formulated.

Keywords: civil contract; employment contract; administrative offense; administrative liability.

Недопустимость заключения гражданско-правового договора, который по сути регулирует трудовые отношения, является фундаментальным принципом российского трудового законодательства. Эта норма прямо закреплена в части 2 статьи 15 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ [2] (далее – ТК РФ). Основная цель данного запрета – защита прав и гарантий работника, поскольку трудовые отношения и гражданско-правовые имеют кардинальные различия в правовом регулировании. При заключении трудового договора гражданин получает социальные гарантии: оплачиваемый отпуск, больничный лист, страховые взносы в фонды, защиту от необоснованного увольнения, соблюдение режима рабочего времени и места работы. Ничего из этого гражданско-правовой договор не предусматривает.

Работодатели иногда используют вариант заключения гражданско-правового договора для минимизации налоговой нагрузки и ухода от обязательств, предусмотренных ТК РФ. Однако закон четко указывает: если в реальности между сторонами складываются отношения, имеющие признаки трудовых (например, работник подчиняется внутреннему трудовому распорядку, работает под руководством конкретного лица, выполняет постоянную трудовую функцию, а не разовое задание, получает фиксированную регулярную оплату труда), то такие отношения должны быть оформлены исключительно трудовым договором. Не имеет значения, как стороны назвали свой документ; юридическую силу имеет фактическое содержание отношений.

Ответственность за заключение гражданско-правового договора, фактически

регулирующего трудовые отношения между работодателем и работником, установлена частью 4 статьи 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ [1] (далее – КоАП РФ). Санкция указанной статьи предусматривает ответственность в виде наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

Однако при рассмотрении вопроса о назначении административного наказания за совершение указанного правонарушения первоначально имеет значение фактическое признание судом гражданско-правового договора трудовым. В этой связи при признании судом гражданско-правового договора трудовым имеют существенное значение следующие обстоятельства:

- 1) достижение сторонами соглашения о личном выполнении работником определенной, заранее обусловленной трудовой функции в интересах, под контролем и управлением работодателя;
- 2) подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда;
- 3) возмездный характер трудового отношения (оплата производится за труд).

Проиллюстрируем данные положения примером из судебной практики. В частности, определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 апреля 2021 года по делу № 88-7475/2021 [4] были оставлены без изменения судебных акты судов нижестоящих инстанций, поскольку в договоре подряда, заключенном между ответчиком и погибшим Е. не определен конкретный перечень и объем подрядных работ, цена договора; погибший не обладал свободой действий при

оказании услуг, не мог оказывать услуги в удобное для себя время, средствами и способами по своему выбору. Такие признаки как возмездность, периодичность оплаты по договору (ежемесячная), личное исполнение обязанностей, прием претензий от абонента по качеству работы и несение гарантийных обязательств перед абонентом непосредственно компанией, а также обучение Е. по должности «инсталлятор» (монтаж абонентских линий) свидетельствуют об исполнении Е. трудовых функций.

Также, Определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06 сентября 2022 года по делу № 88-12812/2022 [5] установлено, что разрешая спор и признавая сложившиеся отношения трудовыми, суд исходил из того, что подписанные сторонами гражданско-правовые договоры содержали признаки трудового договора, а именно, указанные договоры содержат условие о личном выполнении работником за плату конкретно определенной трудовой функции в виде управления транспортным средством; производилась компенсация расходов на оплату ГСМ, компенсация расходов на оплату проживания при выезде за пределы Советского района.

В другом судебном деле судом кассационной инстанции, наоборот, были отменены судебные акты судов нижестоящих инстанций, а дело направлено на новое рассмотрение. Так, Определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19 января 2023 года по делу № 88-145/2023 [6] установлено, что между тем обстоятельства, касающиеся характера возникших правоотношений между истцом и ответчиком, с учетом подлежащих применению норм трудового и гражданского законодательства в качестве юридически значимых определены не были.

Вследствие неправильного применения норм трудового законодательства суды первой и апелляционной инстанций отклонив искивые требования К.И.С. о признании отношений трудовыми, обяза-

нии оформить трудовой договор не выяснили, не указали в судебных постановлениях какие фактически правоотношения сложились между сторонами, имелись ли между сторонами признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в статьях 15 и 56 ТК РФ, в том числе с учетом особенностей регулирования труда дистанционных работников, либо стороны сотрудничали на условиях договора, регулируемого гражданским законодательством, определив вид такого договора, не было ли со стороны ответчика злоупотребления при возмездном оказании услуг вопреки намерению работника как экономически более слабой стороны заключить трудовой договор.

При этом, принимая решение об отказе К.И.С. в иске, суд первой инстанции и согласившийся с ним суд апелляционной инстанции не учли императивные требования части 3 статьи 19.1 ТК РФ о том, что неустранимые сомнения при рассмотрении судом споров о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями толкуются в пользу наличия трудовых отношений. Судами не учтено, что осуществление истцом самостоятельной деятельности в области рекламы не исключает возможности работы на условиях трудового договора в какой-либо организации.

В судебной практике также имеются и иные случаи, когда суды, наоборот, отказывают в признании гражданско-правового договора фактически трудовым. Так, факт прохождения обучения и проверки знаний по охране труда лицом, принятым по гражданско-правовому договору, само по себе не подтверждает возникновение трудовых отношений.

В частности, Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2021 года по делу № 88-719/2021 [3] установлено, что суд пришел к выводу, что характер и условия, выполняемых В. работ, свидетельствовали о

фактическом наличии между ним и ООО гражданско-правовых отношений по договорам возмездного оказания услуг. Также, суд обоснованно согласился с доводами ответчика о том, что для оформления допуска лиц, привлекаемых по договорам гражданско-правового характера, на строительные площадки, где ООО осуществляет свою деятельность, такие лица, в том числе В., прошли обучение в Образовательном Центре дополнительного профессионального образования по программе «оказание первой доврачебной помощи» за счет ответчика, о чем было выдано удостоверение установленной формы.

Таким образом, можно сделать вывод, что работодателю следует заключать трудовой договор вместо гражданско-правового, поскольку это обеспечивает защиту прав и интересов работников. Трудовой договор четко регулирует условия труда, включая обязанности сторон, рабочее время, оплату и социальные гарантии, такие как отпуск и больничные. Это создает стабильность и предсказуемость в трудовых отношениях, что важно как для работника, так и для работодателя.

Кроме того, трудовой договор предоставляет работнику дополнительные гарантии, которые отсутствуют в гражданско-правовом договоре. Например, в случае увольнения работник имеет право на выходное пособие и другие компенсации. Заключая трудовой договор, работодатель демонстрирует свою ответственность и заботу о сотрудниках, что способствует созданию положительного имиджа компании и повышению лояльности сотрудников.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Российская газета. – 2012. – № 296.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

3. Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2021 года по делу № 88-719/2021 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2025 г.).
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 апреля 2021 года по делу № 88-7475/2021 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2025 г.).
5. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06 сентября 2022 года по делу № 88-12812/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2025 г.).
6. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19 января 2023 года по делу № 88-145/2023 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2025 г.).

© Пананто Т. А., 2025

УДК 34.01:331.1

**НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ОФОРМЛЕНИЕ ТРУДОВОГО
ДОГОВОРА РАБОТОДАТЕЛЕМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ
В ОБЛАСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДОУСТРОЙСТВЕ И ЗАНЯТОСТИ**

EDN IAVCEV

Т. А. Пананто

*Магистрант, e-mail: pananto_tanusha@mail.ru,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Россия*

**IMPROPER EXECUTION OF THE EMPLOYMENT CONTRACT
BY THE EMPLOYER AS A FORM OF ADMINISTRATIVE OFFENSE
IN THE FIELD OF EMPLOYMENT LEGISLATION AND EMPLOYMENT**

T. A. Pananto

*Master's student,
Pacific State University,
Khabarovsk, Russia*

Abstract. The article discloses one of the types of administrative offenses in the field of legislation in the field of employment and employment – improper registration by the employer of an employment contract. The author discloses the provisions of the current administrative legislation providing for liability for this type of offense. Law enforcement practice on this issue is analyzed, a general conclusion is formulated on the need to comply with labor legislation.

Keywords: improper execution of an employment contract; labor relations; employer; employee; administrative responsibility.

Трудовые отношения являются одной из важнейших сфер общественной жизни и их надлежащее правовое регулирование – ключевая задача государства.

Одним из видов административных нарушений в области законодательства о трудоустройстве и занятости является уклонение работодателя от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем. Ответственность за данное административное правонарушение установлена частью 4 статьи 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ [1] (далее – КоАП РФ).

Совершение одного из указанных нарушений влечет наложение административного штрафа на должностных лиц

в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

Более детальное раскрытие категории «ненадлежащее оформление трудового договора» содержится в правоприменительной практике.

В частности, согласно пункту 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» [3] обязанность по надлежащему оформлению трудовых отношений с ра-

ботником (заключение в письменной форме трудового договора) по смыслу части первой статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ [2] (далее – ТК РФ) возлагается на работодателя.

Если трудовой договор не был оформлен надлежащим образом, но при этом работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя, то трудовой договор считается заключенным и работодатель или его уполномоченный представитель обязан не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения к работе оформить трудовой договор в письменной форме (часть 3 статьи 16, часть 2 статьи 67 ТК РФ). Невыполнение данной обязанности в названный срок свидетельствует об уклонении работодателя от оформления трудового договора.

Под ненадлежащим оформлением трудового договора для целей применения части 4 статьи 5.27 КоАП РФ следует понимать отсутствие в данном договоре тех сведений и (или) условий, которые предусмотрены частями первой и второй статьи 57 ТК РФ, а также включение в трудовой договор условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права (часть 2 статьи 9 ТК РФ).

Следует отметить, что само по себе невключение в трудовой договор условий реализации трудовых прав и обязанностей, предусмотренных коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами (например, конкретной даты выплаты заработной платы), не образует объективную сторону состава указанного административного правонарушения, поскольку у работодателя отсутствует предусмотренная законом обязанность закреплять соответствующие положения в трудовом договоре.

В целях надлежащего раскрытия вышеуказанных положений следует привести актуальный пример из судебной практики, где действия председателя ТСЖ «Клевер» были необоснованно квалифицированы по части 4 статьи 5.27 КоАП РФ. Так, Постановлением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2024 года по делу № П16-224/2024 [4] были изменены судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, поскольку невключение в приказ о приеме на работу тех или иных условий заключенного трудового договора, объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 5.27 КоАП РФ, не образует.

Также, следует отметить, что одним из способов ненадлежащего оформления трудового договора также является отсутствие указания в данном трудовом договоре результатов специальной оценки условий труда.

В частности, отсутствие на момент заключения трудового договора результатов специальной оценки условий труда на рабочем месте не освобождает работодателя от включения в договор условий труда на рабочем месте, так как статья 57 ТК РФ не предусматривает какие-либо временные отсрочки исполнения данной обязанности работодателя. До проведения специальной оценки условий труда в трудовом договоре могут быть указаны общие характеристики (описание рабочего места, используемое оборудование и особенности работы с ним). В противном случае работодатель может быть привлечен к ответственности на основании части 4 статьи 5.27 КоАП РФ.

Так, например, решением Московского городского суда от 10 ноября 2020 года по делу № 7-3023/2020 [5] установлено, что работодателю, во избежание нарушений трудового законодательства, в случае отсутствия действующих результатов аттестации рабочих мест по условиям труда, следовало указать в трудовом договоре, например: «Условия труда на рабочем ме-

сте: вновь организованное рабочее место (с описанием рабочего места и оборудования)», что в дальнейшем, позволит работодателю внести изменения после утверждения результатов СОУТ, заключив дополнительное соглашение к трудовому договору с указанием установленного в ходе СОУТ класса (подкласса) условий труда.

Вышеизложенное предоставляет работнику гарантии и компенсации за работу при последующем выявлении вредных (опасных) факторов по результатам специальной оценки условий труда, что также свидетельствует о том, что работодатель вправе до проведения указанной специальной оценки условий труда в рамках взаимодействия с социальными партнерами и работником определить возможность компенсации вредных (опасных) факторов при их последующем выявлении по результатам специальной оценки условий труда.

Соответственно, установив, что генеральным директором ООО «Моспромстрой-М» Р. при заключении 08 апреля 2019 года трудового договора № 181/1/19 со специалистом Ф. в него не внесены обязательные для включения в трудовой договор условия труда на рабочем месте, что является ненадлежащим оформлением трудового договора, и чем не обеспечено выполнение норм трудового законодательства, действия Р. образуют объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 5.27 КоАП РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что правильное оформление трудового договора – это обязательное условие для работодателя, позволяющее избежать административной ответственности, так как нарушение трудового законодательства может повлечь за собой штрафы для должностных лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Поэтому работодатель должен строго соблюдать правила оформления трудовых отношений, чтобы минимизировать риски привлечения к ответственности.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Российская газета. – 2012. – № 296.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 года № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Российская газета. – 2021. – № 296.
4. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2024 года по делу № П16-224/2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2025 г.).
5. Решение Московского городского суда от 10 ноября 2020 года по делу № 7-3023/2020 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2025 г.).

© Пананто Т. А., 2025

УДК 347.73:347.77

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПОДАЧУ ЗАЯВЛЕНИЯ О БАНКРОТСТВЕ ДОЛЖНИКА

EDN ILZMJ0

А. В. Серикова
Д. В. Якунин

Магистрант, e-mail: av.serikova10@gmail.com,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: yakunin.dmitriy@list.ru,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Россия

WAYS TO PROTECT THE RIGHTS OF THE CONTROLLING DEBTOR WHEN BRINGING SUBSIDIARY LIABILITY FOR FAILURE TO MAKE A STATEMENT ON BANKRUPTCY OF THE DEBTOR

A. V. Serikova
D. V. Yakunin

Master's student,
Candidate of Law, Associate Professor,
Pacific State University,
Khabarovsk, Russia

Abstract. The article considers ways to protect the rights of persons controlling the debtor when considering the issue of bringing them to subsidiary liability for non-delivery (late filing) of the debtor's bankruptcy petition. The author analyzes such a method of protection as the provision of an economic plan. The conclusion is formulated that the plan is not a formal document, but the actions of the person controlling the debtor to overcome the crisis, the commission of which must be proved in court proceedings as part of resolving the issue of bringing to subsidiary liability.

Keywords: subsidiary liability; controlling person; insolvency; bankruptcy; debtor.

Избрание лицом, контролирующим должника (далее – КДЛ) конкретного способа защиты своих прав при рассмотрении вопроса о привлечении его к субсидиарной ответственности напрямую зависит от оснований привлечения к субсидиарной ответственности, на которые ссылается заявитель. Рассмотрим более подробно одно из оснований, влекущих субсидиарную ответственность КДЛ – неподача (несвоевременная подача) заявления о банкротстве должника.

В подавляющем большинстве споров заявители заинтересованы, чтобы выдать кризисный момент за дату объективного банкротства, что влияет в последующем на рассмотрение спора. Поэтому при построении позиции ответчик (контролирующее должника лицо) должен в целях защиты своих прав предложить свой вариант даты объективного банкротства и это должна быть наиболее поздняя дата.

Например, если момент объективного банкротства связан с тем, что признаки неплатёжеспособности стали очевидны по результатам отчетного периода.

Следует отметить, что сдача бухгалтерской отчетности осуществляется в течение трех месяцев года, следующего за отчетным (до 31 марта). Предполагается, что контролирующее должника лицо должно проанализировать ключевые финансовые показатели общества и соотнести их с имеющимися у общества обязательствами. Следующий день после окончания срока на сдачу годовой финансовой отчетности можно использовать для начала течения срока на исполнение обязанности контролирующим должника лицом по подаче заявления.

Также встречаются промежуточные отчетные периоды. Так, например, в деле № А47-14444/2018 о банкротстве ООО «ОЗПЦ» и в деле № А47-14443/2018 о

банкротстве АО «ПАРЗ» суд учел предельные сроки представления отчетности за квартал, в частности, сроки для подачи деклараций по НДС и по налогу на прибыль, сроки для расчета по страховым взносам и 6-НДФЛ.

Следует отметить, что пунктом 9 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» [2] также регламентировано, что если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности, обстоятельств, названных в абзацах пятом, седьмом пункта 1 статьи 9 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве) не свидетельствовало об объективном банкротстве, и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах.

В судебной практике существуют случаи, когда данный план подготавливается контролирующим должника лицом непосредственно только после подачи заявления о его привлечении к субсидиарной ответственности. Вместе с тем, необходимо учитывать, что план – это не формальный документ, а действия контролирующего должника лица по выходу из кризиса. Наличие антикризисного плана доказывается в том числе перепиской с контрагентами, государственными органами, протоколами совещаний, оспариванием судебных актов против должника и иными действиями контролирующего долж-

ника лица. Таким образом, план – это всегда действия и его реализация в определенной последовательности, что и подлежит проверке в суде. Соответственно, контролирующему должнику лицу необходимо предоставить в суд информацию о совершенных действиях, а также доказательства того, что эти действия им совершались.

Экономический план – это действия:

1) по систематическому снижению долговых обязательств должника (погашение задолженности по заработной плате и выходным пособиям перед всем уволенным персоналом, постепенное и значительное гашение текущей и ранее возникшей задолженности перед бюджетом).

2) по достижению соглашений с кредиторами о реструктуризации задолженности.

3) по ведению переговоров о заключении прибыльных договоров, исполнение которых позволило бы погасить кредиторскую задолженность.

В каждом конкретном случае такой план будет индивидуальным.

Соответственно, одним из способов защиты прав контролирующего должника лица при его привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу или несвоевременную подачу заявления о банкротстве должника является представление экономически обоснованного плана не как формального документа, а как информации о совершенных контролирующим должника лицом действиях, связанных с выходом из кризисной ситуации, а также доказательств в подтверждение совершения данных действий.

Однако, в ходе рассмотрения вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должника может быть установлено, что после даты объективного банкротства существовал период, в который КДЛ не обратился с заявлением о банкротстве. В данном случае

КДЛ важно представить в суд свою позицию о размере ответственности.

Согласно части 2 статьи 61.12 Закона о банкротстве размер ответственности равен размеру обязательств должника, возникших после истечения срока на обращение с заявлением о банкротстве и до возбуждения дела о банкротстве должника.

В настоящее время на законодательном уровне существуют ограничения по объему ответственности. В частности, в размер ответственности не включаются:

1) длящиеся обязательства по договорам, которые предусматривают периодическое предоставление услуг, выполнение работ.

Такие обязательства не являются новыми обязательствами с учетом Определений ВС РФ от 23 августа 2021 года № 305-ЭС21-7572 [4], от 19 апреля 2022 года № 305-ЭС21-27211 [5];

2) требования кредиторов, действовавших в условиях полной осведомленности об имущественном положении должника (пункт 14 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 года № 53), но есть исключения (обязательства перед кредиторами, которые вынуждены, несмотря на свою осведомленность, продолжать договорные отношения с должником: например, обязательные платежи перед уполномоченными органами);

3) обязательства, возникшие в период действия моратория на банкротство (пункт 9 Постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2020 года № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3]).

Таким образом, действия КДЛ при защите своих прав при рассмотрении вопроса о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности в связи с неподачей (или несвоевременной подачей) заявления о

банкротстве должника связаны с необходимостью предоставить суду информацию:

1) о кризисном моменте должника, причинах его возникновения и позиции КДЛ по данному вопросу;

2) о дате объективного банкротства. Необходимо раскрыть почему именно КДЛ связывает объективное банкротство с указанной датой;

3) представление суду экономически обоснованного плана не как формального документа, а как информации о совершенных КДЛ действиях, связанных с выходом из кризисной ситуации, а также доказательств в подтверждение совершения данных действий (переписка с контрагентами, государственными органами, протоколы совещаний, оспаривание судебных актов, вынесенных против должника и иные действия КДЛ).

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. – 2017. – № 297.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 года № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. – 2021. – № 2.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 августа 2021 года № 305-ЭС21-7572 по делу № А40-6179/2018 // Документ опубликован не был. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.08.2025 г.).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 апреля 2022 года № 305-ЭС21-27211 по делу № А40-281119/2018 // Документ опубликован не был. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.10.2024 г.).

© Серикова А. В., Якунин Д. В., 2025

УДК 347.45

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

EDN KRKEGM

Н. В. Тятинкин
С. А. Попова

*Студент, e-mail: niktos68@yandex.ru,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: popovaveta@list.ru,
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

CURRENT PROBLEMS OF THE CRIMINAL CASE INITIATION STAGE

N. V. Tyatinkin
S. A. Popova

*Student,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

Abstract. The article analyzes key problems accompanying the criminal case initiation stage in the Russian criminal procedure. Issues of regulatory contradictions, insufficient clarity of grounds and reasons for initiation, the influence of departmental control, risks of a formal approach, and non-compliance with deadlines for verifying crime reports are examined. Special attention is given to contemporary judicial practice and doctrinal approaches emphasizing the need to improve legal regulation to enhance guarantees of participants' rights in the proceedings. Proposals are formulated to eliminate the identified problems and strengthen procedural guarantees. **Keywords:** criminal procedure; criminal case initiation stage; verification of crime reports; reasons and grounds; procedural guarantees; refusal to initiate criminal proceedings.

Стадия возбуждения уголовного дела традиционно рассматривается как исходный элемент уголовного судопроизводства. Именно на этом этапе происходит первоначальная правовая оценка информации о возможном преступлении, от которой зависит движение всего процесса. Значимость данной стадии определяется тем, что она обеспечивает баланс между интересами государства в обеспечении правопорядка и обязанностью гарантировать защиту прав и свобод личности.

Теоретико-методологическую базу исследования составили положения уголовно-процессуального законодательства РФ, труды российских процессуалистов и материалы судебной практики. Информационную основу образуют данные Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД России, а также решения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Структура статьи включает три раздела. В первом анализируются нормативные

основы стадии возбуждения уголовного дела. Во втором рассматриваются актуальные противоречия и ключевые проблемные области. В третьем предлагаются направления совершенствования правового регулирования.

Возбуждение уголовного дела представляет собой самостоятельную стадию, направленную на установление наличия или отсутствия правовых оснований для начала предварительного расследования. Согласно ст. 140 УПК РФ, поводами выступают сообщения о преступлении, явка с повинной, заявление, рапорт должностного лица и иные предусмотренные законом источники информации. Основанием же является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

В теории выделяют несколько характеристик данной стадии [1]:

- ограниченность целей, поскольку проверка сообщения не предполагает сбора доказательств в строгом процессуальном смысле;

- краткость сроков, установленных ст. 144 УПК РФ;
- гарантийный характер, требующий соблюдения прав заявителя и лица, в отношении которого поступила информация.

Процессуальная форма возбуждения дела закреплена в ст. 145 УПК РФ и предусматривает принятие одного из трех решений: о возбуждении дела, об отказе либо о передаче сообщения по подследственности.

Несмотря на формальное закрепление основания, содержание понятия «достаточные данные» остается дискуссионным. На практике должностные лица нередко формируют чрезмерно высокий или наоборот заниженный порог достаточности, что приводит:

- к необоснованным отказам [4];
- к возбуждению дел без реальной процессуальной необходимости;
- к расширению ведомственного усмотрения.

Отсутствие единых критериев приводит к неоднородности решений в сходных ситуациях. Сроки, предусмотренные ст. 144 УПК РФ, часто нарушаются. Рассмотрение сообщений растягивается путем многократных продлений и повторных проверок [2]. Это порождает:

- затягивание процессуального решения;
- нарушение прав заявителя на своевременную защиту;
- риск утраты доказательственной информации.

Судебная практика фиксирует многочисленные случаи признания продлений необоснованными. В рамках проверки сообщения должностные лица прибегают к действиям, фактически являющимся следственными, но формально не имеющими процессуального статуса [5]. Это снижает уровень гарантии, поскольку результаты таких проверок не обладают доказательственной силой.

К числу проблем формального подхода относят:

- подмену следственных действий оперативными мероприятиями;
- отсутствие фиксированной процедуры;
- ограниченность механизмов обжалования.

Значительное число решений принимается под воздействием служебных ориентировок и ведомственных показателей. Система отчетности стимулирует:

- отказные решения ради снижения нагрузки;
- возбуждение дел для повышения статистики раскрываемости;
- формирование практики «страховых» решений.

Это ослабляет независимость процессуального усмотрения. Действующее законодательство не предусматривает судебного контроля на стадии проверки сообщений, что снижает уровень независимой оценки действий органов предварительного расследования. Прокурорский надзор имеет значительные полномочия, однако его эффективность неоднородна.

По результатам анализа представляется обоснованным предложить [3]:

- нормативное уточнение критериев достаточных данных;
- введение исчерпывающего перечня допустимых действий в период проверки;
- расширение судебного контроля на последственном этапе;
- сокращение возможностей для необоснованного продления сроков;
- унификацию ведомственных инструкций и механизмов прокурорского надзора;
- закрепление обязанности мотивировать каждое процессуальное решение.

Такое совершенствование будет способствовать укреплению правовых гарантий и формированию единообразной правоприменительной практики. Стадия возбуждения уголовного дела является важным и в то же время наиболее проблемным этапом уголовного судопроизводства [4]. От полноты и объективности проверки сообщения о преступлении зависит ка-

чество предварительного расследования, соблюдение прав участников и эффективность всей системы уголовной юстиции. Выявленные проблемы демонстрируют необходимость модернизации правового регулирования и гармонизации позиции законодателя, судебной практики и доктрины. Комплексное совершенствование данной стадии позволит повысить уровень защиты прав человека и укрепить доверие к институтам уголовного правосудия.

Библиографический список

1. Конституционный Суд РФ. Определение от 27.09.2022 № 1933-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2022. – № 6. – С. 94–96.
2. Володина Л. М. Юридическая природа поводов для возбуждения уголовного дела: историко-правовой анализ // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2024. – Т. 19. – №. 3. – С. 164–186.
3. Исаева А. И. Поводы и основания возбуждения уголовного дела // Закон и право. – 2022. – №. 8. – С. 152–154.
4. Калинина В. Ю. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 10.
5. Семенов Е. А., Плетникова М. С. Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела в России и Монголии: сравнительно-правовой анализ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2021. – № 2. – С. 106–113.

© Тятинькин Н. В., Попова С. А., 2025

УДК 159.943

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УМЕНИЙ У ТРЕТЬЕКЛАССНИКОВ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

EDN LIHOCM

М. А. Безбородова

К. В. Медведева

*Кандидат психологических наук, доцент,
e-mail: bezborodova.ma@mail.ru,*

*магистрант,
Московский педагогический
государственный университет,
г. Москва, Россия*

FORMATION OF RESEARCH SKILLS IN THIRD GRADERS IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

M. A. Bezborodova

K. V. Medvedeva

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Master's Student,*

*Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia*

Abstract. This article discusses the current problem of developing research skills in primary school students, using third-grade students as an example, in extracurricular activities. It analyzes the theoretical foundations and practical aspects of developing research competencies, including the main areas of work, forms of organization, and criteria for assessing the development of skills. Special attention is given to the methodological features of the process, which allow students to effectively develop their abilities for independent cognitive activity, critical thinking, and information processing in extracurricular activities.

Keywords: research skills; extracurricular activities; primary school students; third-grade students; competency formation; project tasks; cognitive activity; universal educational actions; methodological support; pedagogical support; educational environment; independent work; research activities; development of thinking, creative abilities.

Современное образование переживает период существенных преобразований, связанных с переходом к новым образовательным стандартам и требованиям к результатам обучения. В условиях динамично меняющегося мира особую значимость приобретает формирование у младших школьников исследовательских умений как основы для развития критического мышления, самостоятельности и креативности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных путей развития исследовательских компетенций учащихся начальной школы. Третий класс является оптимальным пе-

риодом для формирования базовых исследовательских умений, так как дети уже обладают определённым запасом знаний и навыков, но при этом сохраняют естественную любознательность и исследовательский интерес к окружающему миру.

Внеурочная деятельность предоставляет уникальные возможности для формирования исследовательских умений. Она позволяет реализовать индивидуальный подход, обеспечивает разнообразие форм работы, создает условия для практического применения знаний и способствует развитию самостоятельности [1, с. 1–11].

Проблема исследования: каковы педагогические условия эффективного формирования исследовательских умений у третьеклассников во внеурочной деятельности. В процессе формирования исследовательских умений выявляются определённые противоречия. Существует разрыв между необходимостью развития исследовательских компетенций и недостаточной разработанностью методических материалов. Также наблюдается несоответствие между потенциалом внеурочной деятельности и его реализацией на практике, между возрастными особенностями третьеклассников и сложностью исследовательской деятельности, а также между требованиями к результатам образования и реальными возможностями их достижения [3, с. 77–85].

Методические аспекты формирования исследовательских умений во внеурочной деятельности включают несколько основных направлений работы. Это организация мини – исследований, проведение наблюдений и экспериментов, работа с различными источниками информации, проектная деятельность и участие в научно-практических конференциях.

Формы организации исследовательской деятельности могут быть разнообразными: индивидуальные проекты, групповые исследования, коллективные творческие дела, научно-познавательные игры, экскурсии и походы.

Практическая реализация процесса формирования исследовательских умений проходит через несколько этапов. Сначала идет подготовительный этап, который направлен на формирование мотивации. Затем следует основной этап, во время которого происходит освоение исследовательских навыков. После этого наступает практический этап, где учащиеся применяют полученные знания. Завершающий этап включает презентацию результатов.

Критерии оценки сформированности исследовательских умений включают способность к целеполаганию, умение плани-

ровать деятельность, навыки работы с информацией, способность к анализу и умение презентовать результаты [2, с. 26–29].

Формирование исследовательских умений у третьеклассников способствует развитию познавательной активности, формированию самостоятельности, развитию критического мышления, повышению учебной мотивации и формированию ключевых компетенций.

Ключевые особенности формирования исследовательских умений у третьеклассников во внеурочной деятельности включают:

- 1) высокую активность и готовность детей к исследовательской деятельности;
- 2) интеграцию теории и практики через обучающие тренинги по основам исследования;
- 3) игровой подход к работе с третьеклассниками с использованием сказочных сюжетов и творческих заданий;
- 4) развитие самостоятельности в исследовательской деятельности при постепенном переходе к индивидуальным проектам;
- 5) комфортную атмосферу без негативных оценок и с поощрением творческой инициативы;
- 6) педагогическую поддержку в выборе тем, планировании работы и подготовке результатов [4, с. 5–8].

Для решения выявленных противоречий необходимо реализовать несколько важных направлений работы.

Прежде всего, требуется активная разработка методических материалов. Необходимо создать специализированные программы внеурочной деятельности, которые будут учитывать возрастные особенности третьеклассников. Важно разработать методические рекомендации по организации исследовательской работы, подготовить дидактические материалы и практические задания, а также составить понятные алгоритмы проведения исследований для младших школьников.

Следующим шагом станет оптимизация использования потенциала внеуроч-

ной деятельности. Необходимо внедрить разнообразные формы организации исследовательской работы, сочетать индивидуальные и групповые формы деятельности. Важно активно использовать игровые методы и творческие задания, а также организовать проектную деятельность с учетом интересов учащихся.

Особое внимание следует уделить учету возрастных особенностей детей. Исследовательские задачи должны быть адаптированы к возможностям третьеклассников. Необходимо активно использовать наглядные материалы и практические примеры, включать элементы игры и творчества в исследовательский процесс, а также постепенно усложнять задания с учетом развития навыков.

Для повышения эффективности достижения образовательных результатов требуется разработать систему мониторинга формирования исследовательских умений. Важно внедрить критериальную оценку достижений учащихся, создать условия для презентации результатов исследования и организовать регулярную рефлексивную деятельность.

Необходимо также совершенствовать педагогическое сопровождение. Это включает повышение квалификации педагогов в области исследовательской деятельности, организацию мастер-классов и семинаров для обмена опытом, создание методической базы и разработку системы консультационной поддержки.

Не менее важным аспектом является создание благоприятной образовательной среды. Нужно формировать позитивное отношение к исследовательской деятельности, поощрять инициативу и творческие

подходы, обеспечивать психологический комфорт в процессе исследования и организовывать эффективное сотрудничество между учащимися и педагогами [5, с. 203].

Подводя итог, стоит отметить, что формирование исследовательских умений во внеурочной деятельности является важным направлением современного образования. Успешная реализация данного процесса требует системного подхода, учета возрастных особенностей учащихся и использования разнообразных форм организации деятельности. При правильном методическом сопровождении внеурочная деятельность может стать эффективным инструментом развития исследовательских компетенций и третьеклассников.

Библиографический список

1. Аблаева, З. Э. Использование исследовательского метода обучения в урочной и внеурочной деятельности по предмету «Окружающий мир» // Экономика и социум. – 2020. – № 11. – С. 1–11.
2. Асадулаева Ф. Р. Формирование исследовательских умений обучающихся начальной школы во внеурочной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 5. – С. 26–29.
3. Головнева Е. В. К проблеме реализации технологий проектного обучения и организации исследовательской деятельности младших школьников // Вестник РМАТ. – 2020. – № 4. – С. 77–85.
4. Ефричева О. Ю. Особенности формирования исследовательской компетенции у младших школьников во внеурочной деятельности // Актуальные исследования. – 2021. – № 4. – С. 5–8.
5. Семёнова Н. А. Формирование исследовательских умений младших школьников: Дисс. канд. пед. наук / Н. А. Семёнова. – Томск, 2020. – 203 с.

© Безбородова М. А., Медведева К. В., 2025

УДК 796.035

**ПРОЕКТ «ФОРМУЛА СПОРТИВНОЙ СЕМЬИ
ТАНЦЕВАЛЬНО-БОЕВОГО НАСТРОЯ»**

EDN MЕРBWE

О. Ю. Королева

А. Н. Велиева

С. А. Михайлова

Е. Ю.Ефремова

*Старший преподаватель,
ORCID 0000-0002-6389-0552,
e-mail: olgakoroleva9920@gmail.com,
студенты, ORCID 0009-0009-0966-5352,
e-mail: alsuvelieva49@mail.ru,
ORCID 0009-0002-4632-5903,
e-mail: xmikhailovax@mail.ru,
ORCID 0009-0006-6586-3941,
e-mail: katya.bluha@gmail.com,*

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия*

**PROJECT "FORMULA OF A SPORTS FAMILY WITH A DANCE
AND BATTLE MOOD"**

O. Yu. Koroleva

A. N. Veliyeva

S. A. Mikhailova

E. Yu. Efremova

*Senior lecturer,
Students,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia*

Abstract. In today's world, the issues of improving public health and promoting a healthy lifestyle are of particular importance. This problem is particularly acute in regions with low levels of participation in systematic physical education and sports, such as the Republic of Karelia, according to official data. This article aims to analyze the potential of a project-based approach in the development of family-oriented corporate sports, using the "Formula of a Sports Family with a Dance and Combat Attitude" (TBA) project as an example. The authors explore the theoretical foundations, organizational structure, implementation methods, and expected outcomes of the project, which aims to strengthen family bonds through shared sports activities.

Keywords: family sports; healthy lifestyle (HL); Republic of Karelia; Wushu; dancing.

Современная государственная политика Российской Федерации в области физической культуры и спорта уделяет значительное внимание развитию массового и корпоративного спорта. Федеральный закон принят Государственной Думой 22 июля 2020 года и одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года № 273-ФЗ понятия «корпоративный спорт» подчеркивает его социальную и экономическую значимость [1]. Корпоративный спорт определяется как часть массового спорта, направленная на физическую подготовку и развитие работников организаций одной отрасли или профессии, а также членов их семей. Это создает правовую основу для расширения форматов спортивных меро-

приятий, выходящих за рамки исключительно трудовых коллективов и включающих семейные формы участия.

Республика Карелия, согласно рейтингам, занимает низкие позиции по приверженности населения ЗОЖ (70-е место среди регионов РФ в 2023 году) [2]. Это актуализирует поиск новых форм вовлечения различных социальных групп в систематическую физическую активность. В данном контексте представляет интерес проект «Формула спортивной семьи танцевально-боевого настроения» (ТБН), реализуемый в г. Петрозаводске. Его инновационность заключается в комбинации двух различных спортивных направлений (ушу и танцы) и ориентации на семейные команды в каче-

стве основной целевой группы, что позволяет рассматривать его как модель развития семейного спорта в регионе.

Проект ТБН был инициирован в ответ на выявленную проблему низкого уровня вовлеченности семей Республики Карелия в систематические занятия спортом. Исследования подтверждают, что совместная деятельность, в том числе спортивная, укрепляет внутрисемейные связи, формирует общие интересы и ценности [3]. Комбинирование в проекте ТБН таких дисциплин, как ушу (развивающее концентрирование, дисциплину, координацию) [4] и танцы (развивающие пластику, ритмичность, эмоциональную экспрессию), создает синергетический эффект [5]. Это делает программу разнообразной, увлекательной для разных возрастных групп (детей 6–12 лет и их родителей) и способствует комплексному развитию физических (гибкость, выносливость) и ментальных (снятие стресса, уверенность в себе) качеств.

Проект ТБН характеризуется четко выстроенной организационной структурой. Команда проекта включает:

- Руководителей проекта, осуществляющих общее управление, проведение мероприятий и анализ обратной связи.
- Функциональных специалистов: секретарь, экономист, менеджеры по закупкам, аренде и рекламе, специалист по связям с общественностью.
- Привлеченных экспертов: психологи (работа со стрессом, детско-родительскими отношениями), педагоги (методика преподавания детям и взрослым), волонтеры, медицинский работник.

Такая структура обеспечивает охват всех ключевых направлений реализации проекта: административно-финансового, материально-технического, информационного и содержательного.

Основная цель проекта – повышение уровня вовлеченности семей в систематические занятия спортом в РК в течение 6 месяцев.

Для ее достижения сформулированы четыре ключевые задачи:

1. Разработка тренировочного плана и рекомендаций по ЗОЖ.
2. Набор семей с детьми 6–12 лет.
3. Организация мероприятия (аренда).
4. Проведение мероприятия.

Каждая задача детализирована через подзадачи и конкретные мероприятия с четкими сроками исполнения (от февраля до августа 2025 г.). Методика проведения занятий включает инновационный подход: совместную разминку родителей и детей, последующее разделение на группы для занятий ушу и танцами под руководством профильных тренеров, и завершающую совместную растяжку. Это не только решает спортивно-оздоровительные задачи, но и моделирует ситуацию совместной деятельности и взаимной поддержки.

Прямыми целевыми группами являются дети 6–12 лет и их родители, а также семьи военнослужащих, участвующих в СВО. Косвенными целевыми группами выступают Министерство здравоохранения, Министерство образования и спорта РК, а также спортивные клубы, что указывает на ориентированность проекта на взаимодействие с региональными институтами.

Ключевыми партнерами проекта выступают Петрозаводский государственный университет (предоставление инфраструктуры) и КРФСОО «Центр китайских боевых искусств Саньяо» (экспертная и методическая поддержка). Это обеспечивает проекту ресурсную базу и связь с профессиональным спортивным сообществом.

Система показателей проекта включает количественные и качественные индикаторы.

Количественные показатели:

- Вовлеченность в проект: 50 человек.
- Количество семей-участниц: 10.
- Количество участников: 20 (10 детей, 10 взрослых).
- Количество проведенных мероприятий: 24.
- Информационный охват: 500 человек.

Качественные показатели:

- Повышение вовлеченности семей в систематические занятия спортом.
- Улучшение физических показателей и ментального здоровья участников.
- Укрепление детско-родительских отношений.
- Формирование устойчивого интереса к ЗОЖ.

Экономическая эффективность проекта оценивается через запрашиваемую сумму гранта (334 000 руб.) и наличие софинансирования (безвозмездная аренда зала ПетрГУ).

В случае успешной реализации авторы проекта планируют его масштабирование на всю территорию Республики Карелия с привлечением большего количества участников. Проект ТБН демонстрирует потенциал для создания устойчивых семейных спортивных сообществ, которые могут стать основой для более масштабных городских и региональных мероприятий, таких как семейные спартакиады.

В завершении отметим, что вовлечение семей через подобные проекты способствует не только укреплению здоровья и духа, но и созданию более сплоченной и

здоровой социальной среды в регионе в целом. Как показывает практика «сыгравшаяся» команда сильна и в спорте, и в труде, и в семейной жизни.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 273-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации".
2. Статистика: "Рейтинг регионов России 2023", электронный ресурс: Итоговый рейтинг регионов России – 2023. – РИА Новости, 25.12.2023
3. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с. https://pedlib.ru/Books/1/0394/1_0394-1.shtml
4. Liu, S., & Liu, Y. (2019). The Effect of Wu Shu Training on Cognitive Function and Executive Control in School-Aged Children. *Journal of Sports Science and Medicine*, 18(4), 595-601. <https://www.jssm.org/jssm-18-595.xml%3EFulltext>
5. Koch, S. C., Kunz, T., Lykou, S., & Cruz, R. (2014). Effects of Dance Movement Therapy and Dance on Health-Related Psychological Outcomes: A Meta-Analysis. *The Arts in Psychotherapy*, 41(1), 46–64. <https://doi.org/10.1016/j.aip.2013.10.004>

© Королева О. Ю., Велиева А. Н., Михайлова С. А., Ефремова Е. Ю., 2025

УДК 332.14

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ
ФИЗКУЛЬТУРНЫХ И СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ**

EDN MWDHSCW

О. Ю. Королева

В. А. Кофлер

Старший преподаватель,

ORCID 0000-0002-6389-0552,

e-mail: olgakoroleva9920@gmail.com,

студент, ORCID 0009-0001-0070-2307,

e-mail: Kofler.valeria@yandex.ru,

Петрозаводский государственный университет,

г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия

**FORMATION OF PRACTICAL SKILLS IN ORGANIZING
PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS EVENTS FOR STUDENTS
OF PEDAGOGICAL FIELDS**

O. Yu. Koroleva

V. A. Kofler

Senior lecturer,

Student,

Petrozavodsk State University,

Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

Abstract. In the scientific article, the authors summarized and analyzed the experience of Petrozavodsk State University in obtaining practical skills in organizing physical education events for students of 1–3 courses. The purpose of the described measures is to facilitate the optimal adaptation of young professionals after graduation when applying for a job in their profession.

Keywords: organization of events; adaptation; young professionals; physical education; projects; practice.

Одним из самых активных поколений являются школьники. Именно поэтому организация мероприятий по вовлечению их в различные сферы молодежной жизни, влияние на их активную гражданскую позицию и привитие привычек активного в широком смысле образа жизни является важным элементом в деятельности педагога.

Студенты педагогических направлений обучения, в том числе физической культуры, готовятся не только обучать своему предмету, но и организовывать различные мероприятия для школьников. Однако, в период своего обучения они часто становятся только участниками воспитательных мероприятий, редко беря на себя роль их организатора [3; 4].

Тем не менее уже в первый год работы по профилю вчерашним студентам придется организовывать внеклассные мероприятия. Сложность организации качественных мероприятий ляжет на плечи

молодых специалистов в полной мере еще и в случае, если в школе нет или неэффективна система наставничества.

Авторы предположили, что получение навыков по организации физкультурных и спортивных мероприятий в период обучения поможет молодым специалистам легче адаптироваться на рабочем месте в сфере образования. В рамках исследований адаптации студентов и молодых специалистов использовались опросы, интервью и анкетирование [1; 4].

Согласно опросам выпускников Института физической культуры, спорта и туризма Петрозаводского государственного университета более половины из тех, кто стал после выпуска работать по профессии столкнулись со сложностями при подготовке общешкольных и внеклассных мероприятий. Сложности касались административной подготовки документов, согласований участия детей с родителями, организации

выездов, а также использования школьной инфраструктуры и привлечения школьников к организации мероприятий [2].

Для решения проблемы студентам кафедры теории и методики физического воспитания были предложены несколько вариантов для получения опыта в организации мероприятий. В рамках ознакомительной практики студенты посещают официальные физкультурные и спортивные мероприятия Республики Карелия сначала в роли волонтеров. На практике первокурсники обеспечивают порядок при проведении мероприятий, являясь волонтерами в зонах прохода участников, зрителей, специальных гостей и служб. Некоторые студенты становятся медиа волонтерами, готовят фото и видео материалы, ведут трансляции и готовят посты в социальных сетях. Студенты, обладающие навыками оказания первой помощи, прошедшие соответствующее обучение и инструктаж, могут привлекаться помощниками к медицинской службе мероприятия.

На следующем этапе преподаватели кафедры разрабатывают со студентами сценарии внутривузовских мероприятий для студентов своих групп, а также студентов других направлений обучения в своем институте. В рамках подготовки таких мероприятий учитываются как базовые требования к организации мероприятий по безопасности и медицинскому сопровождению, но и учитываются нормативно-правовые документы региона по финансированию мероприятий. Немаловажным является и то, что тематика мероприятий предлагается в 80 % случаев самими студентами. Это позволяет получить максимальную включенность будущих педагогов в процесс подготовки мероприятия, а также поиск часто нестандартных для профессорско-преподавательского состава вариантов решения тех или иных задач и наполнения события.

Важным этапом подготовки студентов к организации собственных мероприятий является посещение ими судебных семи-

наров, организованных для студентов, обучающихся по направлению «Физическая культура», а также с двумя профилями обучения «Безопасность жизнедеятельности и физическая культура». Участие в таких семинарах позволяет повысить свою компетенцию в рамках избранного вида спорта, разбираться в изменениях правил, а также постичь философию судейства в каждом виде спорта.

Помимо теоретических встреч с действующими спортсменами, судьями по видам спорта, а также руководителями аккредитованных федераций и спортивных клубов Карелии, студенты получают возможность стажироваться на официальных мероприятиях в качестве спортивных судей. За время своего обучения студенты проходят путь от третьей категории до второй, а иногда и первой судейской категории. Такая возможность дает студентам получить возможность работать в сфере судейства спортивных соревнований на платной основе, что повышает их мотивацию к получению знаний в этой области.

Заключительным этапом по подготовке мероприятий является разработка сценариев в малых группах. Группа разработчиков может включать в себя как студентов одной группы, так и параллельных групп 2–3 курсов. Экспертом всех проектных решений является преподаватель, ведущий учебную проектно-технологическую практику. Целью данного этапа является подготовка грантовой заявки и привлечение реального финансирования под конкретную молодежную идею в сфере физической культуры и спорта.

Проектные идеи до момента подачи заявки на грантовые конкурсы проходят так называемые краш-мероприятия и «трубу экспертов». На краш-сессии к обсуждению проектных идей присоединяются студенты разных курсов института, они критикуют идеи и показывают их слабые места. В то время как на «трубе экспертов» опытные фандрайзеры и координаторы проектов вуза дают советы по улучшению проекта,

формулированию описания в каждом блоке, а также помогают логично выстроить запланированные мероприятия и увязать их с основной целью проекта.

Ежегодно более 20 студенческих проектов проходят путь от идеи до реализации. Студенческие команды сами готовят мероприятия, а также привлекают к участию молодежь и преподавателей. Иногда одна проектная идея претерпевает изменения и разрабатывается два года.

По итогам внедрения данной технологии по работе со студентами отмечена более качественная подготовка внеклассных и общешкольных мероприятий студентами, находящимися на практике в общеобразовательных школах, спортивных школах и детских садах Петрозаводска и муниципальных районов Карелии.

Сами студенты отмечают слабые места в организации различных мероприятий в рамках Календарного плана, где они привлекались в качестве волонтеров и помощников судей. Самыми распространенными негативными оценками становятся оценка нерационального использования привлеченных людей, когда волонтеров слишком много для подстраховки, а их функционал не определен организатором. Вторым по негативным оценкам является затягивание мероприятия или отсутствие четкого плана его проведения. Это вносит неопределенность не только для участников, но и заставляет неуверенно себя чувствовать студенческий волонтерский корпус, т.к. именно к ним чаще всего обращаются с вопросами по организации и высказывают негативные эмоции [3].

Такая практика помогает студенческим командам заранее предусмотреть все «тонкие» места организации, привлекать тех, кто действительно сможет помочь в организации, а не только примкнуть к команде ради статуса, а также провести качественное мероприятие, которое будет не столько учебным, но станет традиционным.

Нужно отметить, что в комплексе все заявленные выше мероприятия готовят

студентов к тому, что они в состоянии успешно закрыть любую волонтерскую вакансию и быть организатором мероприятия. Студенты, получившие такую практику инициативны, легко могут выйти из сложной ситуации и готовы брать на себя ответственность за один или несколько организационных блоков в подготовке мероприятия командой проекта [4].

По итогам описанной выше работы преподавателей кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма ПетрГУ со студентами выпускных курсов и молодыми преподавателями (тренерами, учителями, инструкторами) можно сделать вывод о том, что получение в рамках образования практического опыта по организации физкультурных и спортивных мероприятий, а также развитая система наставничества молодых специалистов позволяет лучше адаптироваться выпускникам педагогического направления в сфере физической культуры на первом месте работы и избежать стрессовых ситуаций, ведущим к увольнению по собственному желанию.

Библиографический список

1. Воронова, Е. К. Показатели освоения спортивных способов плавания студентами 3 курса предметной области «Физическая культура» / Е. К. Воронова, О. Ю. Королева // Глобальный научный потенциал. – 2022. – № 2(131). – С. 62–65. – EDN LIFCWQ.
2. Калякина К. А. К вопросу подготовки педагогических кадров профессиональных учебных заведений // Инновационные подходы к решению профессионально-педагогических проблем. 2016. С. 220–221.
3. Королева, О. Ю. Реализация проектной идеи студентов: от заявки до сданного отчета / О. Ю. Королева, Т. А. Исакова // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 1(154). – С. 237–239. – EDN SBCJRZ.
4. Королева, О. Ю. Организация корпоративных мероприятий в малых городах на примере г. Кондопога / О. Ю. Королева, В. А. Кофлер // Социосфера. – 2025. – № 1. – С. 66–68. – EDN DWIMZU.

© Королева О. Ю., Кофлер В. А., 2025

УДК 373.2

МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

EDN PDUVCP

О. Н. Лошкарёва

Старший преподаватель,
ORCID 0000-0002-3402-8656,
e-mail: olesya.loshkareva@mail.ru,
Елецкий государственный университет
имени И. А. Бунина,
г. Елец, Липецкая область, Россия

MEDIA SPACE AS A DETERMINANT OF SOCIAL AND COMMUNICATIVE DEVELOPMENT OF PRESCHOOL AGE CHILDREN

O. N. Loshkareva

Senior Lecturer,
Bunin Yelets State University,
Yelets, Lipetsk region, Russia

Abstract. The article examines the problem of the influence of the digital environment on the social and communicative development of preschool children. The essence of the media space is revealed and its examples are given (websites, software, applications, social networks, television). The article analyzes modern research on the interaction of preschool children with the media space. The significant determinants that determine the specifics of the media space's impact on preschoolers are listed. Methodological recommendations are given for teachers and parents of preschoolers on interacting with digital resources that provide access to the media space.

Keywords: preschool age; social and communicative development; digitalization of education; media space; digital resources.

В современных реалиях крайне важным процессом, определяющим будущее подрастающего поколения, является социально-коммуникативное развитие, актуальность которого обусловлена наблюдаемыми трудностями в общении детей с окружающими. Такая ситуация находит свое отражение уже в период дошкольного возраста [3], обладающего особой спецификой, выражающейся в прямой зависимости от воздействия взрослого и сверстников.

Существенное влияние в данном вопросе оказывает образовательная среда детского сада, позволяющая дошкольникам устанавливать в процессе различных режимных моментов общение с педагогами и другими детьми. Однако этим содержанием данного процесса не ограничивается. Обращаясь к ФГОС до, следует отметить, что одним из направлений образовательной области «Социально-коммуникативное развитие» также явля-

ется «формирование основ социальной навигации и безопасного поведения...медиапространстве (цифровой среде)» [2], выступающего влиятельной детерминантой современной жизни.

В этой связи особый интерес вызывает вопрос о воздействии медиапространства на социально-коммуникативное развитие дошкольников, который лег в основу цели данной статьи.

Задачи:

- 1) раскрыть сущность понятия «медиапространство».
- 2) проанализировать современные исследования по вопросу взаимодействия детей дошкольного возраста с медиапространством.
- 3) на основе проведенного анализа определить степень влияния медиапространства на социально-коммуникативное развитие дошкольников.

Первостепенно определимся с содержанием понятия «медиапространство». По

мнению автора статьи, данный феномен представляет собой среду, созданную посредством интернета и цифровых ресурсов. В качестве примеров медиапространства можно привести сайты, программные обеспечения, приложения, социальные сети, телевидение.

Современные исследователи часто трагируют вопросы взаимодействия дошкольников с медиапространством посредством проводников – цифровых ресурсов, и отмечают чрезмерное их использование [9].

Наибольший интерес вызывают мобильные устройства, предоставляющие за счет своей портативности и подключения к интернету широкие возможности для просмотра различных медиа. Канадскими учеными отмечается, что дети проводят за экраном данных ресурсов большое количество времени и рано начинают ими пользоваться [8].

Модель такого поведения дети осваивают с помощью родителей, которые активно содействуют формированию коммуникативных навыков [1]. Если в семье принято проводить досуг за смартфоном в медиапространстве, ребенок также проявит интерес к нему. Поэтому родители должны осознанно относиться к этому.

Дошкольники проводят в цифровом пространстве в среднем до 3 часов в день [9]. Канадские исследователи отмечают, что у детей в этот период чаще наблюдается задержка развития, если экранное время составляет более 1 часа в день [7].

Эта задержка может выражаться в когнитивной, социальной и эмоциональной сферах, нарушениях поведения, мелкой моторики, речи [10]. Готовность детей к школе также имеет зависимость от медиапространства, в частности от просматриваемого контента. Отмечается, что в наибольшей степени страдают исполнительные функции. [4]. Негативное влияние может выражаться и в нарушении режима сна [6].

Наибольшая проблема выражается в том, что длительное пребывание в медиа-

пространстве сокращает живое общение, что негативно сказывается на формировании социальных связей, то есть создает препятствия на пути успешного социально-коммуникативного развития детей. В свою очередь, наполняющий медиапространство контент транслирует модели поведения, которые дети быстро усваивают и руководствуются ими в общении с окружающими [1]. Содержание контента при этом может быть достаточно разнообразным. Так, турецкими учеными установлено, что в медиапространстве (к примеру, YouTube) дети в основном смотрят мультфильмы, видео с игрушками и играми, ролики о природе, кулинарные шоу, юмористический контент. Но продолжительный и бесконтрольный просмотр создает риски столкновения детей с контентом, связанным с насилием, нецензурной лексикой, ведь некоторые родители позволяют сделать ребенку самостоятельный выбор в просмотре контента или возложить такую ответственность на старших братьев и сестер, которые могут не обладать базовыми компетенциями [5].

Несомненно, медиапространство может воздействовать на социально-коммуникативное развитие детей и с положительной стороны, подтверждением тоже служат российские исследования, указывающие на развитие коммуникативных способностей с помощью соответствующих возрасту приложений, видеоматериалов, детских программ. Но важным здесь видится поиск и соблюдение баланса между использованием этих ресурсов и других форм коммуникации [1]. Медиапространство не должно заменять живое общение. Оно требует рассмотрения с позиции эффективного дополнения, вспомогательного средства, визуализирующего в яркой форме трудные для понимания детьми темы.

Вместе с тем сложившаяся ситуация указывает на острую необходимость в эффективном контроле (родительском, педагогическом) и выборе более безопасных отобранных платформ. Взаимодей-

ствие с медиапространством должно быть осознанным, позволяющим тем самым раскрыть его положительные возможности. В противном случае небрежное его использование создает значительные риски для детей. Взрослые должны исходить из соображений безопасности, осознавать риски и выбирать платформы, где отсутствует реклама, чтобы быть уверенным в контенте и его соответствии возрасту и образовательным потребностям детей.

При взаимодействии с медиапространством необходимо осуществлять активное посредничество, включающее в себя обсуждение контента с детьми, способствующее развитию критического мышления в отношении потенциально-опасных онлайн-рисков. Следует устанавливать, отслеживать цифровые следы детей и фильтровать нежелательный контент.

Кроме того, следует учитывать множество факторов, обуславливающих характер воздействия медиапространства на дошкольников. Среди них можно отметить наиболее значимые: социально-экономический статус семьи и образовательного учреждения; отношение родителей и педагогов к цифровым ресурсам, их цифровые привычки; стиль воспитания.

Таким образом, воздействие медиапространства на социально-коммуникативное развитие дошкольников представляет собой многогранную тему для обсуждения. Его влияние может иметь как положительную (развитие когнитивных процессов, мелкой моторики), так и отрицательную стороны (аддикция, проблемы в речевом развитии, внимании, нарушении поведения).

Важным видится поиск баланса между плюсами и минусами медиапространства, что в настоящее время является непростой задачей для педагогов и родителей дошкольников.

Библиографический список

1. Боженова, Д. А. Социально-коммуникативное развитие детей младшего дошкольного возраста / Д. А. Боженова, О. Г. Коник // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 87-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kommunikativnoe-razvitie-detey-mladshego-doshkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 26.09.2025).
2. Приказ Минобрнауки РФ от 17.10.2013 № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования»; в ред. от 08.11.2022 № 995 // Контур Норматив. – 2025. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=442993> (дата обращения: 26.09.2025).
3. Рыжкова, О. М. Разновозрастное взаимодействие дошкольников как эффективное условие развития социально-коммуникативных навыков / О. М. Рыжкова, Т. Е. Кистярева // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». – 2020. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raznovozrastnoe-vzaimodeystvie-doshkolnikov-kak-effektivnoe-uslovie-razvitiya-sotsialno-kommunikativnyh-navykov> (дата обращения: 02.09.2025).
4. Harmon, T. M. Mobile technology and school readiness: an adverse relationship with executive functioning in low-income preschoolers / T. M. Harmon, d. h. Arnold // Journal of child and family studies. – 2024. – Vol. 33. – Pp. 3338-3349. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10826-024-02913-z> (дата обращения: 02.09.2025).
5. Konca, A. S. Navigating digital childhoods: an investigation of preschoolers' YouTube engagement / A. S. Konca, O. F. Akbulut, B. S. Coksagir, S. Sarioglan, C. T. Koc // Early Childhood education journal. – 2024. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10643-024-01818-2> (дата обращения: 02.09.2025).
6. Lin, L. Y. Effect of touch screen tablet use of fine motor development of young children / L. Y. Lin, R.-J. Cherg, Y.-J. Chen // Physical & Occupational therapy in pediatrics. – 2017. – Vol.27. – Issue 5. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01942638.2016.1255290> (дата обращения: 02.09.2025).
7. McArthur, B. A. Longitudinal associations between screen use and reading in preschool-age children / B. A. McArthur, D. Browne, Sh. McDonald, S. Tough, Sh. Madigan // Pediatrics. – 2021. – Vol. 147. – Issue 6. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34031229/> (дата обращения: 02.09.2025).

8. McArthur, B. A. Global prevalence of meeting screen time guidelines among children 5 years and younger / B. A. McArthur, V. Volkova, S. Tomopoulos // *Jama pediatrics*. – 2022. – Vol. 176. – Pp. 373–383. – URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamapediatrics/fullarticle/2789091> (дата обращения: 02.09.2025).
9. Wang, Ch. The status quo, contributors, consequences and models of digital overuse / problematic use in preschoolers: a scoping review / Ch. Wang, H. Qian, H. Li, D. Wu // *Frontiers in psychology*. – 2023. – Vol. 14. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1049102/full> (дата обращения: 02.09.2025).
10. Zhao, J. Association between screen time trajectory and early childhood development in children in China / J. Zhao, Zh. Yu, X. Sun // *Jama pediatrics*. – 2022. – Vol. 176. – Pp. 768–775. – URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamapediatrics/fullarticle/2792740> (дата обращения: 02.09.2025).

© Лошкарева О. Н., 2025

УДК 373.24

**ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО
ЗДОРОВЬЯ ДОШКОЛЬНИКОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

EDN PQEUOA

Л. В. Серых**О. А. Демина****В. Ю. Лапина****С. А. Пульная**

*Кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой, e-mail: seryh_lv@beliro.ru,
старший методист, e-mail: demina_oa@beliro.ru,
старший методист, e-mail: lapina_vy@beliro.ru,
старший методист, e-mail: pulnaya_sa@beliro.ru,
Белгородский институт развития образования,
г. Белгород, Россия*

**STUDYING THE PSYCHOEMOTIONAL AND SOCIAL HEALTH
OF PRESCHOOLERS IN THE BELGOROD REGION IN THE CONTEXT
OF THE REGIONAL PEDAGOGICAL SYSTEM****L. V. Serykh****O. A. Demina****V. Y. Lapina****S. A. Pulnaya**

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department,
Senior Methodologist,
Senior Methodologist,
Senior Methodologist,
Belgorod Institute of Educational Development,
Belgorod, Russia*

Abstract. The article presents a study conducted as part of the project «Modeling and Testing of a Pedagogical System for Raising Healthy Preschoolers». A pedagogical monitoring was conducted on seven indicators of preschoolers' health in the Belgorod region. Quantitative indicators were described and compared with previous diagnostic studies. The monitoring revealed that about half of the children had an optimal level of psychoemotional and social health, while a significant number experienced increased anxiety and difficulties in self-regulation. The levels of emotional self-control, awareness of norms, and social skills were described in detail. The study concluded that there is a positive trend in the development of preschoolers' health potential, which confirms the effectiveness of the developed pedagogical system.

Keywords: monitoring of preschoolers' health; psychoemotional health; social intelligence; emotional self-control; and anxiety level diagnostics.

Вопросы охраны и укрепления здоровья детей дошкольного Возраста занимают центральное место в современной педагогической и медицинской науке. Наблюдаемый в последние десятилетия рост интереса к изучению состояния здоровья дошкольников коррелирует с увеличением распространенности хронических заболеваний и отклонений в развитии среди данной возрастной группы. Современные исследователи и практики сосредоточены на поиске результативных подходов к профилактике патологий и формированию основ здоровой личности [1]. В настоящей работе

представлены результаты педагогического мониторинга, направленного на оценку уровня психоэмоционального и социального здоровья воспитанников дошкольных образовательных учреждений Белгородской области.

В соответствии с планом управления проектом «Моделирование и апробация педагогической системы воспитания здорового дошкольника» (далее – Проект), пункт 4.1.1. «Проведение выходной диагностики воспитанников дошкольных образовательных организаций», на основании соответствующего распоряжения ор-

гана управления проектом, был проведен педагогический мониторинг по семи потенциалам здоровья детей дошкольного возраста в дошкольных образовательных организациях Белгородской области. В мониторинге приняли участие 28 дошкольных образовательных организаций Белгородской области (100 % от общего числа ДОО, включенных в команду проекта реализации Проекта). В выборку мо-

ниторинговых исследований по 7 потенциалам здоровья вошло всего 2267 детей дошкольного возраста, из которых 1118 (49,32 %) воспитанников составили контрольную группу, 1149 (50,68 %) — экспериментальную группу. Количественные показатели мониторинговых исследований по 7 потенциалам здоровья представлены в таблице 1.

Таблица 1

Количественные показатели мониторинговых исследований по 7 потенциалам здоровья

№ п/п	Потенциал здоровья	Контрольная группа (количество детей)	Экспериментальная группа (количество детей)	Итого детей
1.	Психоэмоциональный потенциал	80	89	169
2.	Физический потенциал	85	102	187
3.	Личностный потенциал	187	179	366
4.	Духовно-нравственный потенциал	81	88	169
5.	Творческий потенциал	93	87	180
6.	Социальный потенциал	515	535	1050
7.	Когнитивный потенциал	77	69	146
	Итого	1118	1149	2267

Педагогический мониторинг, охватывающий семь потенциалов здоровья детей дошкольного возраста, проводился в дошкольных образовательных организациях Белгородской области. Он базировался на специально разработанной диагностической модели, созданной в рамках проекта «Моделирование и апробация педагогической системы воспитания здорового дошкольника». Методики, применяемые для оценки этих семи потенциалов, здоровья дошкольников, детализированы в таблице 2.

В ходе мониторинга оценивался уровень развития воспитанников по каждому из аспектов здоровья, который определялся по трем уровням:

- высокий уровень – полностью сформированный навык, демонстрирующий самостоятельность, активность и безошибочное выполнение с первого предъявления;
- средний уровень – частично сформированный навык, требующий от 2 до 3 попыток и дополнительного руководства со стороны взрослого;
- низкий уровень – несформированный навык, который либо не выполняется вовсе, либо требует многократных повторений и постоянной помощи взрослого.

Таблица 2

Диагностическая модель методик потенциалов здоровья дошкольников

№ п/п	Потенциалы здоровья дошкольников	Диагностические методики
1.	Физический потенциал	Тесты на определение двигательных способностей (по программе «Истоки»); Карта-прогноз здоровья дошкольников (Л. Н. Волошина).
2.	Психоэмоциональный потенциал	Тест на оценку уровня тревожности и выявления признаков психического напряжения у детей (А. И. Захаров); Методика «Изучение умения сдерживать свои непосредственные побуждения» (по Г. А. Урунтаевой).
3.	Социальный потенциал	«Определение уровня самоконтроля своих эмоциональных состояний» (А. М. Щетинина); Методика «Неоконченные ситуации» (А. М. Щетинина, Л. В. Кирс); «Диагностика развития общения со сверстниками» (Орлова И. А., Холмогорова В. М.); Выявление уровня социального интеллекта методика «Картинки» (А. Жиль).
4.	Личностный потенциал	Сформированность уровня гигиенической культуры (Л. Н. Волошина); Модифицированная методика выбора (по Г. А. Урунтаевой); Методика «Если хочешь быть здоров!» (Л. Н. Волошина).
5.	Духовно-нравственный потенциал	Беседа «Как правильно поступить?» (О. Г. Галимская); Методика «Сюжетные картинки» (по Р. М. Калининой); Методика «Закончи историю» (по И. Б. Дермановой).
6.	Творческий потенциал	Наблюдение за самостоятельной двигательной деятельностью (В. А. Шишкина, М. Н. Дедулевич).
7.	Когнитивный потенциал	Беседа «Изучение интересов предпочтений дошкольников» (по М. М. Мусановой); Методика «Неоконченные предложения» (В. А. Деркунская).

Результаты итоговой диагностики в дошкольных образовательных организациях свидетельствуют о позитивной динамике в формировании 2х указанных навыков. Эффективность данного подхода подтверждается на примере психоэмоционального, социального и творческого потенциалов здоровья.

В рамках регионального проекта направленного на развитие психоэмоционального потенциала, мы провели диагностику с использованием теста А. И. Заха-

рова для оценки тревожности и психического напряжения у детей [2], а также методики Г. А. Урунтаевой для изучения способности к самоконтролю. Мониторинг включал наблюдение за ситуативными проявлениями тревожности, их частотой и фиксацию в протоколах [3]. Результаты показали, что у большинства детей (54 % в экспериментальной и 53 % в контрольной группах) выявлены незначительные отклонения, соответствующие возрастным нормам (оптимальный уро-

вень). Средняя степень психоэмоционального напряжения (допустимый уровень) отмечена у 42 % детей в экспериментальной и 44 % в контрольной группах. Лишь небольшая часть детей 4,5 % в экспериментальной и 4 % в контрольной группах продемонстрировала высокую степень напряжения и склонность к неврозам (недопустимый уровень). В целом, уровень тревожности у большинства дошкольников свидетельствует об отсутствии выраженной суетливости, проблем с концентрацией внимания, быстрой утомляемости и мышечного напряжения.

Для оценки «социального потенциала здоровья» в рамках регионального проекта были применены следующие диагностические инструменты: методика определения уровня самоконтроля эмоциональных состояний (А. М. Щетинина) [4], тест «Неоконченные ситуации» (А. М. Щетинина, Л. В. Кирс) [4] методика диагностики общения со сверстниками (Орлова И. А. Холмогорова В. М.) [5] и тест «Картинки» для оценки социального интеллекта А. Жиль [6]. Педагоги фиксировали результаты каждого ребенка по всем методикам. Анализ данных показал, что в контрольной группе высокий уровень самоконтроля в ситуациях неудач (признание собственной ответственности и поиск путей решения) продемонстрировали 37 % детей. Средний уровень (признание влияния как собственных действий, так и внешних обстоятельств) показали 39 %, а низкий (принятие причин неудач во внешних факторах) – 24 %. В экспериментальной группе результаты оказались несколько иными: Высокий уровень самоконтроля был отмечен у 40 % детей, средний у 43 %, а низкий – у 17 %. Это свидетельствует о том, что дети в экспериментальной группе чаще видят причину неудач в своих действиях и готовы искать пути улучшения ситуации.

Исследование, проведенное на основании методики «Диагностика развития общения со сверстниками» (Орлова И. А., Холмогорова В. М.) и «Картинки»

А. Жиль), показало следующие результаты относительно коммуникативных навыков и социального интеллекта у детей. В контрольной группе высокий уровень коммуникативных навыков продемонстрировали 38 % детей, средний – 40 %, а низкий – 22 %. В экспериментальной группе эти показатели составили 39 %, 43 % и 18 %. Соответственно, что касается социального интеллекта, то в контрольной группе высокий уровень (самостоятельное решение проблем без конфликтов) был отмечен у 37 % детей, у 39 % детей возникали трудности с самостоятельным разрешением конфликтов, требуя помощи со стороны. 24 % детей испытывали значительные сложности или не могли справиться с проблемными ситуациями. В экспериментальной группе высокий уровень социального интеллекта (самостоятельное решение проблем без конфликтов) был у 39 % детей. Средний уровень обращение за помощью для разрешения конфликтов) наблюдался у 42 % детей, а низкий уровень (существенные трудности в разрешении конфликтов) и 19 % детей отмечается низкий уровень развития социального интеллекта (решение конфликтных ситуаций вызывает существенные трудности).

Проведенный мониторинг подтвердил положительную динамику в развитии психоэмоционального и социального здоровья дошкольников Белгородской области. Больше половины детей имеют оптимальное или допустимое состояние эмоционального здоровья, демонстрируя адекватную саморегуляцию и низкий уровень тревоги. Примерно половина обследованных дошкольников сохраняет средние показатели социального интеллекта и эмоционального самоконтроля. В обеих группах (контрольной и экспериментальной) отмечены схожие тенденции, что подтверждает эффективность разрабатываемых методик и диагностируемых критериев.

Библиографический список

1. Михайлова Н. В., Бунина А. Н. Основы здорового образа жизни детей старшего дошкольного возраста // Теория и практика современной науки. – 2019. – № 2 (44). – С. 245–252.
2. Панфилова М. А. Игротерапия общения: тесты и коррекционные игры // М.: ГНОМид, 2001. – 160 с.
3. Урунтаева Г. А., Афонькина Ю. А. Практикум по детской психологии // М.: Владос, 1995. – 291 с.
4. Щетинина А. М. Диагностика социального развития ребенка // Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. – 88 с.
5. Ефич Н. М. Технологии оптимизации межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000233>
6. Ибаходжиева Л. А. Эмоциональные образы страха у дошкольников // Дошкольное воспитание. – 2009. – № 8. – С. 15–23.

© Серых Л. В., Демина О. А., Лапина В. Ю., Пульная С. А., 2025

УДК 376.3

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОВЗ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

EDN PULPRQ

С. М. Хапачева
Д. С. Река

*Кандидат педагогических наук, доцент,
студентка,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

FEATURES OF ADAPTATION OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITH DISABILITIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

S. M. Khapsheva

D. S. Reka

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Student,
Adyghe State University,
Maikop, Republic of Adyghea, Russia*

Abstract. This article focuses on the significant gap between theory and practice. On the one hand, there is a significant demand for adaptive work with children with disabilities. On the other hand, we can say that the current educational system is not fully prepared to provide effective adaptation for children with disabilities due to a lack of research and implementation. In this regard, it is necessary to conduct additional research aimed at studying the features of adaptation of children with disabilities, in particular children with various diagnoses, and to develop programs for adapting children with special needs to the educational process.

Keywords: adaptation; primary school students; children with disabilities; educational process; self-esteem.

Начало младшего школьного возраста знаменуется принципиальным изменением социального статуса ребенка – он становится учащимся, для которого учебная деятельность становится ведущей. Этот переход сопровождается кардинальным изменением социальной ситуации развития, требующим освоения новой социальной роли и системы отношений.

В данный период наблюдается интенсивное формирование познавательных способностей, происходит активная социальная ориентация, складывается система социальных связей и предметных отношений. Особое значение приобретает развитие операционно-технического компонента деятельности и становление универсальных учебных действий.

Новая социальная позиция и изменяющаяся ситуация развития закономерно порождают адаптационные трудности, поскольку учебная деятельность представляет собой принципиально новый вид ведущей деятельности. Дополнительным

фактором сложности выступает необходимость адаптации к новой социальной роли ученика.

Если у нормативно развивающихся младших школьников процесс адаптации может сопровождаться значительными трудностями, то для детей с ограниченными возможностями здоровья эти проблемы многократно усиливаются. Ребенок с ОВЗ характеризуется наличием таких особенностей здоровья, которые без создания специальных образовательных условий и индивидуализации педагогического подхода препятствуют успешному освоению образовательной программы. В этой связи эффективная адаптация данной категории учащихся требует разработки специализированных педагогических программ, учитывающих как индивидуальные особенности развития, так и оптимальный темп освоения учебного материала.

Проблема адаптации детей младшего школьного возраста, в независимости от того, насколько часто и много данная тема по-

является в исследованиях педагогов, медиков и психологов, не становится менее значимой. Более того, увеличивающееся количество детей с ОВЗ доказывает актуальность рассматриваемой проблематики [9].

Проблему адаптации освещало множество современных ученых, например, С. А. Игумнов, Т. В. Дорожевец, Я. Л. Коломинский, Л. А. Венгер, Е. А. Панько, М. М. Безруких, Т. А. Соловьева, А. Я. Варламова, А. Л. Венгер, М. А. Кувырталова, И. Ю. Троицкая, Ю. В. Макарова, М. А. Фаина, и др.

Сегодня почти все исследователи согласны с классическим определением термина адаптации: слово произошло от латинского «adapto», что означает «приспосабливаю» [1].

Адаптация – это то, как индивид, если рассматривать его с физиологической и личностной точки зрения, приспосабливается к воздействиям и жизненным условиям, которые постоянно меняются [6]. Адаптация помогает возместить нехватку знакомых человеку реакций на те или иные новые условия [6]. Адаптация играет важную роль в жизни человека и в том, какой выбор он решает сделать, особенно это касается кардинальных моментов его жизни.

Степень адаптации младших школьников можно определить следующими факторами: тем, насколько благополучно ребенок постигает новые знания и виды деятельности, наличием и качеством взаимосвязей с окружающими и одноклассниками, психологическим комфортом в месте учебы. Психологам и педагогам, участвующим в адаптации детей младших классов, важно создавать климат, в котором дети смогут в дальнейшем развиваться [5].

Успешная адаптация учащихся начальных классов представляет собой многогранный процесс, охватывающий психологическую, поведенческую и социальную сферы. Анализ современных исследований позволяет выделить комплекс

ключевых детерминант, влияющих на данный процесс:

- Степень психологической готовности к школьному обучению, отражающая уровень зрелости интеллектуальных, эмоциональных и физиологических компонентов развития личности.
- Особенности семейной системы, где гармоничные внутрисемейные отношения выступают ключевым условием успешной адаптации [4].
- Возрастные особенности младших школьников, характеризующиеся лабильностью нервной системы, колебаниями работоспособности, недостаточной сформированностью волевой регуляции и учебной мотивации.
- Предшествующий образовательный опыт, где дети, посещавшие дошкольные учреждения, демонстрируют более развитые адаптационные способности по сравнению с «домашними» детьми, у которых чаще наблюдается социальная дезадаптация – замкнутость или гиперактивность. Решающую роль здесь играет педагогическая стратегия взаимодействия.
- Индивидуальные особенности здоровья, поскольку дети с особыми образовательными потребностями или хроническими заболеваниями требуют более продолжительного адаптационного периода, а учебные нагрузки могут провоцировать состояния психосоматического неблагополучия [6].
- Социально-психологический климат образовательной среды, где формирование конструктивных коммуникативных моделей и нравственных ориентиров создает фундамент для успешной интеграции [2].
- Организационно-педагогические условия, включающие адекватное структурирование учебного процесса, отбор содержания образования и применение дифференцированных методик, учитывающих психофизиологические особенности развития [4].

Особого внимания требует создание специализированных коррекционно-развивающих условий для учащихся с ОВЗ, поскольку в традиционной образовательной среде их обучение сопряжено со значительными трудностями [5]. Эффективная адаптация данной категории детей возможна при реализации индивидуального подхода, учитывающего как возрастные, так и индивидуально-типологические особенности развития.

Психика и телесные данные ребенка с ограниченными возможностями здоровья отличаются от тех же показателей здорового ребенка, и, как мы уже сказали, этиология этих особенностей может скрываться в области генетики, а также быть врожденным или приобретенным фактором. Психологи утверждают, что дети с особенностями в развитии требуют специализированной психолого-педагогической помощи [6].

Семейное окружение играет ключевую роль в успешной интеграции детей с особыми образовательными потребностями в учебный процесс. Исследования показывают, что именно от характера семейной поддержки зависит эффективность формирования бытовых компетенций, развития коммуникативных способностей и социальной интеграции ребенка [6]. Семья выступает основным звеном в закреплении приобретенных знаний и умений, что обуславливает необходимость активного вовлечения родителей не только в образовательную, но и в реабилитационную деятельность [2].

Инклюзивная модель образования создает организационные предпосылки для обеспечения равных прав на получение образования всеми категориями обучающихся, включая детей с особенностями развития [8]. Несмотря на декларируемую доступность, практическая реализация инклюзивного подхода сталкивается с проблемой психологической неподготовленности ключевых участников образовательного процесса. Как демонстрируют исследования, результативность адаптации ребенка в инклюзивной среде опреде-

ляется отношением педагогов и родителей. Профессиональная толерантность педагога напрямую коррелирует с его стрессоустойчивостью – чем выше этот показатель, тем более эффективным становится взаимодействие с особым учеником.

Современные научные исследования идентифицируют комплекс факторов, препятствующих успешной социализации детей с ОВЗ:

- нозологические особенности развития (нарушения сенсорных функций, психические расстройства, соматические заболевания);
- индивидуальные психофизиологические характеристики;
- дефицит условий для построения взаимоотношений со сверстниками;
- ослабленное физическое состояние;
- ограничения возможности участия в ключевых видах деятельности (учебной, игровой, коммуникативной, трудовой).

Как продемонстрировано в наших исследованиях, 47,06% детей младшего школьного возраста с ОВЗ имеют выраженный страх перед школой, что свидетельствует о неэффективной адаптации к школе значительного количества детей с ОВЗ, а 35,29 % младших школьников с ОВЗ испытывают тревогу по поводу обучения в школе. Причинами страха и тревоги детей с ОВЗ могут быть необдуманные высказывания родителей и других значимых взрослых, негативный опыт школьного обучения старших детей в семье, столкновение с трудностями во взаимодействии с одноклассниками и учителями.

Социальные мотивы, а также внешние превалируют над познавательными и внутренними у ребенка младшего школьного возраста с ОВЗ. Также автор отмечает, что переход от внешней мотивации к внутренней существенно затруднен. 83 % первоклассника с ОВЗ упоминали внешние социальные мотивы, при этом 33 % социальных мотивов имели отрицательную окраску (например, «не расстроить родителей»).

В результате анализа исследования самооценки детей с ОВЗ мы можем отметить, что не существует единого мнения среди исследователей о том, какой уровень самооценки наблюдается у особенных детей. В одних исследованиях самооценка детей с ОВЗ является заниженной, в других – заниженной, в-третьих – адекватной. В целом уровень самооценки может быть связан не только с ограниченными возможностями здоровья, но и с характером дефекта, его выраженностью, семейной и педагогической поддержкой и другими факторами.

У детей с задержкой психического развития чаще наблюдается завышенная самооценка. По мнению Н. А. Жулидовой, завышенную самооценку ребенка с ЗПР можно объяснить степенью выраженности задержки: чем больше задержка, тем менее критично себя оценивают дети, тем выше их самооценка [7].

Как считает И. Н. Никулина, ребенок с нарушением зрительного аппарата чаще обладает именно заниженной самооценкой [10].

По мнению Т. В. Розановой, дети с ОВЗ имеют либо завышенную, либо заниженную самооценку, ее мнение можно назвать промежуточным по сравнению с остальными вышеописанными исследователями [8].

Проведенный анализ научных источников позволяет констатировать, что процесс школьной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья сопряжен со значительными сложностями. Для данной категории учащихся характерна преимущественная ориентация на внешние стимулы в учебной деятельности, при этом трансформация внешней мотивации во внутреннюю (познавательную) представляет особую педагогическую проблему.

В научном сообществе отсутствует консенсус относительно особенностей самооценки у детей с ОВЗ. Эмпирические данные различных исследователей демонстрируют полярные результаты: фикси-

руются случаи как заниженной, так и завышенной самооценки, встречаются и примеры адекватного самовосприятия. На основании изучения литературы можно выдвинуть гипотезу о существовании корреляции между характером первичного нарушения и спецификой самооценки.

Психофизиологические особенности развития детей с ОВЗ обуславливают пролонгированный характер адаптации к образовательной среде. Существенными барьерами в этом процессе выступают противоречия между социально-образовательными требованиями и индивидуальными возможностями ребенка. Преодоление данных диссонансов требует разработки специализированных педагогических стратегий, направленных на эффективную интеграцию учащихся с особыми образовательными потребностями в учебный процесс и социальную среду образовательного учреждения.

Библиографический список

1. Андрусак Н. Ю., Безенкова Т. А. Анализ положительного опыта использования социально-культурных технологий в процессе реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – № 2 (1). – С. 24–30.
2. Балл Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. – 1989. – №1. – С. 92–100.
3. Бандурин А. П. Социокультурные технологии инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья и их совместимость с жизненными стратегиями социализации в семье // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 7. – С. 43–49.
4. Бачина О. В. Основы специальной психологии и коррекционной педагогики: Учеб. пособие / О. В. Бачина, Н. Н. Иванова. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – 126 с.
5. Белопольская Н. Л. Психологическая диагностика личности детей с задержкой психического развития / Н. Л. Белопольская. – М.: Изд-во УРАО, 2009. – 147 с.
6. Битянова М. Р. Адаптация ребенка в школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка: Сб. метод. мат. для админ., педагогов и шк. психол. – М.: Образоват. центр «Педагогический поиск», 1997. – 112 с.

7. Зотова О. И., Кряжева, И. К. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – Москва, 2008. – С. 219–232.
8. Лучинкина И. С., Кононова А. А. Особенности адаптации детей с ОВЗ в условиях общеобразовательной школы // Молодой ученый. – 2019. – № 52 (290). – С. 237–240. – URL: <https://moluch.ru/archive/290/65679/> (дата обращения: 21.12.2021).
9. Михайлова, Т. А. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации обучающихся с ОВЗ в условиях массовой школы // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 4. – С. 243.
10. Никулина, И. Н. Развитие самооценки школьников с нарушениями зрения: учеб.-метод. пособие. – СПб., 2008. – 192 с.

© Хапачева С. М., Река Д. С., 2025

УДК 82-8

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР**

EDN PVZKCJ

Ян Чжи

*Кандидат филологических наук, профессор,
e-mail: yz20002@mail.ru
Институт журналистики и коммуникаций,
Хэнаньский университет,
г. Кайфын, Провинция Хэнань, Китай*

THE IDEOLOGICAL COMPONENT OF JOURNALISM EDUCATION IN CHINA**Yang Zhi**

*Candidate of Philology, Professor,
Institute of Journalism and Communications,
Henan University,
Kaifeng, Henan Province, China*

Abstract. The article emphasizes the priority of the humanistic principle in the activities of Chinese media and the corresponding content of educational programs for training journalists. It highlights the essence and practical significance of Marxism in China, and explains the concepts of «socialism with Chinese characteristics» and «Chineseized Marxism»

Keywords: Journalism Education; Humanity; Ideology; Marxism in China.

В одной из наших предыдущих статей [3] мы обобщили опыт наиболее авторитетных подразделений подготовки журналистских кадров в России и Китае: факультета журналистики МГУ (Москва) и Института журналистики Китайского народного университета (Пекин). Было отмечено, что руководство обоих учреждений стремится соблюдать баланс между узкоспециальными (технологическими) и социо-гуманитарными дисциплинами, как классическими (языки, литература, философия, история...), так и новейшими (политология, социология...), а также авторскими (например, «Москва глазами журналистов»). Практика китайского и российского флагманов журналистского образования коррелирует с трактовкой одного ЮНЕСКО: это «круг трех программных осей или направлений развития: 1) нормы, ценности, инструменты, стандарты, практика журналистики; 2) социальные, культурные, политические, экономические законодательные, экономические аспекты журналистской практи-

ки как в пределах страны, так и вне ее; 3) знание о мире и интеллектуальной проблематике журналистики» [2].

В Китае пристально интересуются опытом зарубежных стран по всем направлениям социальной, культурной, технологической и, разумеется, образовательной деятельности. В этом плане опыт факультета журналистики МГУ представляется крайне значимым: при тренде на формализацию и унификацию современного образования московские коллеги держат высокую планку за счет углубления учебного процесса (речь о количестве учебных часов*) и диверсификации, то есть возможности получения студентом дополнительной специализации**. И это не единственный показатель тщательно продуманного ведения дела. В настоящей статье я хотел бы более подробно осветить опыт медиаобразования в Китае, взяв за основу наработки трех университетов (того же КНУ, столичного Университета Китайской академии социальных наук, Университета Фудань в Шанхае), при

этом сделав акцент на дисциплинах, не встреченных нами в программах МГУ и Белорусского государственного университета (с ним я сотрудничаю более двадцати лет), и дисциплинах идеологического характера, приоритетных именно для Китая. Полагаем, что данная информация может представлять интерес для медиапедагогов стран СНГ.

В Китайском народном университете такие «оригинальные» дисциплины следующие: «Математика для гуманитарных направлений» (4)***, «Основные принципы марксизма» (3), «Образование в области национальной обороны» (2), «Введение в идеи Мао Цзэдуна и теоретическую систему социализма с китайской спецификой» (5), «Марксистский взгляд на журналистику и современная китайская журналистика» (2), «Психологическое здоровье» (1,5), «Планирование карьеры» (0,5), «Развитие карьеры и трудоустройство» (2). На факультете журналистики Фуданьского университета дополнительно практикуется «Введение в идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху (теория и практика)» (2) и также, как в КНУ, уделяется внимание «Просвещению по вопросам психического здоровья» (2). Медиаобразование в Университете Китайской академии социальных наук дополняет картину такими предметами, как «Развитие и психология студента» (2), «Критическое мышление» (2) и «Киберпсихология» (2).

Дисциплины неидеологического характера не нуждаются в комментариях, их можно свободно принять к сведению и адаптировать к учебным планам факультетов журналистики на пространстве СНГ. Иное дело – идеологический сегмент, комментированию которого посвящена данная статья.

Дисциплины «Введение в идеи Мао Цзэдуна и теоретическую систему социализма с китайской спецификой» и «Введение в идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху»

сходны с тем, что в российском контексте представлено как «Основы российской государственности», но с акцентом на практике «нового Китая», то есть начиная с провозглашения КНР в 1949 г. Преподают эти дисциплины под контролем и иногда при посредстве представителей местных органов идеологической власти. Началась такая практика в 2001 г., когда на Симпозиуме по марксистской составляющей журналистского образования заместитель министра Отдела пропаганды ЦК КПК Ван Чен объявил, что марксистская идеология должна лежать в основе информационно-коммуникационной деятельности. Вслед за этим Всекитайская ассоциация журналистов опубликовала в центральной прессе «Идеи по изучению марксистской концепции и внедрению ее в журналистику». Далее соответствующая просветительская деятельность распространилась по всей стране. От всех подразделений СМИ и учреждений медиаобразования потребовалось активное изучение марксистской идеологии, формирование соответствующих мировоззренческих позиций и внедрение их в профессиональную этику и практику. В 2004–2005 гг. Министерство образования КНР организовало несколько учебных курсов по программе «Три этапа марксистского обучения» для редакций СМИ и учебных учреждений, осуществляющих подготовку кадров для них. В работе курсов приняли участие руководители, сотрудники и студенты более 150 медиаорганизаций [4, с. 829].

С учетом посредственного опыта СССР, продвигавшего марксизм без учета локальной специфики, китайские идеологи и руководители адаптировали их к национальной действительности. В результате, в отличие от советского человека, зачатую иронизировавшего над марксистским дискурсом, среднестатистический китаец относится к нему с уважением и поддержкой. Действительно, нации трудно было не воспринять такие ценности, как: а) *сяокан* 小坎, *xiǎokǎn* – идею об

обеспеченном среднезажиточном обществе; б) социальная гармония – равноправие и единство представителей всех социальных слоев; в) защита малоимущих и перспектива полного искоренения нищеты; г) уменьшение различий между городом и селом, экономически и технологически продвинутыми восточными и отсталыми западными регионами страны; д) пиетет к традиционной китайской культуре – глубокой, цельной, многообразной, ориентированной на идеалы гармонии и полноты бытия.

Представители каждого социального слоя заинтересованы в предоставлении предпочтений именно им. Так, в стране, где большинство населения составляют крестьяне, приоритетная роль в экономике отводится сельскому хозяйству, что позволило решить извечную для Китая проблему голода и нищеты. Крестьяне имеют право на пожизненное владение землей и могут успешно вести бизнес в формате семейного подряда, пользоваться государственными льготами и отдавать землю в аренду. Китайская интеллигенция находится в привилегированном положении. Обычный преподаватель получает зарплату, достаточную для проживания в комфортабельном квартале, просторной квартире, для полноценного отдыха (в том числе за границей), обеспечения себя и детей развитием и досугом. Быть *лаоши* (учителем) значит почитаться на уровне всяческого уважения и обережения. Бизнес-класс не зависит от государственного управления и может самостоятельно привлекать иностранные инвестиции. Само же правительство при данных условиях освобождается от опеки над хозяйственными субъектами, и его основная роль – быть гарантом макроэкономической и геополитической стабильности, нормального функционирования рыночных механизмов, обеспечения справедливой конкуренции.

Таков китаизированный марксизм и социализм с китайской спецификой. Это

не застывшие, но постоянно развивающиеся, совершенствующиеся и осовременивающиеся практики. Ожидается адаптация и других западных философских и социальных концепций к потребностям Китая. По сути, речь идет о перманентном *становлении* (ср. европейский концепт, восходящий к гегелевскому понятию *im Werden*) и личном участии каждого в этом процессе.

Почему же именно марусизм стал основой государственной идеологии КНР? Разумеется, опыт советского друга сыграл значительную роль, но дело еще и в том, что эта европейская концепция близка традиционным китайским ценностям. Так, теория развития производительных сил тесно связана с восточной категорией *практики* 练习, *liànxí* – деятельности, преобразующей внутренний и внешний мир. В такой интерпретации практика выступает как манифестация личности в различных сферах материальной, интеллектуальной, духовной деятельности (ср. европейское понятие «реализация»). Теория развития производительных сил имеет и собственно китайское понимание: поскольку в ходе материального прогресса человек и орудия его труда образуют некое целое, трансформирующее природу, постольку «небо и человек соединяются в одно» (один из основных постулатов китайской классической философской мысли).

Для широкого приятия этой идеологии важно и то, что она не предполагает унификации индивида: «Совершенствование человека является необходимым условием социального прогресса, развитие человека – цель, а развитие общества – средство» [1, с. 264]. Данное положение соответствует ключевой концепции конфуцианства – идее о благородном муже. Китайский путь, таким образом, не таит в себе угрозы размывания личностной идентичности.

Все эти принципы равно характеризуют «идеи Мао Цзэдуна» и «идеи Си Цзиньпина», преподаваемые будущим

журналистам. Разница между ними в том, что первые касаются консолидации страны на этапе «поднятия с колен» после волн милитаризации и колонизации, вторые ориентированы на достижении беспрецедентной мощи страны во всех сферах. Гордость за нее, восхищение и любовь к ней – основа единения и согласия нации, фундамент социальной гармонии. Обратим внимание на значительное количество часов по изучению «идей»: разумеется, их заполнение не предполагает зубуривания и тщательного конспектирования текстов документов, выступлений, декретов, тезисов и так далее; основное содержание занятий – разнообразная иллюстрация осознанного планомерного осуществления идей лидеров в жизни огромного, многонаселенного и многонационального Китая.

Итак, китайское понимание национального курса регуляции деятельности общественных субъектов и сфер, в том числе журналистского образования, предполагает приоритетное влияние государства и государственной идеологии. Это влияние, будучи вертикальной моделью (инициативой, «спущенной сверху»), подразумевает горизонтальное осуществление как в плане повсеместного распространения, так и тотальной осознанности, включенности в повседневное мышление современного китайца. Марксистская составляющая журналистского образования в Китае – действенный регулятор в усло-

виях глобализации, технизации, распространения морально релятивистского космополитизма.

Примечания

*Объем нагрузки по общефакультетским дисциплинам в Институте журналистики КНУ – 1356 учебных часов, на факультете журналистики МГУ – 4446 (!).

**Детально об этом в нашей статье «Опыт Китайского народного университета и Московского государственного университета в решении основных проблем журналистского образования», опубликованной в данном номере.

***Число в скобках означает количество зачетных единиц по дисциплине, 1 зачетная единица – 16 учебных часов.

Библиографический список

1. Цырендоржиева Д. Ш., Бальчиндоржиева О. Б. Китаизация марксизма и модернизация Китая. Известия Томского политехнического университета. 2013. № 6. С. 261–265.
2. ЮНЕСКО. Модель учебной программы по журналистике. Асанбаева Г, переводчик. 2012. Электронный ресурс: http://www.unesco.kz/publications/ci/2012/Model_J-Curricula_ru-Sources.doc. Дата обращения: 25.11.2025
3. Ян Чжи. Актуальные проблемы современного журналистского образования // Социосфера. 2025. № 4. С. 81–85.
4. 张坤, 编辑. 中国新闻传播教育年鉴. 武汉: 武汉大学出版社; 2016. 387 页 = Ежегодник образования китайской журналистики и коммуникации / Под ред. Чжан Куна. – Ухань: Издательство Уханьского университета, 2016. 387 с.

© Yang Zhi, 2025

УДК 82-8

**ОПЫТ КИТАЙСКОГО НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА
И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В РЕШЕНИИ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**
EDN QUNZWC

Ян Чжи

*Кандидат филологических наук, профессор,
e-mail: yz20002@mail.ru,
Институт журналистики и коммуникаций,
Хэнаньский университет,
г. Кайфын, Провинция Хэнань, Китай*

**THE EXPERIENCE OF RENMIN UNIVERSITY OF CHINA
AND LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN ADDRESSING KEY
ISSUES IN JOURNALISM EDUCATION**

Yang Zhi

*Candidate of Philology, Professor,
Institute of Journalism and Communications,
Henan University,
Kaifeng, Henan Province, China*

Abstract. It is emphasized that the main problem of modern journalism education is the tendency of dehumanization of the profession in a converged media environment that requires one specialist to perform the functions of an editorial team. The article analyzes how the educational programs of the main centers for training journalists in Russia and China are trying to solve this problem.

Keywords: journalism education; convergence; educational programs; special and socio-humanitarian vector of education.

В предыдущей статье [2] мы обобщили проблемы современного журналистского образования, главная из которых – вектор дегуманизации профессии журналиста в условиях конвергированной медиасреды. От журналиста сегодня требуют умения работать со всеми видами контента: текст, видео, аудио, фото, графика, иммерсивное наполнение материала, его продвижение и отслеживание обратной связи. Такая универсальность журналистской деятельности близка к ее низведению до уровня ремесленничества, медиапродукта – до уровня суррогата, потребителя – до опасности деградации. В этих условиях важно формировать у будущих работников медиасферы высокую планку отношения к себе, к профессии и к аудитории. Основной подход к выполнению этой задачи – «баланс между специальными дисциплинами профессионального характера и широкой гуманитарной подготовкой» [1, с. 40].

Мы поставили перед собой задачу проанализировать Образовательные программы бакалавриата в учреждениях журналистской подготовки флагманов китайского и российского высшего образования: в Институте журналистики Китайского народного университета (Пекин) и на факультете журналистики Московского государственного университета. Насколько они реализуют необходимость совместить узкоспециальные практики с гуманитарным и социо-гуманитарным базисом, прикладное и фундаментальное? По сути, это вопрос о сохранении потенциала сферы, с Античности формировавшей мысли, смыслы, ориентиры для общества и государства.

С методологических позиций наше исследование предполагало осуществление следующих операций.

Во-первых – вычленение дисциплин целиком прикладного (технического, тех-

нологического, узкоспециального) порядка, например: «Основы и применение цифровых технологий», «Анализ кейсов по управлению СМИ» и т. п. Это – «**Специальные дисциплины**». Во-вторых – обобщение социо-гуманитарных дисциплин: как классических (языки, политология, философия, вся «История»), так и собственно журналистских и коммуникационных, тех, которые отражают социум и на него ориентированы («Актуальная политическая повестка», «Фотожурналистика», «Публичная дипломатия и коммуникация» и т.д.). Сюда же мы отнесли оригинальные наработки медиапедагогов (например, «Москва глазами журналистов»). Все это блок «**Социогуманитарные дисциплины**». В-третьих, выделены такие специальные дисциплины, которые в силу генетического характера сферы журналистики и коммуникации обладают социально-гуманитарной основой («Теория журналистики», «Теория коммуникации», «Основы создания

медiateкста» и т.д.) – это «**Специальные дисциплины социо-гуманитарного характера**». Для подсчета часов использован коэффициент минус 50 %.

Далее сопоставлен объем часов по дисциплинам, общим для всего учреждения журналистской подготовки. При этом формировалось соотношение по формуле $a : b + c$ (a – узкоспециальные дисциплины, b – социо-гуманитарные дисциплины, c – специальные дисциплины социо-гуманитарного характера. Затем по такой же схеме сравнен объем дисциплин специализаций. При подсчете не выделялись отдельно факультативные курсы. Объем нагрузки по физической культуре и производственной практике не учитывался.

В Таблице 1 представлено распределение нагрузки (1 зачетная единица, з. е. – 16 часов) в Институте журналистики Китайского народного университета. Данные дисциплины равномерно распределены на курс обучения 4 года.

Таблица 1

Специальные дисциплины (з. е.)	Социально-гуманитарные дисциплины (з. е.)	Специальные дисциплины социо-гуманитарного характера (з. е.)
Основы информационных технологий (1) Применение информационных технологий (1) Применение цифровых коммуникационных технологий (2) Обучение специальным исследованиям и инновациям (2) Математика для гуманитарных направлений (4) Цифровая публикация (2) Методы исследования	Идеологическая этика и право (3) Современная история Китая (3) Основные принципы марксизма (3) Образование в области национальной обороны (2) Введение в идеи Мао Цзэдуна и теоретическую систему социализма с китайской спецификой (5) Марксистский взгляд на журналистику и современная китайская журналистика (2) Актуальная политическая повестка (1) История китайской журналистики (2) История зарубежной журналистики (2) Классические произведения китайской литературы (2)	Основы практики в области журналистики (2) Теория журналистики (2) Теория коммуникации (2) Этика и правила журналистики и коммуникации (2) Основы создания медiateкста (4) Фотография (2) Введение в индустрию культуры (2) Психологическое здоровье (1,5)

коммуникации (2) Медиа-менеджмент (2) Моделирование кросс-медийной коммуникации (2) Введение в редактирование (2) Анализ кейсов по управлению СМИ (2) Маркетинг (2)	Современная китайская литература (2) Наука, гуманитарная наука, методология науки (4) Английский язык (4) Университетский английский язык (1) Искусство (2) Основы политологии (2) Основы экономики (2) Основы права (2) Основы социологии (2) Социологические исследования (2) Фотожурналистика (2)	Планирование карьеры (0,5) Развитие карьеры и трудоустройство (2) Предпринимательство (0,5) Интересы и хобби (0,5)
24	50	21 (10,5)
	Баланс: 24 : 50 + 10,5 (60,5) 24 : 60,5	

Из Таблицы 1 виден баланс в пользу практикующих со второго курса дисциплин гуманитарного блока: около 300 %. Это очень хороший «запас», так как соотношение по данным блокам в

практикуемых со второго курса дисциплин специальностей уже не сбалансировано (Таблица 2).

Таблица 2

Специальности	Специальные дисциплины (з. е.)	Социально-гуманитарные дисциплины (з. е.)	Специальные дисциплины социо-гуманитарного характера (з. е.)	Баланс
Журналистика <универсальная>	20	0	4 (2)	20 : 2
Аудиовизуальная журналистика	12	1	9 (4,5)	12 : 5,5
Стратегические коммуникации	16	10	2 (1)	16 : 11
Новые и социальные медиа	22	0	10 (5)	22 : 5
Итого	70	11	25 (12,5)	70 : 23,5

Из Таблицы 2 очевиден почти обратный результат в сравнении с Таблицей 1: если по общим курсам вуза число часов социально-гуманитарных дисциплин почти в три раза превышает число часов

дисциплин специальных, то в специализированных курсах вторые почти втрое превышают число первых – и это с учетом более или менее сбалансированного соотношения в рамках профиля «Стратегиче-

ские коммуникации». В «Аудиовизуальной журналистике» дисбаланс – более 200 %, в «Новых и социальных медиа» – более 400 %, на специальности «Журналистика» дисбаланс узкоспециального и социо-гуманитарного начал – 1000 %.

Такое положение вызывает известную тревогу, в связи с чем мы проанализировали опыт ряда других учреждений жур-

налистской подготовки в КНР, а также в России, где особое внимание привлёк факультет журналистики МГУ, прежде всего, в силу разнообразия подходов к исковому балансу. В Таблице 3 представлено распределение по интересующим нас блокам общефакультетских дисциплин на факультете журналистики МГУ (1 з. е. – 36 учебных часов).

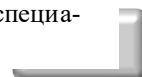
Таблица 3

Специальные дисциплины (з. е.)	Социо-гуманитарные дисциплины (з. е.)	Специальные дисциплины социо-гуманитарного характера (з. е.)
Информатика (4) Редактирование медиатекстов (4) Основы журналистики (10) Творческий практикум (5) Выпуск учебных медиа (3) Мультимедийные технологии (4)	Современное естествознание (социально-экономическая география мира) (4) Современное естествознание (антропология) (4) Социология (2) Политология (2) Правоведение (4) Иностранный язык и второй иностранный язык (20) Теория литературы (2) История России (4) Основы российской государственности (2) Русский язык и культура речи (10) Философия (4) Психология (2) Зарубежная литература (10) Русская литература (10) История зарубежной журналистики (6) История российской журналистики (6) Безопасность жизнедеятельности (2) Экономика (4)	Журналистика и общество (2) Медиасистема России (2) Профессиональная этика журналиста (2) Медиаэкономика (2) Медиасоциология (2) Зарубежные медиасистемы (2) Иностранный язык в профессиональной коммуникации (11) Реклама и связи с общественностью (2) Межфакультетские учебные курсы ¹ : «Массмедиа в зарубежных странах: особенности регионов мира» (1), «Журналистика и деловая жизнь страны» (1)
30 з. е.	98 з. е. 30 : 111,5	27 з. е. (13,5)

Здесь снова гуманитарный блок преобладает более чем в три раза, в значительной степени – за счет языков, русского и иностранных. Нам представляется это очень хорошей практикой, так как изуче-

ние любого языка эффективно формирует мышление, организует его именно в социо-гуманитарной плоскости: «Язык – дом Бытия» (М. Хайдеггер).

¹ Учреждены в 2013 г. по инициативе ректора МГУ В. А. Садовниченко и читаются ведущими специалистами в своих областях.

Из Таблицы 4 видно, что в обоих рассматриваемых учреждениях журналистской подготовки баланс специального и социо-гуманитарного начал лишь стремится к равновесию. Знаменательно, что в

российском университете объем учебной нагрузки, как и число дисциплин, значительно превосходит цифры Института журналистики Китайского народного университета.

Таблица 4

Учреждения подготовки журналистов	Объем спец. дисциплин (з. е./часы)	Объем социо-гум. дисциплин (з. е./часы)	Объем спец. дисциплин социо-гум. плана (з. е./часы)	Баланс по з. е.
Институт журналистики Китайского народного университета (1 з. е. – 16 часов)	47 / 752	17 / 272	29 (14,5) / 232	47 : 31,5
Факультет журналистики МГУ (1 з. е. – 36 часов)	71 / 2556	29 / 1044	47 (23,5) / 846	71 : 52,5

Как и в Китае, в МГУ ко второму курсу будущий журналист определяется со специализацией и, наряду с общими дисциплинами, посещает специализированные курсы. Относительно интересующего нас вопроса сбалансированности технологических и узкоспециальных дисциплин с

социо-гуманитарными, Таблица 5, равно как Таблица 3 (опыт Китайского народного университета), демонстрирует тревожащий дисбаланс, и так же в некоторых специализациях отсутствуют предметы социо-гуманитарного порядка.

Таблица 5

Специальности	Специальные дисциплины (з. е.)	Социально-гуманитарные (з. е.)	Специальные социально-гуманитарного плана (з. е.)	Итог
Цифровая периодика (20 з. е.)	12	0	8 (4)	12 : 4
Тележурналистика (20 з. е.)	11	0	9 (4,5)	11 : 4,5
Радиожурналистика (20 з. е.)	12	2	6 (3)	12 : 5
Интернет-журналистика (20 з. е.)	11	0	9 (4,5)	11 : 4,5
Медиабизнес (20 з. е.)	9	0	11 (5,5)	9 : 5,5

Дизайн СМИ (з. е.)	16	0	4 (2)	16 : 2
Реклама (20 з. е.)	10	0	10 (5)	10 : 5
Связи с общественностью (20 з. е.)	4	7	9 (4,5)	4: 11,5
Фотожурналистика (20 з. е.)	7	11	2 (1)	7 : 12
Итого:	92	20	60 (30)	92: 50

Соотношение объема внутри дисциплин специальностей также не в пользу искомого баланса. Почти в два раза прева-лирует технический и узкоспециальный слой, по ряду специальностей – почти в три раза, в «Дизайне СМИ» – в четыре ра-за. С другой стороны, как и в Китайском народном университете, баланс на обще-факультетских курсах предоставляет из-рядный «запас» знаний социо-гуманитарного порядка, но на этом в МГУ он не исчерпан.

Нам глубоко импонирует стремление руководства факультета журналистики МГУ насколько возможно конкретизиро-вать наполнение специализированных курсов. Анализируя уточненное содержа-ние специальных дисциплин, можно сде-лать заключение, что узкоспециальное начало не столь мощно довлеет над со-цио-гуманитарным, как можно судить из

общей Таблицы 4. Иными словами, рас-полагая уточненным содержанием, преподаватели могут значительно варьировать наполнение специализированных дисци-плин, в том числе – за счет социо-гуманитарной тематики. Например, спе-циальность «Интернет-журналистика» предполагает такие профессиональные составляющие, как «Новые медиа и ин-формационные войны», «Коллективные психические процессы и СМИ», «Эколо-гическая журналистика в цифровом про-странстве» и др. Напомним, что при *об-щем* раскладе дисциплин на этой специ-альности был дисбаланс около 300 %, при *уточненном* – около 30 %.

Общее число «уточняющих предме-тов» – 140; это объемнейший массив, так что приводим только соотношение тема-тики по интересующим нас блокам дис-циплин (Таблица 6).

Таблица 6

Специальности	Спец. дисц. (з. е.)	Социо-гум. дисц. (з. е.)	Спец. социо-гум. дисц. (з. е.)	Баланс
Цифровая периодика	13	5	28 (14)	13 : 19
ТВ-журналистика	20	5	26 (13)	20 : 18
Радиожурналистика	11	3	22 (11)	11 : 14
Интернет-журналистика	30	5	31 (15,5)	30 : 20,5
Дизайн СМИ	1	1	2 (1)	1 : 2
Медиабизнес	15	2	10 (5)	15 : 7
Реклама	6	2	6 (3)	6 : 5

Связи с общественностью	21	2	9 (4,5)	21 : 6,5
Фотожурналистика	5	3	15 (7,5)	5 : 10,5
Итого	122	28	149 (74,5)	122 : 102,5

Незначительный дисбаланс присутствует по специальностям «Тележурналистика» и «Реклама», на «Медиабизнесе» – около 50 %. Четыре из девяти специализаций демонстрируют превосходство социо-гуманитарного блока. Отдельно отметим казус специальности «Связи с общественностью»: если *в целом* ее наполнение демонстрировало безусловный приоритет социо-гуманитарного характера (4 : 11,5),

то *уточненное* содержание не столь оптимистично (21 : 6,5).

Студент может выбрать 1 основную специальность (20 з. е.) и одну дополнительную (14 з. е., «Мультимедийная журналистика» – 20 з. е.). Наполнение курсов дополнительных специализаций осуществляется студентом самостоятельно, исходя из списка «уточняющих предметов» (Таблица 7).

Таблица 7

Дополнительные специализации	Технологич. и узкоспец. составляющие (з. е.)	Социо-гум. составляющие (з. е.)	Спец. составляющие социо-гум. характера (з. е.)	Баланс
Мультимедийная журналистика (20)	28	5	25 (12,5)	28 : 17,5
Деловая журналистика (14)	20	2	13 (6,5)	20 : 8,5
Международная журналистика (14)	17	5	50 (25)	17 : 30
Социально-политическая журналистика (14)	22	6	21 (10,5)	22 : 16,5
Спортивная журналистика (14)	16	7	6 (3)	16 : 10
Журналистика стиля жизни (14)	9	3	12 (6)	9 : 9
Художественная культура в СМИ (14)	11	23	18 (9)	11 : 32
Тематика современной журналистики (14)	10	3	21 (10,5)	10 : 13,5
Итого	133	54	166 (83)	133 : 137

Здесь, наконец, очевиден искомый баланс «техно- / социо-», но в конечном итоге его достижение напрямую зависит

от студенческих предпочтений. В отношении факультативного дополнения основной специальности студент вправе до-

полнить свою «корзину» преимущественно технологичными предметами, либо преимущественно гуманитарными, либо интуитивно преследовать баланс. Спектр «уточняющих дисциплин» позволяет сделать первое, второе и третье. Следующая задача коллектива педагогов журфака МГУ – воспитание своих подопечных в духе того, что сегодня называют медиаэкологичностью.

Проведенный анализ Образовательных программ бакалавриата обоих учреждений журналистской подготовки позволяет подытожить, что программы их общефакультетских дисциплин создают значительный социо-гуманитарный базис, так что дальнейшее специализированное обучение теоретически не предоставляет шанса излишней технизации и «роботизации». При этом опыт факультета журналистики МГУ отличен от практики Института журналистики Китайского народного университета гораздо более углуб-

ленным подходом к конкретному наполнению специализированных дисциплин, и в этом наполнении вполне сбалансированы специальное техническое и специально-гуманитарное начала. На этом основании можно заключить, что в обучающие и образовательные практики необходимо вовлечение воспитательного компонента, что касается современной педагогики в целом.

Библиографический список

1. Беляев А. В. О подготовке журналистских кадров в современных условиях (опыт БГУ) // Журналістыка – 2024: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 26-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 80-годдзю фак. журналістыкі Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 14–15 лістап. 2024 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. В. Бяляеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2024. – С. 38–41.
2. Ян Чжи. Актуальные проблемы журналистского образования // Социосфера. 2025. № 3. С. 81–86.

© Yang Zhi, 2025

УДК 159.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФАКТОРАХ УСТОЙЧИВОСТИ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

EDN QYQFXQ

Т. С. Дорофеева
И. Г. Муленкова

*Студентка, e-mail: dorofeevat.s.95@gmail.com,
кандидат психологических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-1914-4832,
Московский институт психоанализа,
г. Москва, Россия*

THEORETICAL FOUNDATIONS OF CONCEPTS ABOUT THE FACTORS OF STABILITY IN LONG-TERM MARRIAGE RELATIONSHIPS

T. S. Dorofeeva
I. G. Mulenkova

*Student,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
Moscow, Russia*

Abstract. The article presents a theoretical review of scientific ideas about the factors that contribute to the stability of long-term marital relationships. It examines various approaches to defining marriage, including the systemic, cognitive, and humanistic approaches. The article explores the factors that contribute to the stability of long-term marital relationships within each approach, as well as within the integrative approach, which includes the properties of marriage as a system, mutual support, personal qualities of spouses, coping strategies, the experience of the parents' family, the influence of the social environment, and the interaction of these factors.

Keywords: relationships; marriage; long-term marriage; stability of marital relations; factors of stability.

Долгосрочный брак как объект психологического исследования представляет собой сложный, многомерный феномен, требующий комплексного теоретического анализа. В современной психологической науке принято рассматривать три ключевых подхода к изучению: системный, когнитивный и гуманистический.

Согласно системному подходу, получившему развитие в семейной психологии благодаря работам М. Боуэна, С. Минухина и др., брак – сложная, динамическая, саморегулирующаяся система межличностных взаимодействий, характеризующаяся уровнем дифференциации каждого из партнеров и степенью эмоциональной близости в отношениях [20]. В рамках

этого подхода брачные отношения анализируются через призму таких понятий как гомеостаз, обратная связь, границы системы и подсистем. При рассмотрении долгосрочных браков системная перспектива позволяет проследить развитие супружеской системы через различные стадии жизненного цикла семьи.

Исследования показывают, что успешные пары, прожившие несколько десятилетий, демонстрируют способность сохранять системную стабильность, одновременно адаптируясь к возрастным изменениям, социальным трансформациям и кризисным ситуациям [1].

Когнитивный подход в рамках когнитивно-поведенческой терапии А. Бека,

Дж. Янга и других авторов рассматривает брак через ментальные репрезентации и схемы, которые формируются у супругов в процессе совместной жизни [2; 3].

Центральное место в этом подходе занимает изучение атрибутивных процессов – того, как партнеры объясняют себе поведения и мотивы друг друга.

Согласно исследованиям, успешные долгосрочные браки характеризуются позитивной атрибутивной стилистикой – нейтральные или потенциально конфликтные действия партнера интерпретируются в благоприятном свете. То есть формируются когнитивные схемы – “когнитивные фильтры”, опосредующие взаимодействие в паре. Также для когнитивного подхода представляет интерес эволюция этих схем на различных этапах брака, то есть как изменяются ожидания супругов друг от друга и брачных отношений, представления о семейных ролях, обязанностях и качестве отношений по мере старения и накопления совместного опыта [4].

Гуманистический подход (А. Роджерс, К. Маслоу) рассматривает брак как пространство для взаимного личностного роста и самоактуализации супругов. Предметом интереса этого подхода являются аутентичность, эмпатия, безусловное принятие и конгруэнтность [5].

Исследования в гуманистическом подходе позволяют рассмотреть, как на протяжении десятилетий супруги сохраняют индивидуальность и при этом развивают эмоциональную и экзистенциальную близость. Важным направлением таких работ является изучение смысловых аспектов долгосрочных браков – того, как супруги осмысливают и интегрируют совместный опыт, какие ценности и смыслы извлекают из прожитых вместе лет [6].

Теоретический анализ показывает, что долгосрочный брак нельзя свести к какому-либо одному аспекту. Системная перспектива раскрывает структурно-динамические характеристики супружеских отношений, когнитивный подход

фокусируется на ментальных репрезентациях и процессах интерпретации, а гуманистический – на личностном росте и экзистенциальных аспектах длительного союза. Каждый из этих подходов позволяет взглянуть на отдельные аспекты и факторы устойчивости брачных отношений. Интеграция же позволит создать целостную теоретическую модель, объясняющую устойчивость и развитие брака на протяжении десятилетий. Поэтому тенденции современных исследований направлены на интегративный, междисциплинарный подход.

Например, работы Дж. Готтмана и коллег сочетали системное наблюдение за взаимодействиями пар с анализом их когнитивных и эмоциональных процессов. Согласно результатам, наиболее успешные долгосрочные союзы характеризуются балансом между стабильностью и адаптивностью, между общностью и автономией [3].

Психологическая архитектура успешных браков раскрывает три основных принципа: 1) взаимодополняемость личности; 2) эмоциональная взаимовыгодность; 3) общие экзистенциальные рамки. Эти элементы взаимодействуют между собой путем динамических циклов обратной связи, благодаря чему происходит создание новых свойств, выходящих за рамки их отдельных компонентов [9].

Результаты исследования Б. Риме показывают, что пары, которые активно делятся чувствами, заботами и достижениями, испытывают повышенный уровень счастья и удовлетворенности жизнью. Особенно ярко это проявляется после переживания семейных или личностных кризисов. В данном исследовании подтвердилось, что ключевым фактором, влияющим на качество отношений, является эмоциональная поддержка. Она как укрепляет доверие между партнерами, так и является копинг-стратегией при проживании кризисов, тем самым укрепляет отношения и восстанавливает их во время кризисных этапов [8].

Важно отметить, что способность партнеров к эмоциональной поддержке часто коррелирует с их индивидуальными психологическими профилями. Можно предположить, что личностные качества влияют как на способность принимать помощь партнера, так и оказывать ее. Такие результаты подчеркивают взаимосвязанную природу личностных качеств и функционирования отношений, где индивидуальные различия формируют модели коллективных отношений в непрерывном цикле обратной связи.

Семьи, в которых наблюдаются прочные межличностные связи, не только служат примерами позитивных моделей взаимоотношений, но и играют роль в развитии у детей навыков разрешения конфликтов – фактора, определяющего долговечность брака.

В 2002 Готтман и Левенсон провели исследование, которое доказало, что люди, выросшие в гармоничной семейной среде, имеют более высокий уровень способности к сопереживанию и более лояльные стратегии разрешения споров по сравнению со своими сверстниками из менее стабильных семей. Это связано с коммуникативными моделями, которые являются типичными для таких семей, где дети систематически знакомятся с конструктивными техниками выражения эмоций и механизмами достижения компромисса и постепенно усваивают их. В рамках этих семейных микросистем дети воспринимают воплощенные схемы эмоционально осмысленного взаимодействия, которые становятся паттернами реагирования в их отношениях со взрослыми.

Процесс передачи происходит в ходе повседневных взаимодействий, когда родители моделируют и закрепляют специфическое коммуникативное поведение, например, активное слушание, эмоциональную оценку и переговоры, основанные на интересах. Таким образом формируется «конфликтная компетентность» – развитая способность продуктивно справ-

ляться с неизбежными межличностными противоречиями [12; 21; 17].

Эмпирические данные показывают, что пары, чьи родители поддерживали успешный брак, имеют на 30–40 % меньшую вероятность расторжения брака по сравнению с теми, кто вырос в семьях с одним родителем или в конфликтной семейной обстановке. Это может свидетельствовать о глубинном процессе усвоения норм, при котором люди неосознанно принимают фундаментальные убеждения о браке как обязательстве на всю жизнь, требующем постоянных усилий и взаимного компромисса.

Научные исследования показывают, что у пар, имеющих активные социальные связи, уровень удовлетворенности отношениями существенно выше. Поддержка со стороны социума пары способна создать дополнительные ресурсы, которые будут направлены и использованы при необходимости, например, в случае кризисной ситуации, в частности, помочь пожилым людям чувствовать себя менее изолированными от общества и друг друга в тяжелый период [11; 14].

Еще одним фактором, влияющим на устойчивость пары, являются социальные нормы о браке. Например, в культурах, где ценятся традиции и важна роль семьи, пары могут чувствовать большее давление в поддержании своих отношений на протяжении всей своей жизни. В данном случае брак – это не просто взаимное соглашение между двумя людьми, но и, как следствие, обязательство перед более широкой социальной группой, что может служить дополнительным стимулом для сохранения стабильности в долгосрочных отношениях.

Современные исследования в области семейной психологии все чаще обращают внимание на то, как общественные установки формируют представления о распределении ролей в браке. Когда социум настаивает на жестком соблюдении традиционных гендерных моделей, это неиз-

бежно создает дополнительное давление на пары. Как показывают исследования, подобные стереотипы существенно осложняют процесс разрешения конфликтов и адаптации к стрессовым ситуациям в отношениях [10].

Совместный жизненный опыт является важнейшим фактором, определяющим стабильность брака, особенно в долгосрочных союзах. Как положительный, так и отрицательный опыт способствует формированию эмоциональной основы и степени межличностной связи между супругами. Накопленная общая история создает основу для взаимопонимания и восприятия между партнерами. [13; 18; 19].

Кроме того, общие переживания формируют определенные традиции и ритуалы в паре. Такие традиции могут включать как маленькие ежедневные ритуалы, так и крупные события. Связь, возникающая через совместные традиции, обеспечивает супругов дополнительными ресурсами для поддержания близости и понимания, что, в свою очередь, может помочь уменьшить негативное воздействие стресса и конфликтов [7; 16; 17].

На основе негативных воспоминаний пары вырабатывают общие стратегии преодоления конфликтов. Например, совместные обсуждения трудных ситуаций, рефлексии и анализ причин возникновения проблем помогают им находить выход, что, в свою очередь, может привести к лучшему пониманию и поддержанию долгосрочных отношений [14].

В заключение следует отметить то, что общий жизненный опыт, который включает в себя положительные и отрицательные моменты, является основой для того, чтобы установить прочные супружеские узы на долгие годы, о чем свидетельствуют результаты недавних исследований [15].

Можно сделать вывод о том, что для рассмотрения факторов устойчивости долгосрочных брачных отношений необходим интегративный подход, позволяющий отметить как внутриличностные характеристики, так и особенности межлич-

ностного взаимодействия супругов, а также влияние на них внешней среды.

Библиографический список

1. Аккерман, Н. Теория семейной динамики [Текст] / Н. Аккерман // Семейная хрестоматия / сост. Э. Эйдемиллер, Н. Александрова, В. Юстицкис. – СПб., 2000. – С. 70–76.
2. Алексеева, В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности [Текст] / В. Г. Алексеева // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5, № 5. – С. 63–70.
3. Алешина, Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование [Текст] / Ю. Е. Алешина. – 2-е изд. – М., 2002. – 208 с.
4. Андреева, Т. В. Мужской взгляд на брак: исследование сотрудников охранных структур [Текст] / Т. В. Андреева, Ю. А. Шмотченко // Психология семьи : сб. статей / под ред. Л. А. Цветковой. – СПб., 2007. – С. 14–15.
5. Андреева, Т. В. Психология современной семьи [Текст] / Т. В. Андреева. – СПб. : Речь, 2005. – 280 с.
6. Аргайл, М. Влияние взаимоотношений на счастье и удовлетворенность [Текст] / М. Аргайл // Психология семьи : хрестоматия / под ред. Д. Я. Райгородского. – Самара, 2002. – С. 384–401.
7. Аргентова, Т. Е. Сравнительное исследование проблем во взаимоотношениях супругов [Текст] / Т. Е. Аргентова, Н.Н. Лидовская // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С. 132–136.
8. Васягина, Н. Н. Структурная организация самосознания матери [Текст] / Н. Н. Васягина. – Екатеринбург, 2007. – 216 с.
9. Васягина, Н. Н. К вопросу о семейном самосознании [Текст] / Н. Н. Васягина, К. В. Адушкина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2009. – № 7. – С. 32–35.
10. Дубровин, М. И. Современный англо-русский / русско-английский словарь [Текст] / М. И. Дубровин. – М. : Оникс, 2011. – 992 с.
11. Котельникова, Ю. С. Удовлетворенность брачно-семейными отношениями в молодых семьях [Текст] / Ю. С. Котельникова // Social psychology. – 2017. – № 6. – С. 181–191.
12. Малолеткина, И. А. Устойчивость брачных отношений: основные задачи [Текст] / И. А. Малолеткина // Вестник науки. – 2019. – № 12. – С. 862–869.
13. Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? [Текст]. – М. : Институт социологии РАН, 2008. – 34 с.
14. Парван И. Взаимосвязь ролевых функций и психологических проекций развития отношений супругов в контексте их влияния на фор-

- мирование «сценариев» брака [Текст] / И. Парван // Psihologie. Pedagogie speciala. Asistenta sociala. – 2019. – №4 (57). – С. 1–10.
15. Психология самосознания [Текст] : хрестоматия. – Самара : БАХРАХ-М, 2003. – 672 с.
16. Рамендик, Д. М. Общая психология и психологический практикум [Текст] / Д. М. Рамендик. – М. : Форум, 2016. – 304 с.
17. Свадьбина, Т. В. Современная семья: методология, проблемы, перспективы : монография [Текст] / Т. В. Свадьбина, А. Б. Любимова. – Нижний Новгород : НГПУ, 2017. – 211 с.
18. Синельников, А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? [Текст] / А. Б. Синельников // Социологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 95–113.
19. Сохань, Л. Жизненное пространство и жизненный мир личности [Текст] / Л. Сохань, И. Каменева // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 1. – С. 190–201.
20. Хамитова И. Ю. Работа с парой в рамках теории семейных систем Мюррея Боуэна [Текст] // Психология семейных отношений и сексуальности. – М., 2010.
21. Хоментаскас, Г. Семья глазами ребенка [Текст] / Г. Хоментаскас. – М. : Рама Паблицинг, 2010. – 240 с.

© Дорофеева Т. С., Муленкова И. Г., 2025

УДК 159.99

О ВОЗМОЖНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ ХАРАКТЕРИСТИК ИНТЕЛЛЕКТА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

EDN QYUKPI

Е. В. Звонова

А. М. Коростылева

А. Г. Петрова

Д. А. Балугян

*Доктор психологических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru
Московский университет
имени А. С. Грибоедова, г. Москва,
студенты, e-mail: sdexifrix@gmail.com,
e-mail: Alya.petrova.2005@inbox.ru,
e-mail: dmitry.balugyan@mail.ru,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия*

ON POSSIBLE RELATIONSHIPS BETWEEN THE INTELLECTUAL CHARACTERISTICS OF MEN AND WOMEN

E. V. Zvonova

A. M. Korostyleva

A. G. Petrova

D. A. Balugyan

*Doctor of Psychology, Associate Professor,
A. S. Griboyedov Moscow State University,
Students,
Russian State Social University,
Moscow, Russia*

Abstract. The purpose of this study was to assess the presence of a significant statistical relationship between intelligence characteristics in male and female students, as well as to compare groups by gender. The results suggest that gender was not a significant predictor of the studied indicators in this sample. Forming subgroups based on performance indicators may yield more interesting results.

Keywords: intelligence; gender differences in intelligence characteristics; cognitive abilities; emotional intelligence; correlation analysis; sample; performance indicators.

В практических разработках современных психологов большое внимание уделяется вопросам исследования интеллекта как важного условия выполнения определенных практических задач. В настоящее время данный интерес подогревается проблемами моделирования искусственного интеллекта, который сможет решать также творческие задачи и задачи выбора. Данный аспект фокусируется на пока ограниченных возможностях включения в модель интеллекта характеристик эмоционального интеллекта, который рассматривается как базовое условие творческого процесса.

Необходимо указать на то, что в определенный период исследователи потенциальных возможностей людей с высоким уровнем эмоционального интеллекта бы-

ли склонны преувеличивать его значение. Как и в ранее проведенных исследованиях просматривалась тенденция рассматривать наличие высокого уровня EQ потенциальный ресурс успешности деятельности в любой сфере.

Не обращая внимания даже на величины выборки и контекст исследований, исследователи утверждали, что EQ лучше предсказывает успех, чем коэффициент интеллекта (IQ) или технические навыки [4]. Люди с высоким EQ концентрируются на позитиве, слушают, прежде чем принимать решения, признают ошибки, проявляют эмпатию и умеют адекватно справляться с негативными эмоциями [3].

В последние годы установилась более взвешенная позиция, которая рассматривает эмоциональный интеллект не как изна-

чальное условие, а результат большой внутренней работы по развитию рефлексии и самосознанию. Анализ собственных действий и полученных результатов при взаимодействии с людьми позволяет выработать эффективную стратегию взаимодействия с окружающими, что в свою очередь способствует развитию социальной осознанности. Социальная осознанность, как важный компонент EQ – это широкое допущение наличия других мнений, позиций, взглядов, признания наличия не только обще принятой точки зрения и оценки любого явления, но и внимание к наличию уникальности и допустимости иной картины мира. Именно такая толерантность и внимание к иному, не соответствующему собственным убеждениям и целям по мнению современных практиков и является психологическим механизмом взаимодействия с другими людьми [5].

В русскоязычной интерпретации, спровоцированной прямолинейным, плоским переводом «управление эмоциями» сбивает с толку уже не одно поколение молодых ученых и опытных практиков в области человеческого капитала. Эмоции порождаются нейрофизиологическими изменениями, которые отражаются в переживании и оценке различных явлений. Эмоции окрашивают и определяют (разной степенью удовольствия или неудовольствия) формы поведения субъекта. Вы можете управлять поведенческими реакциями, однако, способность влияния на работу собственного организма и сознания в целом путем целенаправленного менеджмента выглядит по меньшей мере самонадеянно, как некое созвездие уoga skills.

В настоящее время, анализируя массы данных, полученных как в целенаправленных экспериментальных исследованиях, так и в обширной практике, необходимо отметить бесплодность попыток противопоставления IQ и EQ (как и любого иного «интеллекта»). Содержательный анализ эффективно начинать с анализа

той модели «интеллекта», который рассматривается в конкретном случае. Функционирование любого вида так называемого «интеллекта» (эмоционального, социального, адаптивного и иного) опирается на базовый костяк познавательных операций, которые составляют суть IQ.

Например, эмоциональное отношение является результатом оценки отношения и значимости рассматриваемого объекта или процесса по отношению к субъекту [2]. Переживаемые эмоции обусловлены внутренними потребностями и мотивами, и генерируются понимаемыми характеристиками внешней ситуации.

Хотя изучению интеллекта человека и его составляющих имеет довольно обширную историю развития, остаются вопросы соотношения характеристик интеллекта представителей разных групп.

В нашем исследовании решался вопрос, есть ли значимая статистическая связь между характеристиками интеллекта у студентов мужского и женского пола, а также наблюдается ли статистически значимая разница между показателями групп, разделенных по гендерному признаку.

В исследовании приняли участие 40 человек, возраст от 18 до 21 года, из них 20 студенток женского пола ($\bar{x}=19,2$; $S=1,05$) и 20 студентов мужского пола ($\bar{x}=19,35$; $S=1,26$).

В качестве диагностического инструментария были использованы тест, разработанный Г. Ю. Айзенком и адаптированный Ф. Д. Горбовым и тест эмоционального интеллекта ЭМИн (Д. В. Люсин). Статистический анализ проводился с помощью коэффициента корреляции ранговой корреляции Спирмена (r -Спирмена), наличие статистически значимой разницы между результатами групп устанавливалось с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Были получены следующие результаты.

В группе студенток-женщин, коэффициент корреляции Спирмена $r_s = 0.37$ не достигает статистической значимости,

при критических значениях 0,45 ($p \leq 0,05$) и 0,57 ($p \leq 0,01$)

В группе студентов-мужчин коэффициент корреляции $r_s = -0.178$ не достигает статистической значимости при критических значениях 0,45 ($p \leq 0,05$) и 0,57 ($p \leq 0,01$), однако имеет отрицательное значение.

Сравнительный анализ между показателями уровня интеллекта IQ мужчин и женщин с помощью U-критерия Манна-Уитни показал, что $U_{\text{Эмп}} = 116$ находится в зоне неопределенности, при $U_{\text{Кр}} = 114$ ($p \leq 0.01$); $U_{\text{Кр}} = 138$ ($p \leq 0.05$).

Сравнительный анализ между показателями уровня эмоционального интеллекта между студентами-мужчинами и студентками-женщинами показал $U_{\text{Эмп}} = 147.5$ (находится в зоне незначимости), при $U_{\text{Кр}} = 107$ ($p \leq 0.01$); $U_{\text{Кр}} = 130$ ($p \leq 0.05$).

Полученные результаты позволяют сделать предварительный вывод о том, что в данной небольшой выборке студентов разных полов не зафиксированы статистические связи между показателями IQ и эмоционального интеллекта. Хотя стоит обратить внимание на тенденцию – в группе студентов-мужчин характер соотношений имеет отрицательный показатель. Не выделены также статистически значимая корреляция между показателями IQ и EQ. Можно предположить, что пол не выступил значимой характеристикой. Думаем, что более интересные показатели

будут получены нами в условиях формирования подгрупп выборки по показателям успешной деятельности [1]. Кроме этого, хотя на уровне теоретического моделирования познавательные операции, которые составляют основу IQ, выступают как основа функционирования эмоционального интеллекта, однако, статистически значимая корреляционная зависимость получена не была.

Библиографический список

1. Звонова Е. В., Шакирова Р. Н. Характеристики интеллекта и оценка эффективности участников переговорного процесса // Антропологическая дидактика и воспитание. 2025. Т. 8. № 4. С. 28–44.
2. Корчагина М. В., Гудкова А. И. Развитие эмоционального интеллекта у будущих педагогов профессионального обучения // Социосфера. 2024. № 3. С. 110–112.
3. Cherry K. 7 habits of emotionally intelligent people. Very Well Mind. 2022. <https://www.verywellmind.com/the-7-habits-of-emotionally-intelligent-people-2795431>
4. Feist G., Barron F. Emotional intelligence and academic intelligence in career and life success. Annual Convention of the American Psychological Society 1996, San Francisco, CA. 10 p. <https://www.lindenwood.edu/files/resources/emotional-intelligence-and-academic-success-a-conc.pdf>
5. Safer D. A. IQ vs EQ for Career Success // Eye on Psi Chi. 2023. Vol. 2. N 1 <https://doi.org/10.24839/2164-9812.Eye28.1.12>

© Звонова Е. В., Коростылева А. М., Петрова А. Г., Балугян Д. А., 2025

УДК 159.99

**БЕЗДЕТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ:
ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ. ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА**

EDN RYSDJH

Е. В. Мартынова

*Кандидат психологических наук, доцент,
ORCID 0009-0008-3913-0677,
e-mail: martlena@mail.ru,
Московский институт психоанализ,
директор,
Высшая Школа психологического
консультирования,
г. Москва, Россия*

**CHILDLESSNESS IN THE MODERN FAMILY:
CAUSES AND EFFECTS. THE PSYCHOLOGIST'S VIEW****E. V. Martynova**

*PhD, Associate Professor,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
Director,
Higher School of Psychological Counseling,
Moscow, Russia*

Abstract. The article discusses the types of childlessness, their causes and consequences. Two models of building a modern Russian family are identified and described. The author substantiates the dichotomy of childlessness by choice and circumstances, in which 4 types of childlessness of Russian women are considered. A typology of consciously childless people is proposed. 6 types of childfree and the ideological basis of voluntary childlessness are described.

Keywords: childlessness; family building models; causes of childlessness; childlessness by choice; childlessness by circumstances; childfree.

Начнем со статистики – честной и очень тревожной. В 2010 году Всероссийская перепись населения показала, что каждая шестая российская семья в самом подходящем для рождения детей возрасте (30–34 года) бездетна. В 2018 году по опросу ВЦИОМ оказалось, что 6 % россиян добровольно отказываются от рождения детей. А в 2005 году таких людей практически не было. В 2020 году аналитический центр НАФИ отметил, что 46 % россиян от 18 до 45 лет не хотят заводить детей из-за нежелания или неустойчивого материального положения. В эту группу вошли и те, у кого уже на тот момент были дети. Опросы последних лет показывают устойчивый рост количества людей, выбирающих добровольную бездетность: в 2015 году – 5 %; в 2017 году – 10 %; в 2020 году – 22 %!

Однако еще в 90-х годах XX века российские демографы отмечали, что добровольная бездетность в России в отличие от западных стран не была распространена. В среднем около 6–7 % женщин в каждом поколении оставались бездетными, и около 60 % бездетных женщин никогда не состояли в браке. Пятнадцать российских женщин из ста, наших современниц, в течение репродуктивного периода своей жизни по разным причинам так и не стали матерями.

Считается, что бездетность существовала во все исторические периоды и всегда была тесно связана с брачностью. Демограф А. Г. Вишневский [2] называет неизменным и «святым» традиционное триединство матримониального (брачного), сексуального и прокреативного (связанного с рождаемостью) поведения в ис-

тории как России, так и других стран. Это единство означало, что человек, не вступивший в брак, с высокой долей вероятности оставался бездетным. Для России конца 19 века характерна практически всеобщая брачность. Но уже в первой половине XX века это положение стало меняться. В нашу страну «проник» и закрепился «европейский» тип брачности, отличительные черты которого – позднее вступление в брак и значительная доля лиц, никогда не состоящих в браке.

Европейский тип брачности распространен географически: если провести по территории Европы линию, соединяющую Санкт-Петербург и Триест (Италия), не строго по прямой, то к западу от этой линии находятся страны с европейским типом брачности: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия и др. К востоку от неё находятся страны с другим типом брачности – Венгрия, Румыния, Болгария, Сербия, Россия, Белоруссия, Украина и др. Эта линия, открытая в 1965 году, получила название по имени автора – линия Хаджнала [14]. Она разделила Европу не только по типам брачности, уровню заселенности, но и по многим другим культурным, историческим, общественным, социальным и семейным традициям. Эта линия исторически «делит» Европу на два общества, между которыми существует множество различий, среди которых возраст вступления в брак и деторождения, раскол католицизма и православия, способы передачи наследства, семейные традиции, мировоззрение, общественные идеи и, разумеется, ценности.

Существует точка зрения, что европейский тип брачности не просто проник через линию Хаджнала на восточную по отношению к ней территорию, но и уверенно на ней закрепляется. В каждом последующем поколении среднее число детей, рождаемых женщиной за всю ее жизнь, неуклонно уменьшается. Медленно, но стабильно увеличивается доля женщин, не родивших за свою жизнь ни одного ребенка [13].

В России в каждой десятой семье женщин, родившихся в конце 50х годов, нет детей. Доля окончательно бездетных за период с 1999 по 2009 гг. составила 17 %. Однако биологическое бесплодие женщин в России варьирует от 1,9 до 4–5 %. Значит проблема бездетности имеет не медицинский, а социально-психологический характер [4].

Отсутствие супруга или партнера является ведущей причиной бездетности. По статистике 43 % мужчин, не имеющих детей, никогда не были в отношениях в паре. Среди женщин, не имеющих детей, 35 % никогда не были в отношениях в паре. Второй серьезной причиной бездетности является позднее вступление в первый брак – после 30–35 лет [4]. Отсутствие полной семьи, построенной в соответствии с ожиданиями женщины, часто делает материнство невозможным!

Изучение современной российской семьи позволило выделить две модели построения семьи: традиционную и гибкую [4]. Первая модель – «традиционная» – связана с ранним вступлением в официальный брак и последующим рождением детей. Все возрастные этапы в рамках этой модели строго определены и ограничены по времени: когда нужно выйти замуж / жениться; когда родить первенца, когда второго ребенка. Если человек не укладывается в возрастные этапы этой модели, он определяется близкими как «опаздывающий». Это заставляет родителей волноваться о семейном проекте их детей, стимулировать их поведение на брачном рынке, знакомить с потенциальными избранниками. Жизненные проблемы для людей, придерживающихся данной модели, заключаются в том, что опоздание в их представлении может стать необратимым. Тогда человек решает, что многое для него уже поздно, и отказывается от отношений, от брака и семьи, от рождения детей.

Вторая модель – «гибкая» – менее формализована. Она допускает гражданский брак, сожительство, случайные ро-

маны, расширяет возрастные границы для рождения первого ребенка, приоритет построения карьеры перед деторождением. В этой модели и последовательность этапов, и их временные границы не жестки и не ограничены во времени. Однако, несмотря на «гибкость», построение семьи и рождение детей в этой модели тоже должны быть реализованы.

Существует несколько факторов, которые способны помешать человеку создать семью и иметь детей. Во-первых, это отсутствие раннего опыта дружеских и романтических отношений с другим полом. Во-вторых, невозможность или неумение создать пару. В-третьих, если жизненный путь человека по каким-то причинам отклоняется от той модели построения семьи, которой он осознанно или неосознанно придерживается, то вероятность отсутствия пары и бездетности для таких людей значительно повышается. Эти модели достаточно устойчивы и не подлежат быстрой переоценке.

Репродуктивное поведение человека – это настоящий конгломерат установок, ценностей, смыслов, целей, чувств, жизненного опыта, случайных и неслучайных событий, особенностей характера и индивидуальности, силы духа и мировоззрения, культуры и философии, отношений и, конечно, любви. Он и определяет, какой жизненный путь выберет тот или иной человек, какие решения будет принимать, что будет откладывать, с каким выбором в конце концов останется.

Изучая жизненные пути бездетных женщин в нашей стране, социологи подтвердили два основных типа бездетности: бездетность сознательную и непреднамеренную [5]. Эти два типа были описаны в 2006 году австралийскими социологами Кармайклом и Уиттакер и названы «бездетностью по выбору» и «бездетностью по обстоятельствам» [18]. Предложенная дихотомия «выбор/обстоятельства» многими признается фундаментальной. Важно также обратить внимание на то, что,

когда речь идет о паре или семье, выбор одного супруга может стать обстоятельствами для другого.

Кармайкл и Уиттакер называют основные причины, определяющие бездетность по выбору и по обстоятельствам. К первой группе относятся

- нежелание изменять образ жизни в связи с появлением детей;
- отвержение материнства как «естественной, инстинктивной роли в жизни женщины»;
- эгоизм как предпочтение собственных интересов интересам окружающих, и эгоистичность как особое отношение личности к миру, характеризующееся сосредоточенностью исключительно на своем «я», саморазвитии и самосовершенствовании;
- уверенность в том, что стать хорошим родителем не получится из-за своего травматичного детского опыта или эгоизма;
- умение быть в родительской роли, например, по роду деятельности (учительница, няня, воспитательница, тетя, дядя), но нежелание её выполнять постоянно, особенно у себя дома;
- склонность бездетных людей относиться к домашним животным как к суррогатным детям и предпочитать домашних животных;
- наконец, забота об окружающей среде и состоянии мира.

Ко второй группе бездетности по обстоятельствам, прежде всего, относятся сложности женщин с поиском подходящего партнера, который мог бы быть мужем, хотеть детей и стать хорошим родителем. Другая причина – поглощенность карьерой, в которой мысли о родительстве все время откладываются. Важную роль в процессе принятия женщиной решения о рождении ребенка играет мужчина. Его стремление к свободе, финансовой обеспеченности и нежелание обременять себя ответственностью за семью, делает его бездетным по выбору. Такой мужчина,

становясь партнером или супругом, превращает свою женщину в бездетную по обстоятельствам.

Опираясь на эту дихотомию, отечественные социологи Вероника Дюпра-Куштанина и Светлана Лутошкина выделили у россиянок 4 типа бездетности: *холостяцкую бездетность, модель «пожертвованного ребенка», бездетность под давлением партнера и гедонистическую бездетность* [5]. Авторы определяют их как типы жизненного пути и обращают внимание на интересный факт. Одна часть бездетных женщин рассказывает о своей жизни в режиме полной ответственности – интернального локуса контроля: «я решила», «я не смогла», «я не захотела». Другая же группа включает в описание своей жизни значимых для себя других людей – супруга, партнера, родителей, близких родственников: «он не хотел», «я не могла бросить больную мать», «мне надо было ухаживать за больным братом». Такие люди, один или несколько, упоминаются как те, кто оказал решающее влияние на жизненные намерения и выбор женщины, т. е. женщины описывают сложившуюся ситуацию из экстернального локуса контроля. Таким образом, в отечественной типологии бездетности выделяют два измерения: сознательная / непреднамеренная (по выбору / по обстоятельствам) и принятие решения самостоятельно/решение под давлением значимых других.

Смысл и причины холостяцкой бездетности лежат на поверхности – это отсутствие партнера. Как правило, такой образ жизни становится следствием невозможности полюбить мужчину, встретить подходящего партнера, вступить в брак, вообще найти человека, с которым захочется создать семью и родить детей. Эта бездетность носит непреднамеренный характер. Социологи обнаружили, что в сценариях жизненного пути холостяцкой бездетности имеют значение два фактора: отсутствие раннего опыта близких отношений и неимение подходящего партнера именно в том возрасте, который является наиболее

благоприятным для создания семьи и рождения детей.

Исследователи замечают, что во всех интервью, обозначаемых как «холостяцкая бездетность», в рассказах респонденток присутствует образ судьбы. На вопросы о семье и детях женщины обычно отвечают в безличной форме: «Не получилось», «Не сложилось». Это значит, что ответственность за собственную бездетность женщина на себя не берет – виновата жизнь. Нет в подобных ситуациях ни самостоятельного принятого решения, ни давления со стороны окружающих. Налицо новый фактор, психологический – жизненная пассивность, склонность плыть по течению, невозможность противостоять ударам судьбы, идти наперекор событиям, самой строить собственную жизнь. И хотя среди этих женщин нет тех, кто был бы против того, чтобы стать матерью, они покорно и смиренно принимают сложившиеся обстоятельства.

Второй тип бездетности получил название «модель жертвованного ребенка». С начала XXI века французские исследователи стали использовать этот термин при описании жизненного пути людей, которые по мере взросления не покидают родителей, а остаются по ряду причин в родительской семье, пренебрегая или жертвуя при этом собственной личной жизнью. Отказ от рождения детей в этой модели выглядит как частично осознанный выбор, сделанный под влиянием сложившихся семейных обстоятельств. Среди них болезни, инвалидность кого-то из членов семьи, их одиночество или сложные судьбы, старость родителей или очень сильная к ним привязанность.

Исследователи отмечают, что во всех случаях бездетности можно обнаружить ситуацию замещения: люди, реализуя свою потребность в заботе, опекают племянников, детей родственников, животных. Но по большей части это нисходящие трансферы. Когда помощь и поддержка направляются в сторону младшего поколения, трансферы традиционно считаются

правильными. В модели «пожертвованного ребенка» помощь и забота направляются в сторону старшего поколения, в то время как младшего поколения нет вовсе.

Третий тип бездетности называется «бездетностью под давлением партнера». Если супруг или партнер отрицательно относится к родительству и к детям вообще, он может оказывать давление на супругу или партнершу в момент принятия решения о беременности или аборте, в ходе обсуждения репродуктивных планов семьи. Такой тип бездетности встречается и у мужчин, если женщина не хочет быть матерью вовсе или матерью детей конкретного мужчины. Кстати, демографы и социологи утверждают, что окончательное решение о детях и их количестве всегда принимает женщина.

Такие семьи имеют отличительную особенность: супружеские пары сосредоточены на собственных взаимоотношениях и представляют собой «самодостаточные замкнутые на себе системы» [5]. Как правило, это дружные и крепкие союзы, основная цель которых укреплять и поддерживать отношения друг с другом. Смысл имеют только отношения, и только во взаимоотношениях партнеры могут самореализовываться. Так как в этом случае система замкнута на самой себе, ни друзья, ни подруги супругам не нужны. Все потребности они могут удовлетворить в своей паре. Большую часть времени они проводят вместе и в других людях не нуждаются. Сильная сосредоточенность на партнере и отношениях с ним не оставляет места в паре или семье для вхождения других, в том числе и совместных детей. Канадское исследование 2003 года Д. Холла показало, что такие пары характеризуются пониженным уровнем рождаемости [5].

Четвертый тип бездетности получил название гедонистический. Такая бездетность объединяет разных людей, основным посылом которых оказалась идея об обеспечении себе «нормального», «до-

стойного» образа жизни. Интересно, что речь идет не о роскоши и не о значительном богатстве, а о страхе перед нищетой или бедностью, о нежелании терпеть дискомфорт и иметь личное пространство, о разнообразии жизненных занятий, реализации и развитии способностей. И главное – о нежелании жертвовать чем-либо ради других, в том числе собственных детей. Этот тип бездетности всегда заявляется людьми как осознанный выбор, связанный с отсутствием желания иметь детей. Ориентация на собственный комфорт определяется как стратегия жизни и ведущая жизненная ценность. Это люди, свободные от детей. Чайлдфри. Женщины – чайлдфри больше всего пекутся о собственном здоровье, избегании рисков, связанных с рождением и воспитанием ребенка, о финансовой независимости, о саморазвитии и повседневной стабильности. Среди ценностей мужчин – саморазвитие, профессиональная деятельность, карьерный рост, повседневный комфорт, общение с друзьями. Дети же вообще не являются ценностью, они отвергаются со всеми сопутствующими проблемами, а родительство обесценивается.

Многие исследователи [3] выделяют среди осознанно бездетных несколько различных групп в зависимости от смысловой направленности их установок. Например, социолог И. В. Ломакин, изучая феномен чайлдфри, обращает внимание на различия в понимании этого термина самими бездетными людьми [9]. Так среди осознанно бездетных можно выделить шесть подгрупп в зависимости от смысловой направленности их установок. Первые – те, кто называют себя **чайлдфри**, не просто не хотят детей; они объединены с другими, не желающими иметь детей. Это ощущение собственной принадлежности к сообществу таких же, как они, помогающее справляться со страхом отвержения со стороны общества, получать поддержку в ситуациях противостояния с выбирающими родительство, выдержи-

вать психологическое давление и даже преодолевать соблазны стать родителем. Именно эти темы активно обсуждаются в интернет-сообществах чайлдфри.

Эмоционально обусловленная бездетность имеет в своей основе комплекс внутренних неразрешенных проблем, конфликтов и противоречий. За подобным решением может стоять обида на родителей, обостренное чувство несправедливости, детские психологические травмы, по-настоящему тяжелое детство. Такое поведение представляет собой не что иное, как контрзависимость. Подобный отказ от родительства характерен для выходцев из малообеспеченных многодетных семей, выросших в постоянном дефиците питания, одежды, родительской любви. К этой позиции также может привести утомление и раздражение от многолетнего детского опыта заботы о младших братьях или сестрах. В эмоциональной глубине такой личности обнаруживается инфантильность, нежелание взрослеть, гнев на родительскую семью за перекладывание ответственности на детей, усталость от раннего опыта взрослости. Эмоционально обусловленная бездетность представляет собой проявление женщинами личностной беспомощности. Такие женщины не готовы к рождению и воспитанию детей [7].

Совсем другими людьми представляются те, чье решение о бездетности носит **рационально обусловленный** характер. Такой выбор видится взвешенным, зрелым решением, опирается на определенные установки и личностную позицию. В его основе лежат эгоцентричные, гедонистические, потребительские «ценности». Эти женщины предпочитают материнству карьеру, путешествия, увлечения и самореализацию. Их устоявшаяся жизнь удобна и комфортна. Менять её, вносить в неё то, что будет мешать, раздражать, злить, они не хотят и не будут. Такой же рациональный, осознанный выбор лежит в основе стремления сохранить отношения с мужчиной, не желающим иметь детей. Подобных женщин характеризует превос-

ходство, влияние, ориентация на межличностное взаимодействие, общая компетентность в социальных взаимоотношениях. Многие из них обладают потенциалом к высоким интеллектуальным и профессиональным достижениям. Чем дольше и выше поднимается по лестнице своей карьеры женщина, чем дороже стоит её рабочий час, тем выше вероятность того, что она останется бездетной [6].

Группа **обещанно бездетных** – это люди, декларирующие одни установки, например, о выборе бездетности, а на деле где-то в глубинах личности предполагающие, что могут в своей жизни стать родителями хотя бы одного ребенка. В основе этой бездетности лежит внутриличностный конфликт. Вроде бы человек не хочет детей, даже не собирается их заводить, но предполагает, что жизнь непредсказуема и нет никаких гарантий, что однажды он не захочет ребенка.

Гораздо сложнее отношения с детьми у другой группы – у тех, кто уже имеет детей, но, говоря о количестве желаемых детей, называет цифру ноль. Перед нами неохотные родители, **бездетность** которых следует назвать **утраченной**. В её основе лежит сильнейшее разочарование в родительской роли, непреходящая усталость, непреодолимые жизненные трудности. Всему виной хронический родительский стресс. Отечественные и зарубежные исследователи все чаще говорят о родительстве как источнике стресса и причине дезадаптивных психических состояний [12].

Исследователям удалось выявить несколько групп факторов, способствующих стрессогенности родительской роли [11]. Первый фактор связан со стрессорами, исходящими от ребенка. Это, прежде всего, проблемы со здоровьем, частые болезни, отклонения и задержки в развитии, «трудный» темперамент и проблемы поведения – капризы, нытье, негативная эмоциональность младенца. Влияние на количество родительского стресса могут также оказывать пол и возраст ребенка.

Вторая группа стрессоров определяется характеристиками родителя. Среди личностных особенностей матерей, связанных с высоким уровнем родительского стресса, прежде всего выделяют нейротизм и проблемы психического здоровья, среди которых значимое место занимает материнская депрессия. Под нейротизмом в психологии понимают такие личностные черты, как склонность к негативным эмоциям, уязвимость к стрессовым ситуациям, трудности в адаптации к негативным жизненным стрессорам. В поведении и переживаниях нейротизм проявляется в виде повышенной тревожности, раздражительности и беспокойстве, в восприятии обычных повседневных ситуаций как угрожающих и непреодолимых, в виде пессимистического настроения и негативных переживаний, пониженной самооценки, постоянном чувстве вины, эмоциональной неустойчивости и склонности к вспышкам раздражительности. Разумеется, нейротизм в характере женщины будет фактором, усиливающим все трудности материнства и катастрофизирующим разнообразные ситуации взаимодействия с ребенком. Кроме того, на стрессогенность родительства оказывают влияние разнообразные социально-демографические характеристики: возраст, образование, финансовое и семейное положение, а также профессиональная занятость.

Третьим фактором, детерминирующим родительский стресс, оказалось количество и качество поддержки матери и отца со стороны близких – отношения с супругом, с бабушками и дедушками, с друзьями и подругами, социальная поддержка в целом. Обнаружилось, что поддержка матери в первые годы жизни ребенка является важнейшим ресурсом для профилактики родительского стресса. Наоборот, негативный детский опыт, пренебрежительное и жестокое обращение в детстве, низкий уровень удовлетворенности браком и низкий уровень социальной поддержки со стороны родителей, родственников, дру-

зей и социальных служб способствуют усилению родительского стресса матерей детей раннего возраста, а значит эмоциональному выгоранию и разочарованию в своем решении стать матерью.

Наконец, последняя группа бездетных – **детоненавистники**. Их характеризует активная агрессия по отношению ко всему, что связано с детьми. Второе чувство, которого не скрывают детоненавистники, – отвращение к самим детям и всем процессам деторождения. Бывают сложные случаи, когда человек переживает по отношению к детям гнев и отвращение одновременно.

По статистике около 70 % чайлдхейтеров не достигли возраста 21 года. Чаще это школьники и студенты, которые с юношеским максимализмом отстаивают свою позицию из-за желания эпатировать публику и собственного негативного опыта [15]. Агрессия чайлдхейтеров может быть направлена не столько на детей, сколько на демонстративные проявления нарочитой любви к детишкам со стороны матерей. Гнев у подростков и молодежи вызывает сюсюканье, демонстративные проявления материнства, умышленное привлечение внимания к себе и своему ребенку, требование к себе особого отношения из-за наличия ребенка. Однако замечено, что чайлдхейт – явление временное, преходящее, проявляющееся в основном на просторах интернета [17].

Гораздо сложнее выглядит чувство безглизности и отвращения, возникающее к детям, их запаху, всем процессам, сопровождающим появление детей, к заботе и уходу за ними. Если человек испытывает отвращение ко всему, что связано с детьми, и по этой причине отказывается от родительства, то такую **бездетность** следует считать **идиосинкратической**. Под идиосинкразией в психологии понимают субъективное переживание отвращения к каким-либо стимулам из внешней среды. Среди психологических причин этого типа бездетности следует назвать

высокую чувствительность к отвращению, неприязнь к беременности и детям со стороны партнера женщины, отвращение к чужому, а также психопатологические синдромы отказа от материнства [1; 8; 10].

Анализируя эти высказывания, социологи и психологи заметили, что эти типы не являются взаимоисключающими. Бездетность одной и той же женщины может быть одновременно и из-за отсутствия партнера, т.е. по обстоятельствам, и рационально обусловленной, т.е. в связи с карьерным ростом и нежеланием ничего менять в своей жизни. Или модель пожертвованного ребенка может сочетаться с идиосинкратической бездетностью. Словом, на самом деле бездетность представляет собой совершенно отдельное явление, требующее глубокого и комплексного изучения со стороны разных наук: социологии и психологии, аксиологии и культурологии, философии и педагогики.

В идеологическую основу добровольной бездетности положена философия либерализма. Ярким доказательством этой идеологии стала теория постматериальных ценностей Р. Инглхарта [16]. В своей теории Инглхарт провозглашает такие постматериальные ценности, как жизненная мудрость, равенство, внутренняя гармония, комфортная жизнь, уважение, любовь, надежная семья, счастье, удовольствие, свобода, красота, мир во всем мире. Он выделяет и постматериальные потребности, среди которых лидерство, самоутверждение, самовыражение, признание, творческая самореализация. Эти потребности актуализируются, когда человек перестает задумываться о пропитании. Однако даже при поверхностном взгляде на два этих списка мы обнаруживаем между ними конфликт. Если постматериальные ценности имеют отчётливую «ориентацию на мир», то постматериальные потребности направлены, прежде всего, на самого человека – «ориентация на себя». Это явление получило название «ценностный реверс», т.е. обратная сторона медали. Переориентация на собственные потреб-

ности приводит к снижению рождаемости и добровольной бездетности.

Действительно, человек в постиндустриальном обществе придает такое огромное значение ценности самореализации, что саморазвитие и построение карьеры затмевают собой простые человеческие желания – создание семьи и рождение детей. Деторождение откладывается до тех времен, когда человеку, наконец, удастся осуществить наиболее полную реализацию своих потенций. Но неужели «если главное для человека – саморазвитие, то рождение детей – это удел людей, безучастных к собственному личностному и профессиональному становлению»?

Когда и кем в человеческой жизни оказались противопоставлены рождение детей и раскрытие наилучшего в себе? Кто назвал эти явления двумя предельными и полярными благами? Неужели сущность самореализации состоит только лишь в раскрытии собственного потенциала вне отношений с другими людьми? Почему лучший потенциал касается только личностной и профессиональной сферы, а не сферы детско-родительских отношений? Когда и почему дети перестали быть способом самореализации? Разве самореализация не может быть в родительстве? В материнстве и отцовстве? Разве не может она быть в том, чтобы отдавать всё лучшее в себе собственным детям или чтобы развивать в себе лучшее для собственных детей? Разве воспитание достойных детей не является более сложной задачей для взрослого? На все эти вопросы может и должна ответить психология современной семьи.

Библиографический список

1. Брутман В. И. Нарушения инстинкта продолжения рода и репродуктивного поведения женщин в связи с психической патологией // вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2017 (17), № 2. С. 30–31.
2. Вишневский А. Г. Семья эволюирует // Иностранная литература. 2011. № 5. – С. 20–32.

3. Гараева Э. И. Добровольная бездетность в современной России: социологический анализ. Дисс... к.соц.н. Екатеринбург. 2022.
4. Григорьева Н. С., Куштанина В. А., Чубарова Т. В., Яковлева И.В. Бездетность в России: социологическое измерение // Народонаселение. 2013. № 4. С. 50–62.
5. Дюпра-Куштанина В. А., Лутошкина С. Ю. Женская бездетность и сценарии жизненного пути // Мир России. 2014. № 2. С. 183–203.
6. Козырева В. В. Психологические особенности женщин, выбирающих осознанную бездетность // Вестник университета. 2022. № 6. С. 200–208.
7. Куцубей А. Т., Пономарева И. В. Психологические особенности и мотивы отказа от рождения детей представителей чайлдфри // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 5 (71). 2019. № 3. С. 94–104.
8. Лозневой Р. В. Эмоция отвращения и ценности // Молодой ученый. – 2020. – № 11 (301). – С. 255–257.
9. Ломакин И. В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 394–403.
10. Петухова В. Н. Проблема отвращения в современной психологии // Современная психология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). – Казань: Бук, 2017. – С. 4–19.
11. Савенышева С. С., Аникина В. О., Мельдо Э. В. Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: анализ зарубежных исследований. Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 38–48.
12. Тихонова И. В., Шипова Н. С., Мисиюк Ю. В. Представления о стрессогенности родительской роли у потенциальных родителей: объективные и субъективные детерминанты. Acta biomedica scientifica. 2024; 9(1): 161–176.
13. Фахрисламова Р.Т. Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 33–54.
14. Хаджнал Джон. Европейский тип брачности в ретроспективе / Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. – М.: Статистика, 1970. С. 14–70.
15. <https://letidor.ru/zvezdy-i-deti/opasnye-chayldheyt-kto-i-pochemu-ne-lyubit-detey.htm>
16. <https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>
17. <https://www.5-tv.ru/tabloid/199593/cajldhejtery-natrope-vojny-ktooni-takie-ipocemu-nenavidat-detey/>
18. https://www.researchgate.net/publication/263067208_Choice_and_circumstance_Qualitative_insights_into_contemporary_childlessness_in_Australia

© Мартынова Е. В., 2025

УДК 159.9

ВНЕ ЗОНЫ ИНТЕРЕСОВ: ПСИХОАНАЛИЗ И ПЕРЕГОВОРЫ

EDN SRGHED

Е. С. Мордас

Д. О. Мордас

*Кандидат психологических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-6288-3134,
e-mail: morkaty@yandex.ru,
преподаватель,
Московский институт психоанализа,
г. Москва, Россия*

OUTSIDE THE SCOPE OF INTEREST: PSYCHOANALYSIS AND NEGOTIATIONS

E. S. Mordas

D. O. Mordas

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Lecturer,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
Moscow, Russia*

Abstract. The methods and concepts of psychoanalysis have long been applied not only in clinical practice but also in various applied fields: in the arts and cinema, in anthropology and history, in organizational management and advertising. However, the negotiation process – the communication process between two parties seeking a solution to a problem – which seems to be the closest in form and somewhat in content, has found itself almost outside the interest of psychoanalysts. This article presents a review of psychoanalytic ideas touching upon the area of negotiations: the clinical situation in classical negotiation terms; the concept of the "second generation conflict resolution" method; transference and countertransference in the negotiation process; the influence of first impressions on the negotiation and clinical situation. The subject of research: the phenomenon of negotiations in the psychoanalytic understanding. The research method: analysis, synthesis, systematization of theoretical propositions. The theoretical and methodological basis of the research: ideas of Kimberlyn Leary, Lakshmi Balachandra, Mary Crossan, Roy J. Lewicki, Ralph R. Greenson, Roger Fisher & William Ury, among others. Analysts draw a parallel between the therapeutic process and negotiations: 1. it is a meeting of two or several people; 2. the therapeutic process begins with negotiations; 3. mutual influence of the parties, alignment of desired goals and outcomes of joint activities, mutual benefit, trust and sincerity, neutrality, the personality of the analyst/opponent (participant in the negotiations), empathy, creative dialogue. Novelty: the unconscious of one person can influence the unconscious of another. When two people are close to each other and each experiences heightened receptivity processes, the likelihood of unconscious communication interaction increases. Thus, we can consider negotiations as unconscious communication between people, where the key mechanism is the influence of one person on another. The influence is related to desires, fantasies, motivations, and the conflicts of the parties. Gender and sexuality of the parties affect the negotiations. In the negotiation situation, unconscious communication unfolds through transference, countertransference, acting out, resistance, and projections. All of this impacts the successful outcome of negotiations or increases resistance and disrupts the negotiation process.

Keywords: negotiation; transference; countertransference; conflict; first impression; communication; psychotherapy; attachment; empathy; resistance.

Введение

Психоаналитические методы и техники являются высокоэффективными инструментами в клинической практике и прикладных сферах общественно-социального взаимодействия. В современной переговорной практике востребованность и актуальность этих новых для нее методов не подлежат сомнению и обуславливают необходимость их детального изучения и последующего применения.

Несмотря на то, что переговоры – это прежде всего межличностное взаимодействие (одного или нескольких людей) в психоаналитическом подходе данному феномену посвящено незначительное количество работ западных аналитиков; отечественные психоаналитики также не рассматривали данный феномен. Словно «переговоры» вовсе не интересуют психоаналитических авторов и исследователей. Но, анализ литературы показал, что дан-

ный феномен все же изучается. Так, целью данной статьи является обзор психоаналитических идей о феномене переговоров; включение авторов-аналитиков в исследовательское поле психоанализа бизнеса. В статье представлены психоаналитические идеи, ранее не переведенные на русский язык.

Переговоры, с одной стороны – явление социальное; с другой – индивидуальное. Тематику переговоров возможно рассмотреть с точки зрения различных направлений: психологии, социологии, психоанализа. Изучение переговоров представлено, прежде всего, в области психологии. Переговоры рассматриваются как общение и разрешение конфликтов (Андреева Г. М.), как способ достижения поставленных целей, целеполагание (Цепцов В. А., Каррас Ч. Л.); понимаются как конструкт, отражающий личностные и поведенческие особенности (Борисенко З. В.) [1; 2; 5; 9].

С точки зрения социологии возможно упомянуть такие имена как Э. Дюркгейм (ритуалы и социальные отношения) и Р. Коллинз (стремление к солидарности и цепочки межличностных отношений) [4; 17; 18].

Авторы-психоаналитики понимают переговоры как: событие-встреча, где разворачивается коммуникация и разрешение конфликтов между сторонами переговоров (Kimberlyn Leary) [31]; связь аналитического процесса и процесса переговоров; перенос и контрперенос в переговорах (Roy J. Lewicki) [33], сравнение влияния феномен первых впечатлений на переговорную и клиническую ситуацию (Kimberlyn Leary) [31].

Предметом исследования является феномен переговоров в психоаналитическом понимании. Метод исследования: анализ, синтез, систематизация теоретических положений. Теоретико-методологическая основа исследования: идеи Kimberlyn Leary, Lakshmi Balachandra, Mary Crossan,

Roy J. Lewicki, Ralh R. Greenson, Roger Fisher & Wiliam Ury и др.

Задачами данного исследования являются: 1. Найти и проанализировать доступные психоаналитические работы, касающиеся феномена переговоров. 2. Систематизировать психоаналитические идеи о феномене переговоров. 3. Синтезировать психоаналитические идеи и наиболее известные работы по переговорам в психоаналитическую концепцию переговоров.

Данная статья дает возможность специалистам сталкивающимся с переговорными процессами более эффективно и творчески подойти к данной области их деятельности используя психоаналитические техники. И так рассмотрим психоаналитические идеи о феномене переговоров в порядке их появления в психоаналитическом дискурсе.

Концепция метода разрешения конфликтов второго поколения

Kimberlyn Leary отмечает, что для большого числа специалистов по разрешению конфликтов появились новые формы посредничества и ведения переговоров: «преобразующее посредничество» или «методы разрешения конфликтов второго поколения» [31].

В традиционном понимании, переговоры – это игра с нулевой суммой или компромисс, в результате которого ни одна из сторон не остается полностью удовлетворенной. Эта модель была основана на теории экономической рациональности. Однако с недавнего времени конфликт рассматривается вовлеченными сторонами как социальный процесс, в ходе которого сами участники формируют характер проблемы, тем как они говорят о ней, и тем, как они относятся к друг другу. Успехом таких переговоров будет совместное решение, в котором творчески представлены интересы всех сторон. При этом эффективные взаимоотношения ста-

нут залогом устойчивого и долговременного результата.

Общество окружающее участников конфликта («третья сторона»), обладает потенциалом для смягчения конфликта, так же, как и друзья, коллеги, общественные организации, действующие как «социальная иммунная система, предотвращающая дальнейшее распространение конфликта» [21].

Аналогично с тем, как переговорщики начинают использовать клинический словарь, чтобы лучше понимать динамику процессов, того, как люди строят отношения и решают проблемы, психоаналитики начинают использовать язык переговоров для описания сессий и процессов терапевтического взаимодействия.

Так Kimberlyn Leary пишет, что ее интерес к переговорам развился во время учебы в аспирантуре, где она работала с исследовательской группой, возглавляемой психоаналитиком Робертом Хэтчером, изучая терапевтический альянс. На исследовательских встречах группа слушала аудиозаписи психотерапевтических и психоаналитических сеансов. Большое впечатление на аспирантов произвели своеобразные способы, с помощью которых клиницисты-аналитики, вовлекали своих пациентов. Разные аналитики говорили об одном и том же совершенно по-разному, используя собственные стилистические вариации. При этом аналитики и пациенты оказывали взаимное влияние, формируя свои клинические отношения в соответствии с желаемыми целями [31].

Ряд клинических психоаналитиков описали аспекты аналитического взаимодействия в терминах переговоров. Steven T. Levy, Lawrence и B. Inderbitzin (2000) описывают начало терапии как «вводную фазу анализа» или «фазу переговоров» [32]. Stuart A. Pizer (1998) предполагает, что терапевтическое действие заключается в процессе согласования [41]. Owen Renik (2006) отмечает наличие взаимосвязи между властью и желанием, как у пациента, так и у аналитика. По его мнению,

работа аналитика заключается в том, чтобы заставить пациента делать то, что в ином случае, тот не стал бы делать [46].

Акцент на аналитическом процессе как на процессе переговоров не является чем-то новым для психоанализа. Arnold Goldberg в 1987 году первый описал аналитические переговоры. Он утверждает, что переговоры являются неотъемлемой частью каждого аспекта аналитического процесса: обсуждаются правила аналитической процедуры, общую версию мира, значимость аналитического переноса, а также цели и метод лечения. Здесь переговоры представляют собой набор коммуникаций, направленных на достижение некоторого урегулирования вопроса. Долгосрочные решения возникают в результате создания общих интересов, взаимной выгоды и решения проблем в отношениях. Клинический прогресс наступает тогда, когда пациент начинает желать изменить свое мнение о чем-либо, при этом аналитик должен предпринимать промежуточные шаги для того, чтобы заставить пациента слушать, убедить его в правдивости своих действий, достичь состояния согласия [25].

Stephen A. Mitchell (1997) отмечает, что пациенты разделяют наши интерпретации на те самые категории, которые мы пытаемся заставить их обдумать и понять. Таким образом, любое рассмотрение того, как пациент меняет свое мнение в ответ на интерпретацию аналитика или в результате взаимодействия с ним, требует теории клинических переговоров, которая учитывает влияние. Отношение клиницистов-психоаналитиков к явному влиянию в консультационном кабинете – двойственное. Опасения вызывает возможность манипулирования [36].

Robert B. Cialdini (1993) свою работу «Влияние: наука и практика» называет работой по исследованию уступчивости. Он убедительно показывает, как повседневные автоматические социальные практики, например такие как «правило взаимности» или «принцип дефицита»,

могут быть использованы для принуждения противоположной стороны к действиям противоречащим ее подлинным интересам. Несмотря на то, что этих правил придерживаются все человеческие сообщества, в силу их эволюционной адаптивности, важной задачей тем не менее является определение искренности (подлинности) предложения другого лица, вызывающего взаимность, или ли же манипулятивности предложения, использующегося в целях власти или эксплуатации. Важным моментом, является то, что процесс влияния действует в обоих случаях [16].

Kimberlyn Leary замечает, что необходимо признать, что клиницисты-аналитики, оказывая помощь своим пациентам вовлечены в бизнес влияния, несмотря на то, что часть аналитиков утверждает, что это влияние не выходит за рамки минимальной непреднамеренной степени [31].

Необходимо отметить факт, что практики переговорщики внимательны к соотношению сил и считают влияние стратегически желательным. Для них также существует проблема манипулирования и эксплуатации. Участники переговоров, злоупотребляющие подобной властью, не будут иметь успеха в дальнейших взаимодействиях. Соглашения заключенные не искренне, не имеют ценности, мало что значат и не будут реализованы.

Большое значение для переговоров играет доверие сторон друг другу. Так же как доверие пациента терапевту. Порою необходимо значительное количество времени для того, чтобы доверие возникло. Доверие пациента терапевту связано с психопатологией пациента, его историей жизни; а также стилем работы терапевта и его личностью. Иногда случается, что аналитик полагает, что терапевтический альянс состоялся и пациент ему доверяет, но это может быть иллюзией. Так же и может быть иллюзий, что партнёры во время переговоров договорились. Без установленного терапевтического альянса

и доверия невозможно перейти к терапии и анализу. Аналогично и при переговорах между сторонами.

Переговоры являются «тонкими», конфиденциальными процессами, которые обычно происходят в течение длительного времени. Часто внешне бывает трудно определить признаки изменений параметров в ходе переговоров. Даже когда противники пожимают друг другу руки – эффектный образ эффективных переговоров – это мало, что говорит о реальной ценности договорённостей, необходимой для того, чтобы, как выразился Голдберг, чтобы заставить людей прийти к пониманию, которое отличается от их давних представлений о том, кто они такие и что самое важное.

Ввиду этого есть очевидные преимущества в изучении реальных примеров ведения переговоров и разрешения споров, которые могут послужить основой для изучения клинического влияния. Цель переговорного процесса – изменить мнение и предложить варианты. При этом влияние, возникающее, когда люди делают себя значимыми друг для друга, необходимо для достижения существенного результата.

И так, быть влиятельным — то есть быть значимым для других - требует умения глубоко учитывать желания другого человека, особенно его личные интересы. Внимание, необходимое для этого, зависит от близости. Люди становятся значимыми друг для друга, когда они могут взаимодействовать тесно и интимно.

При этом для реализации взаимных интересов важен нейтралитет. Нейтралитет означает открытость к интересам другого человека без поспешных суждений. В то же время эффективная работа происходит тогда, когда все стороны, включая тех, кто считает себя нейтральными, формулируют свою собственную точку зрения. Эта точка зрения включает в себя некоторую оценку того, что, по их мнению, возможно, а что нет [31].

Philip A. Ringstrom (2007) отмечает, что для того, чтобы быть влиятельным, требуется способность к импровизации [47]. Kimberlyn Leary, Lakshmi Balachandra, Mary Crossan, Lee Devin, and Bruce Patton (2005) в контексте процесса переговоров рассматривают импровизацию, как обмен «предложениями» – фрагментами информации, которые вносят участники, для продвижения процесса. Важным навыком является умение правильно понимать такие «предложения» [13]. Для этого требуется, способность человека видеть ситуацию по-новому и быть способным реагировать на неожиданные требования. Распознать возникающую возможность можно, только если представить себе ее будущую траекторию.

Навыки влияния и качества необходимые для успешного ведения переговоров обусловлены личными склонностями. Люди сильно отличаются по своей готовности мириться с тревогой в условиях неопределённости.

Kimberlyn Leary отмечает, что в отличие от профессиональных переговорщиков, в настоящий момент аналитики, не привлекают к аналитическому процессу какое-то особое влияние. Они обеспечивают своим пациентам исключительный уровень взаимоотношений. Используют весь спектр существующих методов эмоционального и психологического взаимодействия [31].

Bruce E. Wampold (2004) пишет, что ни одна форма психотерапии не работает лучше, чем любая другая. Эффективные методы лечения, по-видимому, приносят пользу, поскольку они связаны с неспецифическими или «общими факторами» – ожиданием улучшения, поощрением и установлением отношений, которым можно доверять [56]. Эти эффекты терапевта и взаимоотношений объясняют большую часть различий в клинических результатах. Этот феномен Saul Rosenzweig (1936) назвал эффектом «птицы Додо» [49], а Lester Luborsky (2002) проведя дополнительно более ста сравнительных исследо-

ваний, пришли к выводу, что гипотеза в основном верна [35].

Robert J. Sternberg (2006) утверждает, что исследования в области психотерапии подтверждают вывод о том, что личность практикующего врача имеет большее значение, чем конкретные используемые методы [52]. Owen Renik (2003) отмечает, что тот факт, что аналитики, придерживающиеся различных теорий и добивающиеся терапевтического успеха, указывает на то, что результат определяется личными качествами отдельного аналитика, а не его профессиональной ориентацией и применяемыми процедурами [45]. Judy Leopold Kantrowitz (1996) также указывает на важность соответствия между аналитиком и пациентом [30].

Признание того, что предрасположенность аналитика в значительной степени влияет на терапевтический результат, означает принятие во внимание того, что очень важно, кем на самом деле является аналитик и как он живет в этом мире. О личности аналитика также писали З. Фрейд [7], Х. Ракер [10], О. Кернберг [6], Г. Габбард, Э. Лестер [3], Н. Симингтон [8] и другие.

Lewis Thomas, Fari Amini, Richard Lannon (2000) утверждают, что психотерапия – это специфические отношения привязанности, обладающие тем же потенциалом, что и ранние отношения привязанности, для формирования эмоциональной жизни. Эти отношения, предполагают, что влияние в контексте привязанности основано на взаимной настройке. Этот «лимбический резонанс» означает, что участники аналитического процесса приспособляются друг к другу благодаря своей близости. Авторы выдвигают провокационное предположение о том, что пациент не становится здоровее абстрактным или общим способом. Скорее, «...пациент становится все больше похожим на своего терапевта» [34, p. 186].

Jean Decety, Thierry Chaminade (2003) указывают, что самоощущение возникает в результате активности мозга, принадле-

жащего другим «я», через сеть общих представлений. Участники взаимодействия, которые обмениваются настроениями и импровизируют, будут, как само собой разумеющееся, приспосабливаться друг к другу сложными способами. Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что аналитики приходят к идеям о том, как построить жизнь, которая максимизирует удовольствие и сводит к минимуму боль, исходя из своих личных склонностей, эстетики и истории. Поэтому необходимо обращать внимание на те виды жизненного опыта, которые могут быть у аналитика и которые способствуют его или ее способности быть полезными [19].

Kimberlyn Leary подчеркивает, что в терминах переговоров в ходе обычной аналитической работы клинически эффективный аналитик – это тот, кто делает пациентам импровизированные «предложения», которые включают в себя конкретные точки зрения аналитика на жизнь. Они отражают оценки того, чего, по мнению аналитика, можно достичь. Поэтому важно, чтобы у аналитиков был большой запас идей о том, как люди могут жить в этом мире. Такие идеи могут быть наиболее эффективно сформированы аналитиком, который живет в сложном и интересном мире. Аналогичным образом, аналитики, которые взаимодействуют с целым рядом других людей, в том числе с теми, кто отличается от них самих, с большей вероятностью найдут альтернативные варианты, которые повысят их способность помогать пациентам. Разнообразие – это не просто вопрос социального взаимодействия, а основа для способности к инновациям. Способность аналитика изменить взгляды пациентов – заставить пациентов слушать, достичь подлинных договоренностей, которые ранее казались противоречащими их собственной природе, – требует полного задействования влияния аналитика. Без этого невозможно помочь

пациентам добиться чего-то в их жизни [31].

Перенос и контрперенос в переговорном процессе

Согласно Roy J. Lewicki (1997) переговоры – это формальный, цивилизованный процесс, который происходит, когда стороны пытаются найти взаимоприемлемое решение сложного конфликта. Стороны взаимосвязаны и характер этой взаимосвязи во многом определяет возможные результаты [33].

Конфликт, являющийся предметом переговоров, рассматривается в традиционных переговорных моделях как конфликт между двумя людьми – межличностный, конфликт внутри группы – внутригрупповой, конфликт между группами – межгрупповой.

Согласно З. Фрейду, индивид подвержен влиянию внутренних конфликтов, обусловленных противоречиями между Ид, Эго и Супер-Эго. Влияние конфликтов проявляется как открыто в виде противоречий между инстинктивными влечениями и социальными нормами, так и скрыто через невротические симптомы и расстройства поведения.

Несмотря на то, что существует обширная психоаналитическая литература, посвященная изучению интрапсихических конфликтов, однако связь между этими исследованиями и тем, что происходит в ситуации переговоров, практически отсутствует. Между тем, методы и средства психоанализа могут быть использованы в сфере ведения переговоров.

В рамках классической теории З. Фрейда переживания раннего детства играют решающую роль в формировании личности взрослого человека. Взаимодействие со значимыми близкими формирует модели будущих отношений. Плохие или хорошие качества значимой фигуры из прошлого индивид переносит на людей в настоящем. А перенос старых шаблонов

на ситуации настоящего определяет его внешнюю реальность и придает ей смысл.

Ralph R. Greenson (1967) описывает следующие характеристики переноса: (1) он кажется неуместным в нынешних отношениях; и (2) он может быть повторением или реконструкцией прошлых отношений. Вместо того чтобы осознано помнить «хорошие» или «плохие» прошлые отношения, индивид бессознательно повторяет их в настоящем. В результате ситуации настоящего, лишь чем-то напоминающие те, что были в прошлом оцениваются как идентичные, что приводит к неадекватному шаблонному реагированию [26].

Charles Brenner (1982) отмечает, что хотя перенос, как психоаналитический феномен впервые был выявлен между психоаналитиком и пациентом, он развивается не только в терапевтических отношениях, но и в любой межличностной ситуации. Любые отношения являются сочетанием реальных отношений и переноса [15].

Glen O. Gabbard (1990) пишет о пространственности феномена переноса. Возникновение переноса указывает на возможные проблемы в любых межличностных взаимоотношениях. В клинической ситуации перенос является основным рычагом воздействия, приводящим к терапевтическим изменениям. Терапевт дает возможность добиться изменений, демонстрируя отличия от раннего опыта пациента в своих вербальных и невербальных реакциях. Эти изменения в понимании пациентом влияния прошлого на его нынешние реакции помогают реагировать на будущие ситуации, менее обремененным предыдущим опытом способом [23].

В ситуации переноса, терапевт чувствует эмоции составляющие суть контрпереноса. Robert D. Stolorow (1987) пишет о возникновении «интерсубъективного поля», которое образуют феномены переноса и контрпереноса. Осознание терапевтом своих чувств по отношению к пациенту дает ему подсказки о том, как паци-

ент сталкивался с прошлыми отношениями и как он может переживать нынешние отношения. Только контролируя этот процесс, можно избежать повторения той же формы взаимодействия, которую пациент испытывал в прошлом [53].

В отличие от терапии, где взаимодействие сторон направлено на благо пациента, переговорной ситуации такая асимметрия не свойственна. Тем не менее применение методов психоанализа помогает оптимизировать взаимозависимую ситуацию в интересах обеих сторон.

Robert D. Stolorow (1987) отмечает, что «я» – это структура, которая развивается вокруг внутреннего переживания повторяющихся эмоциональных состояний. Отзывчивость значимых людей играет важнейшую роль в развитии человека. Если ребенок принят и получает одобрение со стороны близких, у него развивается чувство собственного достоинства и уверенности в себе. В противном случае у него возникнет чувство уязвимости и неуверенности [53].

Внутренний конфликт возникает, когда родитель не реагирует на ребенка, игнорирует его, препятствует самостоятельности или использует ребенка. Когда это происходит, ребенок, а затем и взрослый начинают предвидеть неудачи подобного рода со стороны других людей в определенных ситуациях, особенно в ситуациях, когда существует разница во власти, которая неосознанно стимулирует старые конфликтные отношения между родителями и детьми. В ситуации переговоров у таких людей возникает сопротивление, как реакция на негативный перенос. И если сопротивление становится достаточно сильным, это заводит переговоры в тупик.

Особенностью феномена переноса является, то, что он проявляется еще до фактического контакта. Клиент приходит в терапию с определенными представлениями о терапевте, как в целях самозащиты, так и для обеспечения некоторой предсказуемости взаимодействия. То же происходит в переговорной ситуации, когда у лю-

дей есть ожидания относительно того, что произойдет в ходе переговоров. Если они заранее предполагают, что в ходе переговоров они не будут поняты или к ним не будут относиться справедливо, возникнет конфликтный аспект переноса, а вместе с ним и соответствующие трудности в переговорном процессе.

Некоторые виды переговоров по своей сути заранее содержат потенциал возникновения негативного переноса. Это переговоры о структуре выплат с фиксированной суммой и переменной долей участия и переговоры между сторонами с различиями в полномочиях. В этих ситуациях одна из сторон понимая разницу в силе и власти, бессознательно привносит ожидание повторения опыта конфликтных отношений между родителями и детьми.

Поэтому важны формулирование и структурирование переговоров. Достижение обеими сторонами взаимного согласия по повестке дня, правилам, создание свободного потока информации и акцентирование внимания на общих целях и решениях, которые отвечают целям обеих сторон, сводят к минимуму негативный перенос.

Другими факторами возникновения негативного переноса являются поведение и отношения участников к друг другу. Rackham N. говорит о «раздражителях» (негативных словах и фразах, вызывающих раздражение [43], Lewicki R. J. о «грязных трюках» (сомнительных тактиках, таких как ложь или искажение сути проблемы) [33], Tramel M. & Reynolds R. об «ограничителях коммуникации» (угрозах, указаниях другому человеку, что ему делать, негативной оценки другого человека, навешивании ярлыков) [55].

Все, что вызывает негативный перенос, приводит к защитной реакции и сопротивлению. Опытный переговорщик с самого начала захочет свести к минимуму конфликтный аспект переноса. Этого можно добиться, потратив время на знакомство с другой стороной, поскольку это

укрепляет доверие и развивает эмпатию, которые являются мощными инструментами снижения негативного переноса.

Прогресс в переговорах свидетельствует о том, что негативный перенос отошел на второй план. Паузы, аффекты, изменение поведения, изменение языка тела говорят о возвращении в переговорный процесс негативного переноса. Как это характерно для переноса, он может не соответствовать ситуации или тому, что уже сделала для решения конфликта другая сторона.

Lewicki (1997) указывает, что чтобы не попасть в «переговорную ловушку» необходимо использовать стратегии, которые настраивают переговорщика на диалог с другой стороной и, таким образом, уменьшают негативный перенос. Вместе с тем необходимо определить в какой степени наблюдаемая реакция является реакцией переноса, а в какой степени взаимодействие определяется поведением участника переговоров, которое вызывает антагонизм у другой стороны? Поскольку и то, и другое происходит одновременно, важно скорректировать свое поведение и попытаться исправить любые искажения или недопонимание намерений. То, что остается, может быть своеобразной реакцией другого человека на ситуацию, которая была бы у этого человека в любой переговорной ситуации, и с которой следует обращаться как с таковой [33].

Внимательное рассмотрение традиционных моделей ведения переговоров показывает их соответствие психодинамическому подходу.

Roger Fisher & William Ury (1991) в своем методе ведения переговоров описывают четыре шага: “отделить людей от проблемы”, “сосредоточить внимания на интересах, а не на позициях”, “найти варианты для взаимной выгоды”, “использовать объективные критерии”. С точки зрения психодинамического подхода эти шаги направлены на установление эмпатии, уменьшению сопротивления и сведению

нию негативных реакций переноса к минимуму [21].

Rackham (1993) определяет параметры, отличающие опытных переговорщиков от посредственных. Во-первых, опытные переговорщики рассматривают более широкий спектр результатов и вариантов. Это позволяет им быть более гибкими в установлении ограничений и более свободными в планировании последовательности действий и решении проблем. Проявляя гибкость, опытные переговорщики лучше настраиваются на другую сторону и могут чаще принять ее точку зрения, чем обычные участники переговоров [43].

Во-вторых, они сфокусированы на поиске точек соприкосновения. Это значительно снижает негативные реакции на перенос. И наконец они уделяют большое внимание долгосрочным договоренностям. Вместе с тем развивая эмпатию и настраиваясь на длительное взаимодействие.

Опытные переговорщики не используют «раздражители» (слова или фразы, которые имеют негативную коннотацию для другой стороны), не выдвигают преждевременные встречные предложения или не переходят к «обороне/нападению». Они применяют навыки активного и эмпатичного слушания, которые способствуют продвижению переговоров. При необходимости, выражают чувства, что напрямую связано с установлением доверия.

Robert H. Mnookin, Scott R. Peppet & Andrew S. Tulumello (1996) утверждают что межличностные аспекты переговоров связаны с двумя аспектами: эмпатией и настойчивостью. Эмпатия, которая предполагает понимание точки зрения другого человека и непредвзятое выражение его точки зрения, противопоставляется настойчивости, способности отстаивать и выражать свои потребности, интересы и позицию. Авторы считают, что эти два вида поведения не являются несовместимыми, а на самом деле являются двумя независимыми аспектами переговорного поведения. Они считают, что эффективный переговорщик способен успешно сочетать в

себе эмпатию и настойчивость, и описывают три стиля ведения переговоров – конкурирующий, уступчивый и избегающий, – в которых отсутствует один или оба аспекта, что приводит к неэффективным результатам в переговорном процессе [37].

В рамках психодинамической парадигмы эту концепцию можно рассмотреть следующим образом. Эмпатия предполагает развитие позитивного переноса, так что переговоры могут проходить в атмосфере растущего доверия и уважения. Принимая точку зрения другого человека и исправляя неверные представления, переговорщик меняет тон отношений на менее враждебный. Настойчивость предполагает управление контрпереносом. Надлежащим образом отстаивая свою позицию, участник переговоров с меньшей вероятностью будет чувствовать себя эксплуатируемым или отстраненным от процесса. Приводя к повышению самооценки и позитивному контрпереносу, настойчивость усиливает переговорный процесс. Противоречие между эмпатией и настойчивостью, которое описывают Robert H. Mnookin и др., можно рассматривать как уравнивание переноса и контрпереноса в позитивном направлении [37].

Первые впечатления в клинической практике и переговорном процессе

Kimberlyn Leary исследует роль первых впечатлений в контексте переговоров и аналитической ситуации. И терапия, и переговоры зависят от способности участников вести творческий диалог и добиваться успеха в отношениях. На формирование первого впечатления в обоих случаях влияет воспринимаемые участниками социальные роли друг друга. Первое впечатление формируется в интерактивном процессе взаимодействия и может не всегда точно отражать реальность. Такое «неправильное первое впечатление» в некотором смысле может иметь самореализующиеся последствия в отношениях [31].

Процесс, посредством которого люди формируют впечатления, изучался иссле-

дователями многих направлений. Биологи, начиная с Дарвина, исследовали физическое выражение эмоций у животных и людей. Психологи последовали их примеру, используя различные клинические и экспериментальные методы. Kimberlyn Leary отмечает, что социологи, в частности Erving Goffman, обратили внимание на интерактивные аспекты самопрезентации. В свою очередь, такие антропологи, как Ray Birdwhistle, связали традиционные кросс-культурные исследования с анализом каналов коммуникации [31].

В результате рассмотрения этого вопроса с разных точек, многие исследователи пришли к выводу, что впечатления в значительной степени формируются невербальной коммуникацией. Люди посылают и интерпретируют - сигналы, закодированные в смехе, взгляде, румянце, нахмуренных бровях и множестве других невербальных проявлений. Некоторые формы таких проявлений кажутся универсальными и могут рассматриваться как биологически обоснованные. Способность распознавать агрессию или влечение естественно обусловлена эволюционной необходимостью. Но другие формы поведения более субъективны и зависят от времени, места и социальных ритуалов.

Тематика социальных ритуалов звучит в работах Э. Дюркгейма и R. Collins. Э. Дюркгейм изучает отношения между людьми. Члены общества подвержены воздействию того, что он называет социальной плотностью. Социальная структура создает своего рода кокон вокруг индивида, делая его менее индивидуалистичным и в большей степени членом группы. С ростом социальной плотности смысл жизни оказывается ассоциированным с членством в группе, а не с собственными желаниями. Другими словами, локальная социальная структура оказывает моральное и эмоциональное воздействие. Формирование человека связано с социальными ритуалами, что способствует обретению группового сознания [4]. R. Collins

отмечает, что человеку свойственны стремление к солидарности с группой, эмоциональная вовлеченность, обмен эмоциональной энергией, поддержка социальных и эмоциональных связей. В ином случае человек чувствует себя подавленным, безынициативным и отстраненным от забот группы [18]. Ритуалы связаны со взаимодействием людей друг с другом, которые обмениваются эмоциональной энергией. Успешный социальный ритуал заставляет отдельного участника чувствовать себя сильным, уверенным, полным импульсов действовать самостоятельно. Часть коллективного воодушевления в высоко сфокусированном, эмоционально синхронизированном взаимодействии передается отдельным людям, которые на время уносят с собой возбужденную эмоцию группы в своем теле. И наоборот, слабый или неудавшийся социальный ритуал снижает уверенность и инициативу участников – он снижает их эмоциональную энергию [17].

Эмоциональная энергия, возникающая в той или иной ситуации, создает цепочки взаимодействий во времени между членами группы. R. Collins упоминает понятие - цепочки межличностных отношений, что связывается с социальным ресурсом каждого участника, эмоциональной энергии, символами принадлежности (или культурным капиталом), накопленные в предыдущих межличностных отношениях. Таким образом, эмоциональный ресурс в межличностных отношениях является всеобъемлющим механизмом, мотивирующим людей в ходе движения по цепочкам межличностных отношений, которые составляют их жизнь [17].

Впечатления формируются быстро и остаются устойчивыми. Ambady & Rosenthal (1992) в своем исследовании установили, что впечатления студентов относительно преподавателей остаются неизменными независимо от того, видят ли они их в течение длительного времени или всего лишь мгновение. Процесс ин-

терпретации начинается немедленно. Происходит экстраполяция на широкий набор предположений о характере и намерениях. «Большая часть такого поведения является неосознанной и, тем не менее, чрезвычайно эффективной... ...сигналы настолько очевидны, что они не кодируются и не декодируются на сознательном уровне» [11, p. 256].

Aronson E., Wilson T. & Akert R. (1997) описывают социальное познание как способ, с помощью которого формируются схемы – когнитивные карты для организации информации об окружающей реальности и управления ею. Эти знания хранятся вне сознания. Попадая впервые в незнакомую ситуацию, мы автоматически пытаемся сопоставить поведение или отношения к уже имеющимся у нас схемам. Первое впечатление здесь действует как эвристика, позволяя нам быстро обработать социальную информацию [12].

На описанный процесс могут накладываться ряд феноменов, приводящих к так называемым когнитивным «ошибкам». Rosenthal & Jacobson (1968) описывают феномен самоисполняющегося пророчества. Индивид ведет себя по отношению к другим таким образом, чтобы вызвать дополнительную реакцию, которую использует для подтверждения того, что его первоначальные предубеждения были верными [48]. Ross (1977) указывает на явление фундаментальной ошибки атрибуции, т.е. переоценки степени, в которой люди действуют так, как они делают, из-за внутренних диспозиционных, а не ситуационных факторов [50]. Mullen & Riordan (1988) описывают «своекорыстную атрибуцию», искажение, при котором человек интерпретирует события и поступки (свои и чужие) таким образом, чтобы это соответствовало его интересам, укрепляло самооценку или оправдывало ожидания [39]. Blaser Abston & Bringmann (1987) подчеркивают, что поверхностные факторы, включая сходство пациента с социальными стереотипами общепринятой привлекательности, также могут

иметь большое влияние, если их сознательно не проверять [14].

Некоторые ситуации напротив повышают точность первого впечатления. DePaulo B. & Friedman H. (1998) указывают, что в иерархических, неравных отношениях человек, обладающий меньшей властью или статусом, склонен формировать более сложные и менее стереотипные впечатления, чем те, кто обладает большей властью. Люди делают более точные оценки, когда у них есть на это мотивация и когда взаимопонимание необходимо и выгодно обоим [20]. Nordstrom Hall & Bartells (1998) отмечают, что точность также повышается, когда у людей достаточно времени и они не подвергаются стрессу [40].

Первые впечатления в клинической практике. Клиническая практика подразумевает отношения, в которые пациенты вступают, находясь в сложном, затруднительном психологическом состоянии. Первое впечатление при встрече с терапевтом играет важную роль при принятии решения о совместной работе. Габбард (1990) описывает задачу первоначального собеседования, как оценку возможности взаимоотношений. Процесс «оценки друг друга» является «улицей с двусторонним движением». Пациент, оценивающий степень своего комфорта с аналитиком и заинтересованный в терапии, сопоставляет оценку пациента аналитиком. Терапевт, со своей стороны, оценивая точку зрения пациента, пытается понять в какой степени терапевтическая ситуация соответствует ожиданиям пациента. Оба заинтересованы создать атмосферу сотрудничества, которая поможет пациенту испытывать больше удовольствия и меньше боли в своей жизни [23; 44]. Успех и неудача терапии при этом во многом обусловлены способностью терапевта «привлечь» пациента к участию в работе по созданию уникальных отношений, согласно Hatcher & Varends, построение которых, во многом зависит от первого впечатления [27].

Ambady & Rosenthal (1992) показывают, что люди могут делать точные обобщения на основе кратких наблюдений в определенных ситуациях. Они предположили, что слишком много размышлений и логических заключений иногда могут нарушить точность суждений, и пришли к выводу, что выводы, сделанные на основе мыслительных срезов поведения, могут быть точными именно потому, что они являются поспешными суждениями [11].

С другой стороны, Funder & Colvin (1988) уточняют, что со временем впечатления о других становятся значительно более аккуратные. Люди выносят более верные суждения о друзьях, чем о тех, с кем они только что познакомились [22].

Kimberlyn Leary замечает, для терапевта — аналитика первые впечатления являются виртуальными, имитирующими реальность. Терапевт знает, что только при постоянном контакте он сможет составить впечатление о том, кто его пациент «на самом деле» [31].

Price (1997) подчеркивает, что особенности личности терапевта, играют важную роль в выявлении клинических тем, которые развиваются в ходе работы, то, как он говорит и действует по отношению к своему пациенту, формирует отношение пациента к нему [42].

Smith (1990) отмечает, что пациенты также очень чутко реагируют на свою оценку участия терапевта в клинических отношениях, насколько он вовлечен/отстранен и т.д. Они ищут «подсказки» о том, кто такой терапевт, как он относится к пациенту и правилам игры. Пациенты используют эти подсказки, чтобы определить себя и направить свои свободные ассоциации. Таким образом, и пациент, и терапевт участвуют в совместном конструировании клинической ситуации, в которой они находятся вместе [51].

Hoffman (1993, 1998) указывает, на то, что перенос в аналитической ситуации является не «общим», при котором происходит наделение полномочиями любого, кто

берет на себя роль помощника, а «специфическим и личностным», когда пациент находит в терапевте «что-то настоящее», что напоминает ему о ком-то, с кем он когда-то встречался. Другими словами, перенос пациента был становится точным — хотя и весьма избирательным — прочтением аналитика [28; 29].

Клинические изменения начинаются тогда, когда пациент начинает воспринимать терапевта более комплексно, точно так же как аналитик развивает более объемное понимание своего пациента. Тем не менее соответствующие впечатления, которые пациент и аналитик получают друг от друга на первом сеансе, являются значимыми и формируют последующее взаимодействие. Они в значительной степени зависят от отношений, которые им удается установить друг с другом, — таких, которые являются индивидуальными и соответствуют потребностям и предубеждениям, надеждам и опасениям участников.

Первые впечатления в переговорном процессе. Kimberlyn Leary определяет переговоры, как процесс разрешения споров, который охватывает множество ситуаций, который требует сбора информации и диалога, целью которого является достижение взаимовыгодного результата между двумя или более сторонами и целью которого является достижение взаимовыгодного результата (или, по крайней мере, такого, с которым стороны могут смириться) [31].

Douglas Stone, Bruce Patton, Sheila Heen, Roger Fisher признают, что первые встречи в переговорном процессе являются самыми напряженными. Тем не менее в это время есть возможность повлиять на ход беседы в целом. Авторы предостерегают от высказываний, которые невольно провоцируют борьбу за идентичность, в которой противоположная сторона должны оправдывать свои действия и свои ценности, а советуют «мыслить, как посредник» [54].

Хотя традиционные модели не придают первому впечатлению большого значения, Moore et al., (1998) исследовал как предварительное знакомство – обмен не имеющей отношения к задаче личной информацией с целью построения отношений и тем самым смягчение защит повлияет на результат переговоров. Выяснилось, что группа, предварительно сформировавшая о себе впечатление посредством предварительного знакомства, добилась гораздо большего успеха в достижении соглашения по сравнению с группой, которая сразу приступила к переговорам [38].

Gilbert D., Fiske S. & Lindzey G. (1998) описывают процесс встречи, как создание социальной реальности в ходе диадического взаимодействия лицом к лицу, при котором быстро решается, будет ли взаимодействие, его приблизительная продолжительность, будет ли оно дружеским или враждебным, отстраненным или интимным [24].

Kimberlyn Leary обобщая, указывает, что первые впечатления одновременно являются показательными и оказывают влияние как на клиническую ситуацию, так и на переговоры. Они часто говорят о наблюдателе столько же, сколько и о самом наблюдаемом, в отношении его мировоззрения, ожиданий, ценностей и самооценки. Первые впечатления неотделимы от контекста, в котором сформировались. То, как каждый человек видит себя, также зависит от соответствующих ролей, связанных с окружением. Эти роли включают в себя те, которые мы принимаем и на которые претендуем как на свои собственные, а также те установки и позиции, в которых мы невольно оказываемся. Соответственно, первое впечатление может повлиять на последующий процесс, будь то за столом переговоров или в кабинете консультанта.

Заключение

Так, анализ психоаналитической литературы по проблематике переговоров позволяет нам сформулировать некоторые положения, которые возможно реализовать в дальнейших исследованиях.

Аналитики проводят параллель между терапевтическим процессом и переговорами:

- переговоры, так же и психоаналитический процесс – это встреча двух или нескольких людей.
- терапевтический процесс начинается с переговоров – прояснение запроса, ожидания пациента от терапии, определение цели терапии и условия терапии. В свою очередь в процессе переговоров возможно наблюдать перенос, контрперенос, сопротивление и отыгрывание.
- взаимовлияние сторон, согласование желаемой цели и результатов совместной деятельности, взаимная выгода, доверие и искренность, первое впечатление, чувство значимости себя в отношениях с Другим, нейтральность, личность аналитика/оппонента (участника переговоров) (разнообразие взглядов на жизнь и способность к инновациям), эмпатия, творческий диалог.

Бессознательное одного человека может воздействовать на бессознательное другого. Когда два человека находятся вблизи друг от друга и каждый из них испытывает процессы повышенной восприимчивости, вероятность взаимодействия бессознательной коммуникации возрастает. Так переговоры мы можем рассмотреть, как бессознательную коммуникацию между людьми, где ключевым механизмом является влияние одного человека на другого. Влияние связано с желаниями, фантазиями, мотивацией, конфликтами сторон.

В ситуации переговоров бессознательная коммуникация разворачивается посредством переноса, контрпереноса, отыгрывания, сопротивления и проекций. Это все влияет на успешный исход переговоров или повышает сопротивление и нару-

шает процесс переговоров. Для успешных переговоров свойственно разрешение конфликтов между двумя сторонами; сторона, злоупотребляющая властью (манипуляции) не имеет успеха во взаимодействии. На переговоры оказывает влияние пол и сексуальность сторон.

Систематизация доступных психоаналитических работ позволяет утверждать, что в ситуации переговоров мы можем исследовать конфликты сторон, опыт ранних объектных отношений, опыт соперничества между сиблингами, сексуальность; границы сторон и эмоциональную устойчивость; способность справляться с фрустрациями и тревогами.

Синтез психоаналитических идей с наиболее известными работами по переговорам позволяет сформулировать некоторые положения (требующие дальнейшего изучения и развития) психоаналитической концепции переговоров:

1. Установление взаимного доверия сторон, обусловленное уважением внутренних ценностей и установок друг друга.
2. Учет желаний (в том числе и бессознательных) и личных интересов при близком взаимодействии.
3. Открытость к интересам другого без поспешных суждений – нейтральность.
4. Способность к творческому поиску значимого для обеих сторон долгосрочного результата.
6. Умение представлять будущую траекторию открывающихся возможностей.

В современном мире, где все меньше места остается для межличностного общения крайне важно эффективно использовать время для достижения взаимовыгодного сотрудничества, построения крепких, долгосрочных отношений и нахождения креативных, творческих решений. Психоанализ имеет огромный опыт, который может и должен быть применен в различного рода переговорах. Методы психоанализа возможно использовать в обучающих тренингах не только

для клиницистов, но и для широкого круга людей, в ежедневные задачи которых входит общение с клиентами, переговоры и построение долгосрочных отношений.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.
2. Борисенко З. В. Подходы к изучению переговоров в психологии // Бюллетень науки и практики. 2016. № 4 (апрель). С. 503–509. DOI: 10.5281/zenodo.54708 EDN: VUDDXJ
3. Габбард Г., Лестер Э. Психоаналитические границы и их нарушения. М.: Независимая фирма "Класс", 2014. 272 с.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Москва: Изд. дом Дело: РАН-ХиГС, 2018. 732 с.
5. Каррас Ч. Л. Искусство ведения переговоров: как достичь желаемого результата. М.: ЭКСМО, 1997. 440 с.
6. Кернберг О. Неразделимая природа любви и агрессии: Теория и клиника. М., 2021. 492 с.
7. Фрейд З. Конечный и бесконечный анализ / под ред. Дж. Сандлера. Москва: Канон+, 2016. 255 с.
8. Симингтон Н. Становление личности в психоанализе. Москва: Когито-Центр, 2016. 400 с.
9. Цепцов В. А. Психология общения для менеджеров: Руководство по ведению переговоров. М.: ПЕР СЭ, 2001. 175 с. EDN: WZHJBZ
10. Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949–1999 гг.). Бурлака Р., 2021. 508 с.
11. Ambady N., Rosenthal R. Thin slices of expressive behavior as predictors of interpersonal consequences: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1992. Vol. 111 (2). P. 256–274.
12. Aronson E., Wilson T., Akert R. Social psychology. New York: Longman, 1997.
13. Balachandra L., Crossan M., Devin L., Leary K., Patton B. Improvisation and teaching negotiation: developing three essential skills // Negotiation Journal. 2005. Vol. 21. P. 435–442.
14. Blaser A., Abston N., Bringmann W. The assignment of patients to psychotherapy by lay judges // Educational and Psychological Research. 1987. Vol. 7 (4). P. 205–213.
15. Brenner C. The mind in conflict. New York: International Universities Press, 1982.
16. Cialdini R. B. Influence: the psychology of persuasion. New York: Harper Collins Children's Book Group, Rev. ed, 1993.
17. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004. 465 p.

18. Collins R. Violence: a micro-sociological theory. Princeton: Princeton University Press, 2008. 580 p.
19. Decety J., Chaminade T. When the self represents the other: a new cognitive neuroscience view of psychological identification // *Consciousness and Cognition*. 2003. Vol. 12. P. 577–596.
20. DePaulo B., Friedman H. Nonverbal communication // In: Gilbert D. S., Fiske S., Lindzey G. (Eds.). *The handbook of social psychology*. 1998. Vol. 2 (4th ed.). Pp. 3–40.
21. Fisher R., Ury W., Patton B. *Getting to YES: Negotiating agreement without giving in*. New York: Penguin, 1991.
22. Funder D., Colvin C. Friends and strangers: Acquaintanceship, agreement, and the accuracy of personality judgement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 55. P. 149–158.
23. Gabbard G. O. *Psychodynamic psychiatry in clinical practice*. Washington: American Psychiatric Press, 1990.
24. Gilbert D., Fiske S., Lindzey G. *The handbook of social psychology*. Boston: McGraw Hill, 1998.
25. Goldberg A. Psychoanalysis and negotiation // *Psychoanalytic Quarterly*. 1987. Vol. 56. P. 109–129.
26. Greenson R. R. *The technique and practice of psychoanalysis*, Vol. 1. New York: International Universities Press, 1967.
27. Hatcher R., Barends A. Patients' view of the alliance in psychotherapy: Exploratory factor analysis of three alliance measures // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1996. Vol. 64. P. 1326–1336. EDN: HIIJGB
28. Hoffman I. The patient as the interpreter of the analyst's experience // *Contemporary Psychoanalysis*. 1993. Vol. 19. P. 389–422.
29. Hoffman I. *Ritual and spontaneity in the psychoanalytic process: A dialectical-constructivist view*. Hillsdale, NJ, USA: The Analytic Press, 1998.
30. Kantrowitz J. *The Patient's Impact on the Analyst*. Hillsdale, NJ: Analytic Press, 1996.
31. Leary K. Negotiation // In: Akhtar S., Twemlow S. W. (Eds.). *Textbook of Applied Psychoanalysis*. 2018. P. 261–266.
32. Levy S., Interbitzen S. Suggestion and psychoanalytic technique // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2000. Vol. 48. P. 739–758.
33. Lewicki R. J., Saunders D. M., Minton J. W. *Essentials of negotiation*. Burr Ridge, Ill.: Irwin, 1997.
34. Lewis T., Amini F., Lannon R. *A General Theory of Love*. New York: Random House, 2000.
35. Luborsky L., Rosenthal R., Diguer L., Andrusyna T. P., Berman J. S., Levitt J. T., Seligman D. A., Krause E. D. The Dodo Bird verdict is alive and well-mostly // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2002. Vol. 9. P. 2–12.
36. Mitchell S. *Influence and Autonomy in Psychoanalysis*. Hillsdale, NJ: Analytic Press, 1997.
37. Mnookin R. H., Peppet S. R., Tulumello A. S. The tension between empathy and assertiveness // *Negotiation Journal*. 1996. Vol. 12 (3). P. 217–230.
38. Moore et al. Long and short route to success in electronically mediated negotiations: Group affiliation and good vibrations. Stanford Business School working paper 1484, 1998.
39. Mullen B., Riordan C. A. Self-serving attributions in naturalistic settings: A meta-analytic review // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. Vol. 18. P. 3–22.
40. Nordstrom C., Hall R., Bartels L. First impressions vs. good impressions: The effect of self-regulation on interview evaluations // *Journal of Psychology*. 1998. Vol. 132 (2). P. 477–491.
41. Pizer S. *Building Bridges: The Negotiation of Paradox in Psychoanalysis*. Hillsdale, NJ: Analytic Press, 1998.
42. Price M. The power of enactments and the enactment of power. Paper presented at the American Psychoanalytic Association, New York, 1997.
43. Rackham N. The behavior of successful negotiators // In: Lewicki R. J., Litterer J. A., Saunders D. M., Minton J. W. (Eds.). *Negotiation: Readings, exercises and cases*. Burr Ridge, Ill.: Irwin, 1993.
44. Renik O. Getting real in analysis // *Psychoanalytic Quarterly*. 1998. Vol. 67 (4). P. 566–593.
45. Renik O. Standards and standardization // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2003. Vol. 51S. P. 43–56.
46. Renik O. *Practical Psychoanalysis for Therapists and Patients*. New York: Other Press, 2006.
47. Ringstrom P. Scenes that write themselves: improvisational moments in relational psychoanalysis // *Psychoanalytic Dialogues*. 2007. Vol. 17. P. 69–99.
48. Rosenthal R., Jacobson L. *Pygmalion in the classroom: Teacher expectation and pupils' intellectual development*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968.
49. Rosenzweig S. Some implicit common factors in diverse methods of psychotherapy // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1936. Vol. 6. P. 412–415.
50. Ross L. The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // In: Berkowitz L. (Ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 10. New York: Academic Press, 1977. Pp. 174–221.
51. Smith H. Cues: The perceptual edge of the transference // *International Journal of Psychoanalysis*. 1990. Vol. 71. P. 219–228.
52. Sternberg R. Evidence-based practice: gold standard, gold plated, or fool's gold // In: Goodheart C., Kazdin A., Sternberg R. (Eds.). *Evidence-based Psychotherapy: Where Practice and Research Meet*. Washington, DC: American Psychological Association, 2006. Pp. 261–272.

53. Stolorow R. D., Brandchaft B., Atwood G. E. Psychoanalytic treatment: An intersubjective approach. Hillsdale, Calif.: The Analytic Press, 1987.
54. Stone D., Patton B., Heen S. Difficult Conversations. New York: Viking, 1999.
55. Tramel M., Reynolds R. Communication freezers // In: Lewicki R. J., Litterer J. A., Saunders D. M., Minton J. W. (Eds.). Negotiation: Readings, exercises and cases. 2nd ed. Burr Ridge, Ill.: Irwin, 1993.
56. Wampold B., Bhati K. Attending to the omissions: a historical examination of evidence based practice movements // Professional Psychology: Research and Practice. 2004. Vol. 35. P. 563–570.

© Моргач Е. С., Моргач Д. О., 2025

УДК 159.923

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ EDN UUPYBE

Н. В. Рогова

Магистрант, ORCID 0009-0007-5053-2434,
e-mail: natalidzen1992@gmail.com,

Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Самарская область, Россия

THE RELATIONSHIP BETWEEN PSYCHOLOGICAL HEALTH AND COPING STRATEGIES

N. V. Rogova

Master's Student,
Tolyatti State University,
Tolyatti, Samara Region, Russia

Abstract. The article presents the results of a study on the relationship between an individual's psychological health and the coping strategies they use to deal with problems and various life situations. The study uses diagnostic methods to determine the level of psychological health among respondents and the coping strategies they employ. The article then examines the relationship between psychological health and the coping strategies individuals use. Based on the findings, it concludes that there are moderate and significant correlations between psychological health and the coping strategies individuals employ. It has been shown that respondents with low levels of psychological health use predominantly maladaptive coping strategies, such as withdrawal, escape-avoidance, confrontational coping, and comparing their problems with those of others.

Keywords: psychological health; psychological defense mechanisms; coping strategies; early adulthood; moderate adulthood; confident adulthood; interconnection.

Актуальность исследования определяется наличием проблемы поддержания психологического здоровья личности в условиях непрерывно меняющейся альтернативной окружающей среды. Адаптация и соответствие личных достижений требованиям, выдвигаемым окружающей средой, достигаются не всеми членами общества. В результате наблюдается возникновение конфликтных ситуаций личности с окружением, осознание собственной неполноценности, неудовлетворенности, психического дискомфорта. Адаптивность и психологическое благополучие человека так же также зависят от тех копинг-стратегий, которые человек использует в различных жизненных ситуациях. Полученные в результате проведения эмпирических исследований влияния применяемых человеком копинг-стратегий на психологическое здоровье данные могут быть использованы для разработки и реализации программ поддержки по использованию эффективных копинг-стратегий личности.

В диагностике психологического здоровья и применяемых копинг-стратегий приняли участие 57 магистрантов Тольяттинского государственного университета: 32 женщины и 25 мужчин в возрасте 25–35 лет.

Для диагностики психологического здоровья респондентов использованы следующие методики:

1. Методика исследования психологического благополучия респондентов А. В. Козлова «Индивидуальная модель психологического здоровья»,
2. Аутоаналитический опросник зрелой (зрелой) личности В. А. Ананьева.

Результаты диагностики по методике А. В. Козлова «Индивидуальная модель психологического здоровья» показывают, что ресурсы психологического здоровья респондентов сосредоточены преимущественно в интеллектуальной и стратегической сферах. Стратегический вектор выражает ориентацию на цель и уравновешенность личности. В значительно меньшей степени магистрантам свойственны

духовные (Я-вектор) и творческие искания (ТВ). Выявлено так же наличие гендерных отличий в структуре психологического здоровья. У мужчин более выражены такие векторы психологического здоровья как Я-вектор и стратегический вектор. У женщин более, чем у мужчин, выражен семейный вектор и гуманистический вектор в структуре психологического здоровья личности.

По результатам применения аутоаналитического опросника здоровой (зрелой) личности (В. А. Ананьев) определено, что большинство респондентов находятся в стадии развития умеренной зрелости. Состоянием умеренной зрелости личности характеризуются 56,0 % (14 человек) мужчин и 56,2 % (18 человек) женщин в исследуемой выборке. Состояние умеренной зрелости личности характеризуется такими умениями человека, как способность адекватно оценивать и реагировать на различные жизненные ситуации, умение принимать ответственность за совершаемые действия и поступки, контролировать эмоции и поведение.

Состоянием уверенной зрелости в исследуемой выборке характеризуются 20,0 % (5 человек) мужчин и 21,9 % (7 человек) женщин. Уверенная зрелость личности предполагает наличие у индивида способностей осознавать и анализировать свои эмоции и эмоции окружающих, брать на себя ответственность, строить здоровые отношения с окружающими людьми, уметь справляться с жизненными трудностями, адаптироваться к изменениям.

В исследуемой выборке так же присутствуют индивиды, которые имеют начальный уровень психологической (личностной) зрелости. К таковым относятся 20,0 % (5 человек) мужчин и 21,9 % (7 человек) женщин. На этапе развития начальной зрелости личности происходит развития навыков управления эмоциями и поведением, анализа жизненных ситуаций.

В целях выявления применяемых респондентами копинг-стратегий был применен опросник «Решение трудных ситуаций» (РТС) Ю. А. Клейберга и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса.

Диагностика копинг-стратегий, выбираемых лицами с различными уровнями психологического здоровья показала, что для респондентов исследуемой выборки с низким уровнем психологического здоровья в рамках решения трудных ситуаций характерен выбор таких копинг-стратегий, как уход, сравнение своих проблем с проблемами других, интрапунитивное отношение к ситуации, агрессия. В совладающем поведении поведения лица с низким уровнем психологического благополучия наиболее часто применяют стратегии бегства-избегания и конфронтационный копинг. Респонденты с высоким и средним уровнями психологического здоровья в целях выхода из сложных жизненных ситуаций применяли такие копинги, как возрастание усилий к достижению цели, компенсация, поиск социальной поддержки. Применение адаптивных копинг-стратегий способствует поддержке психологического здоровья личности.

Результаты диагностики уровней психологического здоровья показали, что респондентов можно разделить на следующие группы:

- первая группа включает респондентов, имеющих психологическое состояние «Уверенная зрелость», которые характеризуются высоким уровнем психологического здоровья по методике А. В. Козлова «Индивидуальная модель психологического здоровья» – 13 человек;
- вторая группа включает респондентов, имеющих психологическое состояние «Умеренная зрелость» и психологическое состояние «Начало зрелости», которые имеют низкий уровень душевного равновесия и просоциальной ориентации по методике А. В. Козлова

«Индивидуальная модель психологического здоровья» – 44 человека.

Респондентам второй группы было предложено принять участие в проводимой в рамках экспериментального исследования психологической интервенции для поддержания и улучшения психологического здоровья. В результате были сформированы 2 группы. В экспериментальную группу вошли 12 человек, желающие принять участие в групповых и индивидуальных занятиях по поддержанию и повышению уровня психологического здоровья. Контрольную группу составили респонденты, которые не участвуют в программе психологической интервенции.

На следующей этапе эмпирического исследования была проведена оценка взаимосвязи уровней психологического здоровья и применяемых копинг-стратегий. Корреляционный анализ взаимосвязи уровней психологического здоровья и применяемых респондентами копинг-стратегий позволил выявить:

- умеренную связь между высоким уровнем психологического благополучия и копинг-стратегией применения механизмов психологической защиты ($r = 0,416, p \leq 0,05$);
- заметную связь между высоким уровнем психологического здоровья и копинг-стратегией компенсации ($r=0,511, p \leq 0,05$);
- умеренную связь между средним уровнем психологического благополучия и копинг-стратегией сравнения своих проблем с проблемами других ($r=0,306, p \leq 0,05$);
- умеренную связь между средним уровнем психологического благополучия и копинг-стратегией компенсации ($r=0,318, p \leq 0,05$);
- заметную связь между низким уровнем психологического благополучия и копинг-стратегией ухода ($r=0,601, p \leq 0,05$);
- заметную связь между низким уровнем психологического благополучия и копинг-стратегией сравнения своих

проблем с проблемами других ($r=0,509, p \leq 0,05$);

- заметную связь между низким уровнем психологического благополучия и вербальной агрессией ($r=0,509, p \leq 0,05$);
- умеренную связь между низким уровнем психологического благополучия и интрапунитивным отношением к ситуации ($r=0,467, p \leq 0,05$);
- сильную связь между высоким уровнем психологического благополучия и применением усилий для достижения целей ($r=0,709, p \leq 0,05$);
- заметную связь между низким уровнем психологического благополучия и агрессией к себе ($r=0,503, p \leq 0,05$).

Показано наличие обратной связи между высоким уровнем психологического благополучия и применением копинг-стратегии наркотизации ($r=0,703, p \leq 0,05$).

После проведения психологической диагностики нами была создана группа респондентов, выразивших желание принять участие в коррекции уровня своего психологического здоровья путем прохождения групповых и индивидуальных занятий с психологом.

Коррекционные занятия проводились в форме групповых тренингов и индивидуального консультирования лиц с низким уровнем психологического благополучия. Продолжительность одного занятия – 40 минут (академический час). Психологическая интервенция по повышению уровня психологического здоровья рассчитана на 32 часа. В процессе реализации психологической интервенции проводились индивидуальные консультации. Психологическая интервенция осуществлялась в течение 1 учебного года, групповые занятия проводились 1 раз в неделю. Индивидуальные консультации длились 40 минут. Проводились по желанию клиента.

В рамках психологической интервенции были применены такие методы, как психологическое консультирование, метод песочницы, когнитивно-поведенческая терапия. В процессе пси-

психологического консультирования клиентам оказана помощь в анализе их проблем, предложены эффективные модели совладающего поведения и копинг-стратегии, помогающие поддерживать и сохранять психологическое благополучие. В рамках когнитивно-поведенческой терапии проведены групповые занятия по изменению поведения клиентов. Метод песочницы, применен как способ создания безопасной среды в целях коррекции тревожных состояний клиентов.

Согласно данным повторной диагностики, после проведения психологической интервенции большинство респондентов находится на стадии умеренной зрелости – 66,7 % (8 человек), 8,3 % (1 человек) – «Начало зрелости», 25,0 % (3 человека) – «Уверенная зрелость».

По шкале «Душевное равновесие» большинство респондентов имеют высокий уровень после проведения психологической интервенции. У респондентов так же повысился уровень просоциальной ориентации (методика А. В. Козлова «Индивидуальная модель психологического здоровья»).

После проведения психологической интервенции респонденты в решении трудных ситуаций более склонны применять адаптивные копинг-стратегии: 41,7 % респондентов (5 человек) применяют механизмы снижения психологического напряжения; 33,3 % (4 человека) выбирают стратегию компенсации; 25,0 % (3 человека) – склонны применять копинг-стратегию возрастания усилий к достижению цели. Результатом осуществления психологической интервенции явилось повышение уровней психологического здоровья клиентов.

На основании полученных результатов сделаны следующие выводы:

– респонденты с низким уровнем психологического здоровья в процессе решения трудных ситуаций преимущественно выбирали такие копинг-стратегии, как уход, бегство-избегание, сравнение своих

проблем с проблемами других, конфронтационный копинг. Лица с высоким и средним уровнем психологического здоровья применяли такие копинги, как возрастание усилий к достижению цели, компенсация, планирование решения проблемы. Реализация адаптивных копинг-стратегий способствует поддержке психологического здоровья человека;

– в рамках эмпирического исследования была выявлена взаимосвязь психологического здоровья личности и применяемых копинг-стратегий. Между низким уровнем психологического здоровья и применяемыми копинг-стратегиями показаны умеренные и заметные взаимосвязи. Наблюдаются заметные взаимосвязи низкого уровня психологического здоровья с применением таких копингов, как уход, бегство-избегание, конфронтационный копинг, агрессия. Выявлена умеренная взаимосвязь с копинг-стратегией сравнения своих проблем с проблемами других у лиц с низким уровнем психологического здоровья. Высокий уровень психологического здоровья показывает заметные взаимосвязи с планированием решения проблемы и поиском социальной поддержки, заметные связи с компенсацией и возрастанием усилий к достижению целей;

– наличие взаимосвязей между уровнем психологического здоровья и применяемыми копинг-стратегиями определило необходимость проведения психологической интервенции, осуществляемой методами консультирования, песочницы и когнитивно-поведенческой терапии. Результатом осуществления психологической интервенции явилось улучшение психологического здоровья клиентов.

Полученные результаты имеют практическое значение и могут быть использованы в работе психологов и в учебном процессе.

Библиографический список

1. Горбунова Н. В., Фетисов А. С. Состояние и механизмы сохранения психологического здоровья // Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 122–125.
2. Клементьева М. В., Иванова В. И. Копинг-стратегии в период формирующейся взрослости у российских студентов // Культурно-историческая психология. 2023. № 3. С. 72–80.
3. Козлов А. В. Методика диагностики психологического здоровья // Перспективы науки и образования. 2014. № 6(12). С. 111–117.

© Рогова Н. В., 2025

UDC 316.61

**ACCULTURATION IN A NEW CULTURAL SETTING:
THEORETICAL OVERVIEW**

EDN VKRYUJ

T. L. Smolina

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, ORCID 0000-0002-1500-7075,
e-mail: talesm@mail.ru,
St. Petersburg University of the Humanities
and Social Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Abstract. This article examines acculturation and related terms such as culture shock and acculturative stress. It is argued that contemporary studies observe acculturation from three main perspectives: identity change, acculturation stress and intercultural communication. This article shows that acculturation covers a wide range of meanings and exists both on the group and individual level. Most of the studies on acculturation were done in Western countries on the samples of foreign students. There are relatively few studies of the impact of culture on tourists or other type of visitors. Central aspects of the acculturation including various definitions, historical background and major approaches of contemporary studies are examined in the present article.

Keywords: acculturation; culture shock; acculturative stress, psychological acculturation; sojourners.

At the most general level the aim of the present article is to analyze how culture affects humans. To be more specific, this paper examines acculturation process and the changes which occur under its influence. On the one hand, acculturation here is regarded as a process; on the other hand, it is viewed as a result which can be found in the changing attitude and behavioral patterns of individuals who make cross-cultural transitions. Such people are called sojourners – temporary visitors to another culture who return to their home country.

It is argued that acculturation may have an impact on sojourners. In other words, the main hypothesis is that acculturation experience changes attitudes, values and habits of the individuals who make cultural transitions. In this article theoretical overview of the approach to acculturation will be considered. Therefore, central aspects of the acculturation including various definitions, historical background and major approaches of contemporary studies are examined. The current status of the acculturation studies is presented in this theoretical overview.

For the last decades the adaptation of people in a new cultural setting became a focus of many studies in the social sciences.

The reason for such persistent attention can be found in the global changes of the contemporary world. Each year millions of people worldwide travel to other countries for various purposes: tourism, education, business, etc. Some people travel for a relatively short period of time, while others decide to immigrate to another country. Despite of the fact that those groups of people differ from each other in many ways, they have one thing in common. All of them experience the process of adaptation to a new culture.

There are several terms which are used to describe how humans adopt in another cultural setting. Such terms as acculturation, cultural shock, acculturative stress, cross-cultural adaptation, and adjustment can be found in various fields of social sciences (psychology, sociology, anthropology). Let's turn to the discussion of some of the major definitions and examine the historical background of the acculturation studies.

The expression “culture shock” which is used in regard to process of cultural adjustment has become a part of a common language and it seems that everyone understands the meaning of it. This term became frequently used in social science after the appearance of the book “Cultural Shock: Ad-

justment to New Cultural Environments” by Kalervo Oberg [10]. He assumed that contact with culturally unfamiliar places can be disturbing, and used the term “culture shock” to describe how people react to unusual situations. Among major visitor’s symptoms Kalervo Oberg named the following: 1) pressure from the efforts applied for achievement of adaptation; 2) feelings of loss; 3) feelings of isolation; 4) role diffusion; 5) uneasiness, disgust or resentment during the analysis of distinctions between cultures; 6) feelings of inferiority. As a consequence, a number of studies evolved in order to analyze the difficulties which experience sojourners in the process of adjustment.

The results of those studies were summed up in the classical work by A. Furnham and S. Bochner “Culture Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments” which was published in 1986 [6]. According to them, culture shock is a shock from new which is seen as a mainly unpleasant experience for the individual due to the fact that it can lead to a negative estimation of one’s own culture. The analysis done by Adrian Furnham and Stephen Bochner shows that following Oberg’s tradition, researchers more eagerly concentrated on the possible negative effects this phenomenon. As a result, more frequently the negative image of the cultural adjustment was adopted.

The concept of “culture shock” was popular until the 70’s of the XX century but later on it was modified to the theory of the “acculturative stress” elaborated by Canadian psychologist John Berry [2; 3]. This change was promoted by the findings that suggest that adjustment can be a rewarding experience. Moreover, “acculturative stress” term connects adjustment studies to the theories of stress. In spite of the fact that this expression was introduced in the social sciences in the 1970’s the term “acculturation” was a well-known concept long before that period.

The classical definition of acculturation was coined in the field of anthropology in 1936. Acculturation has been defined by as R. Redfield, R. Linton and M. H. Herskovits

as “those phenomena which result when groups of individuals having different cultures come into continuous first/hand contact, with subsequent changes in the original culture patterns of either or both groups” [11, p. 149]. Clearly, anthropologists viewed acculturation as a group phenomenon. To distinguish between individual and group level changes, T. D. Graves (1967) introduced the concept of psychological acculturation which refers to the changes which occur in identity, attitudes, and values on the individual level [7]. In other words, acculturation itself covers a wide range of meanings and exists both on the group and individual level.

It is worth pointing out the fact that contemporary studies of acculturation experience examine acculturation from three main perspectives: identity change (attitudes, values, habits, etc.), acculturation stress and intercultural communication. In general, one can say that there were equal attempts to improve the theory of acculturation as well as simple replications of the culture shock studies in the past. Credit must be given to the researchers who have gone further and tried to introduce different ways of understanding acculturation experience.

One of the most popular trends in the studies of acculturation is the examination of the mental health of the overseas students and other problems they experience [3; 5; 14]. Another research approach features the exploration of the U-curve and W-curve hypothesis of the returning travelers [4; 8]. Some researchers tried to find predictors of successful adaptation by introducing “culture distance” factor [1], while others focused on the sociocultural adaptation: how people acquire norms in the new cultural setting [12].

Scientists used various empirical instruments to study acculturation process: observation, surveys, specific tests (for example, ‘Acculturation index’ by C. Ward [16]; ‘ASHIMA Acculturation Scale’ by J. Unger, P. Gallaher, S. Shakib, A. Ritt-Olson, P. Palmer and A. Johnson [15]); semi-structured interviews, projective drawings,

content analysis of various documents (for instance, letters and travel diaries).

However, it should be noted that most of the studies on acculturation were done in Western countries on the samples of foreign students who come to study at the European, American or Australian universities. For instance, in the study done by S. Lysgaard in 1955 Norwegian Fulbright grantees visiting the United States were the subjects of interest [9]. A. K. Singh (1963) examined Indian students who studied in Britain [13]. There are relatively few studies of the impact of culture on tourists or other type of visitors.

What do experience sojourners? What happens when people leave their home country for the business trip to another country? What are the consequences of the culture contact on the individual level? Clearly, ethnicity cannot change for such a short period of time (e.g., 10 days). What are the effects of such experience on social attitudes change? Does this cultural experience have the effects on the cognitive, affective and behavioral components of the social attitude? How their attitudes toward out-group members change? How people start to perceive their in-group members? What factors influence that change (e.g., gender, age, professional affiliation)? If “culture shock” is not inevitable, for whom this culture contact can be a satisfying and rewarding experience? What are the predictors for that? In order to answer the question “What are the consequences of the culture contact on the individual level?” the concept of psychological acculturation must be adopted. Moreover, empirical studies of acculturation which involve various groups of visitors must be taken into account.

Thus, current article attempted to present theoretical overview of acculturation studies by answering the following questions: “What are the origins of acculturation?” and “How it is defined in the social science?” To respond to mentioned above questions, one must turn to the contemporary empirical studies of psychological acculturation of various groups of

people who adapt to a new cultural setting (migrants, tourists, sojourners).

Bibliography

1. Babiker I. E., Cox J. L., Miller P. M. The measurement of culture distance and its relationship to medical consultation, symptomatology and examination performance of overseas students at Edinburgh University // *Social Psychiatry*, 15, pp. 109–116, 1980.
2. Berry J.W., Acculturative stress. In P.B. Organista, K.M. Chun and G. Marin (Eds.), *Readings in ethnic psychology*. New York: Routledge, pp. 113–117, 1998.
3. Berry J. W., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative studies of acculturative stress // *International Migration Review*, 21, pp. 491–511, 1987.
4. Bochner S., Lin A., McLeod B. M. Anticipated role conflict of returning overseas students // *Journal of Social Psychology*, 110, pp. 29–41, 1980.
5. Cole J., Allen F., Green J. Survey of health problems of overseas students // *Social Science and Medicine*, 14, pp. 627–631, 1980.
6. Furnham A., Bochner S. *Culture Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments*. London and New York, 1986.
7. Graves T. D. Psychological Acculturation in a triethnic community. *Southwestern Journal of Anthropology*, 23, pp. 229–243, 1967.
8. Gullahorn J. T., Gullahorn J. E. An extension of the U-curve hypothesis // *Journal of Social Issues*, 19 (3), pp. 33–47, 1963.
9. Lysgaard S. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States // *International Social Science Bulletin*, 7, pp. 45–51, 1955.
10. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*, 7, pp. 177–82, 1960.
11. Redfield R., Linton R., Herskovits M.H. Memorandum on the study of acculturation // *American Anthropologist*, 38, pp. 149–152, 1936.
12. Schild E. O. The foreign student, as a stranger, learning the norms of the host culture // *Journal of Social Issues*, 18 (1), pp. 41–54, 1962.
13. Singh A. K. *Indian Students in Britain*. Bombay, 1963.
14. Still R. Mental health in overseas students // *Proceedings of the British Health Association*, p. 61, 1961.
15. Unger J., Gallaher P., Shakib S., Ritt-Olson A., Palmer P. and Johnson A. The ASHIMA Acculturation Scale: A New Measure of Acculturation for Adolescents in a Multicultural Society // *Journal of Early Adolescence*. Vol.24, 1, pp. 225–251, 2002.

16. Ward C., Kennedy A. Crossing Cultures: The relationship between psychological and sociocultural dimensions of cross-cultural settings. In J. Pandey, D. Sinha and D.P.S. Bhawuk (Eds.), Asian contributions in cross-cultural psychology. New Dehli, India: Sage, pp. 289–306, 1996.

© *Smolina T. L.*, 2025

УДК 614.849

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ И РЕАГИРОВАНИИ НА ПОЖАРНУЮ ОПАСНОСТЬ

EDN VVOGMD

С. Г. Аксенов

В. И. Стрижов

Доктор экономических наук, профессор,

ORCID 0000-0002-6749-3909,

e-mail: beregpilya@mail.ru,

магистрант, ORCID 0009-0000-8014-7341,

e-mail: pavel1112w@mail.ru,

Уфимский университет науки и технологий,

г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

GENDER DIFFERENCES IN PERCEPTION AND RESPONSE TO FIRE HAZARDS

S. G. Aksenov

V. I. Strizhov

Doctor of Economics, Professor,

Master's student,

Ufa University of Science and Technology,

Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. The article analyzes gender differences in the perception of fire danger and fire behavior patterns. A statistical trend is described: men are more likely to initiate household fires, women are more likely to die in them. There is an underestimation of risks by men and a higher level of risk awareness among women. The difference in behavioral strategies is analyzed: heroic attempts to eliminate fire in men and a caring model of actions in women aimed at saving children and loved ones. The features of the reaction to evacuation signals in institutions are given. Approaches to gender-sensitive preventive communication are considered. The low representation of women in professional fire protection units and the potential for their participation in preventive work is mentioned.

Keywords: gender differences; fire safety; risk perception.

Пожарная безопасность как область знаний и практики долгое время развивалась в рамках технократической парадигмы, предполагающей универсального, нейтрального «субъекта риска» – разумного, физически способного, рационально действующего взрослого человека. Однако повседневная практика, данные статистики и социологические исследования систематически демонстрируют, что восприятие опасности, готовность к действиям и модели поведения в чрезвычайных ситуациях существенно различаются в зависимости от пола. Эти различия не сводятся к биологическим особенностям, а в значительной мере обусловлены социальными ролями, гендерными стереотипами,

распределением ответственности в семье и обществе, а также различиями в воспитании и образовательных траекториях. В настоящей статье анализируются гендерные паттерны восприятия пожарной опасности, особенности поведения мужчин и женщин при угрозе или возникновении пожара, а также последствия этих различий для профилактики, обучения и эвакуационного планирования.

Исследования, проведённые в России и за рубежом, показывают устойчивую тенденцию: мужчины чаще инициируют пожары, женщины чаще погибают в них. Согласно данным МЧС РФ, более 60 % бытовых пожаров возникают по вине мужчин – вследствие неосторожного об-

ращения с огнём (курение в постели, самогоноварение, эксперименты с электроприборами), злоупотребления алкоголем или нарушения правил эксплуатации техники. При этом доля женщин среди погибших и пострадавших в бытовых пожарах превышает 55–60 %, особенно среди пожилых. Это парадоксальное расхождение объясняется не «слабостью» женщин, а социально обусловленной уязвимостью: женщины чаще находятся дома, особенно при наличии малолетних детей или престарелых родителей, чаще несут ответственность за быт и, как следствие, чаще оказываются в зоне поражения в момент возгорания. Более того, в традиционных семьях именно женщина встаёт первой при тревожном сигнале – чтобы разбудить детей, одеть их, собрать документы, – что задерживает её собственную эвакуацию. Таким образом, гибель женщин на пожарах – не результат пассивности, а следствие гендерно-ролевого распределения обязанностей [1; 2].

Восприятие пожарного риска также подвержено гендерной дифференциации. Мужчины склонны недооценивать риски и переоценивать собственные способности к контролю над ситуацией. Эта установка укрепляется социальными ожиданиями: «настоящий мужчина» должен уметь всё починить, справиться с любой аварией, не «паниковать». В результате мужчины реже устанавливают автономные пожарные извещатели (АПИ), считая их «излишеством», реже проверяют исправность электропроводки, оправдывая это «опытом», и чаще игнорируют первые признаки неисправности техники. Женщины, напротив, демонстрируют более высокий уровень рискованного сознания: они чаще воспринимают пожар как реальную угрозу, активнее интересуются мерами предосторожности, чаще участвуют в родительских собраниях по безопасности, настаивают на установке АПИ. Однако это не всегда транслируется в действия: в условиях авторитарной или патриархальной семьи женщина может не иметь права

принимать решения, касающиеся технического состояния жилья, несмотря на осознание рисков [3,4].

Поведение при пожаре также следует гендерным сценариям. Мужчины чаще предпринимают индивидуальные, героические попытки ликвидации возгорания – даже при явном превосходстве огня. Они могут возвращаться в горящую квартиру за техникой, документами или домашними животными, рискуя жизнью. Женщины, особенно матери, действуют в рамках заботливой модели: их первоочередная задача – спасти детей, помочь пожилым, собрать необходимое. Это поведение социально одобряемо, но с точки зрения безопасности – рискованно, поскольку отнимает драгоценное время. В учреждениях (офисах, школах, торговых центрах) женщины чаще соблюдают инструкции по эвакуации, дольше остаются в группе, реже проявляют панику. Мужчины – чаще игнорируют сигналы, задерживаются на рабочем месте, проверяют оборудование, пытаются выяснить «причину тревоги». Эти различия важны для разработки эвакуационных планов: стандартные инструкции, рассчитанные на «среднего пользователя», могут быть неэффективны для обеих групп.

Особое значение гендерные различия приобретают в контексте профилактической коммуникации. Традиционные информационные кампании по пожарной безопасности используют нейтральный или мужской регистр: акцент на технических неисправностях, правилах монтажа, характеристиках огнетушителей. Такой подход плохо резонирует с женщинами, для которых важнее практические, бытовые сценарии: как защитить ребёнка во сне, что делать, если загорелась микроволновка, как объяснить пожарную опасность дошкольнику. В то же время обращения, построенные на эмоциональном призыве («не дайте погибнуть вашим детям»), могут оттолкнуть мужчин, воспринимающих их как манипуляцию. Эффективная профилактика требует гендер-

но-чувствительной коммуникации: для мужчин – аргументы через компетентность и контроль («умный выбор – АПИ», «проверка проводки – признак профессионала»), для женщин – через заботу и повседневную практику («5 минут в неделю – безопасность на год», «ваш ребёнок спит спокойно, пока вы проверяете розетки») [5].

В профессиональной сфере пожарной безопасности гендерный дисбаланс остаётся острым. Женщины составляют менее 5 % личного состава подразделений пожарной охраны, несмотря на рост числа выпускниц профильных вузов. Это ограничивает разнообразие подходов к профилактике и взаимодействию с населением. Между тем, в ряде стран (Швеция, Канада) внедряются программы по вовлечению женщин в добровольческие пожарные дружины, где их роль особенно эффективна при работе с семьями, пожилыми и детьми. В России такие практики почти отсутствуют, хотя потенциал велик – особенно в сельской местности и малых городах, где социальные связи играют ключевую роль в распространении безопасных практик.

Таким образом, учёт гендерных различий в пожарной безопасности – это не дань моде, а вопрос эффективности и справедливости. Игнорирование того, как мужчины и женщины по-разному воспринимают риск, принимают решения и дей-

ствуют в стрессовой ситуации, ведёт к неадекватности профилактических мер, неэффективности обучения и росту уязвимости целых групп населения. Переход к гендерно-чувствительному подходу – от проектирования информационных материалов до формирования эвакуационных планов и подбора кадров – повысит не только уровень безопасности, но и доверие общества к системе защиты от пожаров в целом.

Библиографический список

1. Аксенов С. Г., Михайлова М. Ю. К вопросу обеспечения в жилых помещениях системы пожарной безопасности // Экономика строительства. 2023. – № 5. – С. 90–92.
2. Аксенов С. Г., Кривохижина О. И., Синагатуллин Ф. К. Анализ и оценка пожарной опасности в общеобразовательных учреждениях // Экономика строительства. – 2023. – № 5. – С. 70–72.
3. Белан Е. А. Субъективный образ ситуации как фактор дифференциации поведенческих стратегий личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 4. – С. 53–60.
4. Демченко О. Ю., Газизова Ю. С. Гендерные особенности формирования образа ситуации пожарной опасности // Пожаровзрывобезопасность. – 2015. – № 12. – С. 46–52.
5. Елимова М. Ю., Мозговая А. В. Рискология и рискованная коммуникация: проблемы, методы, перспективы // Риск в социальном пространстве / Под ред. А. В. Мозговой. – М. : Институт социологии РАН, 2001. – С. 79–94.

© Аксенов С. Г., Стрижов В. И., 2025

УДК 614.849

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ ПРИ ПОЖАРАХ: ПОЖИЛЫЕ, ДЕТИ, МАЛОМОБИЛЬНЫЕ ГРУППЫ

EDN VWEESX

С. Г. Аксенов

В. И. Стрижов

*Доктор экономических наук, профессор,**ORCID 0000-0002-6749-3909,**e-mail: beregpilya@mail.ru,**магистрант, ORCID 0009-0000-8014-7341,**e-mail: pavel1112w@mail.ru,**Уфимский университет науки и технологий,**г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

ON THE ISSUE OF SOCIAL VULNERABILITY IN CASE OF FIRES: THE ELDERLY, CHILDREN, AND GROUPS WITH LIMITED MOBILITY

S. G. Aksenov

V. I. Strizhov

*Doctor of Economics, Professor,**Master's student,**Ufa University of Science and Technology,**Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article analyzes the increased vulnerability of individual population groups to fires. The specifics of the risks for the elderly due to sensory, cognitive and physical limitations are described. Behavioral and cognitive vulnerability of children is noted, including reaction to fire and perception of alarm signals. The structural vulnerability of low-mobility groups associated with the unavailability of evacuation infrastructure and the lack of adapted means of notification is analyzed. Data on the causes of high mortality of these categories in fires are provided. The gaps in the regulatory regulation and design of facilities from the point of view of inclusivity are described. Approaches to improving fire safety accessibility are mentioned: personalized warning systems, inclusive design, social support and educational measures.

Keywords: social vulnerability; fire safety; elderly; children; groups with limited mobility.

Пожарная безопасность традиционно рассматривается через призму технических решений: огнетушителей, сигнализации, эвакуационных выходов, огнестойкости конструкций. Однако эффективность даже самой совершенной инженерной защиты определяется в конечном счёте способностью человека воспринять угрозу, принять решение и совершить действия по спасению. Эта способность неодинакова у разных категорий населения. Пожилые люди, дети и лица с ограниченными физическими возможностями (маломобильные группы) обладают сниженной сенсорной, когнитивной или моторной функциональностью, что делает их структурно уязвимыми в условиях чрезвычайной ситуации, в том числе пожара. Их риск гибели, травматизма и психологической травмы значительно выше, чем у среднестатистического взрослого челове-

ка. При этом нормативные документы и проекторочные решения зачастую исходят из идеализированного образа «среднего пользователя» – здорового, ориентированного во времени и пространстве, способного к быстрой реакции. В настоящей статье анализируется специфика уязвимости указанных групп, выявляются системные пробелы в обеспечении их безопасности и предлагаются гуманитарно-ориентированные подходы к снижению рисков.

Пожилые люди составляют одну из наиболее уязвимых категорий при пожарах. Во-первых, сенсорные нарушения: снижение слуха приводит к тому, что сигнал пожарной сигнализации не воспринимается или воспринимается с задержкой; ухудшение зрения затрудняет распознавание эвакуационных знаков и ориентацию в задымлённом помещении. Во-вторых,

когнитивные ограничения: пожилые люди чаще страдают от деменции, дезориентации, замедленного мышления, что мешает адекватной оценке угрозы и выбору правильного маршрута эвакуации. В-третьих, физическая немощь: ограниченная подвижность, использование ходунков или инвалидных колясок делает невозможным быстрый самостоятельный выход из здания. Нередки случаи, когда пожилые люди, обнаружив пожар, не звонят в экстренные службы, а пытаются потушить его самостоятельно – из чувства ответственности или страха перед последствиями, что резко повышает риск гибели. Особенно опасна ситуация в одиночных домохозяйствах: без социального контроля и технических средств оповещения (например, сигнализации с диспетчерским выводом) человек может погибнуть, не сумев даже покинуть постель [1; 2].

Дети, напротив, обладают сохранными физическими возможностями, но их уязвимость носит иной характер – поведенческий и когнитивный. Маленькие дети (до 7–8 лет) не воспринимают огонь как угрозу: они могут прятаться в шкафах, под кроватями, пытаться «погладить» пламя, не понимая его опасности. Это связано с незрелостью центральной нервной системы и отсутствием жизненного опыта. Даже при наличии тревожного сигнала ребёнок может не знать, что делать – особенно если в семье не проводились учения и не обсуждались правила поведения при пожаре. Подростки же, напротив, склонны к рискованному поведению: игнорированию сигналов тревоги, попыткам спасти вещи, возвращению в горящее здание. В учреждениях (школах, детских садах, интернатах) безопасность детей зависит от качества организации эвакуации и подготовки персонала, однако в быту – от уровня пожарной грамотности родителей и доступности адаптированных средств оповещения. Например, традиционные звуковые извещатели с частотой 3–4 кГц плохо воспринимаются детьми во сне; исследо-

вания показывают, что гораздо эффективнее будят детей голосовые сообщения («Пожар! Выходи сейчас!»), особенно если они записаны голосом родителя [3].

Маломобильные группы – лица с инвалидностью по зрению, слуху, опорно-двигательному аппарату, а также временно ограниченные в подвижности (после операций, травм) – сталкиваются с структурными барьерами среды. Эвакуационные лестницы, узкие дверные проёмы, отсутствие пандусов, неадаптированные лифты делают самостоятельную эвакуацию невозможной. При этом планы эвакуации редко учитывают наличие таких людей, а персонал учреждений часто не обучен их сопровождению. В многоквартирных домах маломобильные жильцы фактически оказываются в «ловушке» при пожаре выше второго этажа. Даже наличие индивидуального средства спасения (например, эвакуационной лестницы) не решает проблему, если человек не может его развернуть или зафиксировать. Особенно уязвимы глухие и слабослышащие: стандартная звуковая сигнализация для них не работает. Использование вибросигналов, световых маячков или подключённых к пожарной системе смартфонов пока не стало нормой. Таким образом, уязвимость маломобильных групп – это не личностный дефект, а следствие недоступности среды и отсутствия инклюзивного подхода в системе пожарной безопасности [4].

Системная проблема заключается в том, что современные нормы проектирования и эксплуатации зданий предусматривают наличие «условно здорового» пользователя. Требования к эвакуационным путям, времени эвакуации, высоте установки знаков рассчитаны на среднестатистического человека. Даже в социальных учреждениях (домах престарелых, интернатах для инвалидов) наличие дежурного персонала не всегда компенсирует недостатки архитектуры и организации процессов. Более того, в бытовом секторе

– где происходит подавляющее большинство пожаров с жертвами – никаких специальных требований к защите уязвимых групп не существует. Автономные пожарные извещатели устанавливаются редко, а если и устанавливаются, то без учёта специфики восприятия. Государственные программы по обеспечению безопасности маломобильных граждан носят фрагментарный характер и не охватывают вопросы пожарной защиты как таковой [5].

Выход из этой ситуации требует перехода от универсального к дифференцированному подходу. Во-первых, необходимо внедрение персонализированных систем оповещения: для пожилых – с голосовыми инструкциями и дублированием сигнала на пульт соцслужбы; для детей – с адаптированными частотами и голосовым сопровождением; для глухих – со световыми и вибрационными компонентами. Во-вторых, требуется инклюзивное проектирование эвакуационных решений: лифты для пожарных, наклонные платформы, тактильные указатели, зоны временного укрытия с противодымной защитой. В-третьих, важна социальная поддержка: программы «дружелюбного соседства», регулярные обходы участковыми, волонтерские инициативы по проверке состояния жилья одиноких пожилых. В-четвёртых, необходимо включение темы уязвимых групп в образовательные программы – как для будущих архитекторов и инженеров, так и для работников социальной сферы.

Таким образом, социальная уязвимость при пожарах – это не частная проблема отдельных людей, а индикатор зрелости системы безопасности общества в целом. Обеспечение равного уровня защиты для всех категорий населения – не благотворительность, а элемент социальной справедливости и устойчивого развития. Только тогда, когда проектирование, нормирование, профилактика и реагирование будут учитывать реальное разнообразие человеческих возможностей, можно говорить о подлинной доступности и эффективности пожарной безопасности.

Библиографический список

1. Аксенов С. Г., Кривохижина О. И., Синагатуллин Ф. К. Анализ и оценка пожарной опасности в общеобразовательных учреждениях // Экономика строительства. – 2023. – № 5. – С. 70–72.
2. Аксенов С. Г., Михайлова М. Ю. К вопросу обеспечения в жилых помещениях системы пожарной безопасности // Экономика строительства. 2023. – № 5. – С. 90–92.
3. Мельник О. Е., Сидоркин В. А., Чистяков А. А. Особенности и направления совершенствования противопожарной работы с маломобильными группами населения // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2020. – № 3. – С. 23–29.
4. Тузова Т. В. Организация процесса эвакуации маломобильных групп населения // Пожарная и аварийная безопасность. – 2018. – С. 422–424.
5. Крюков А. Р., Смурова Н. Ю., Семикин П. П. Приспособление жилого фонда для проживания маломобильных групп населения // Жилищное строительство. – 2012. – № 11.

© Аксенов С. Г., Стрижов В. И., 2025

УДК 614.849

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЖАРОВ В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

EDN WIGGXZ

С. Г. Аксенов*Доктор экономических наук, профессор,**ORCID 0000-0002-6749-3909,**e-mail: beregpilya@mail.ru,**магистрант, ORCID 0009-0000-8014-7341,**e-mail: pavel1112w@mail.ru,**Уфимский университет науки и технологий,**г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия***В. И. Стрижов****SOCIAL CONSEQUENCES OF FIRES IN RURAL AREAS****S. G. Aksenov***Doctor of Economics, Professor,***V. I. Strizhov***Master's student,**Ufa University of Science and Technology,**Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article provides an analysis of the social consequences of fires in rural areas. It describes the reduction of tax revenues and the emergence of a local budget deficit after the loss of the main agricultural enterprise. There has been a reduction in social spending, including on the maintenance of educational and social institutions. Information is provided on the closure or reduction of the number of schools and kindergartens, as well as on the departure of families with children. The decrease in passenger traffic, cancellation or reduction of bus routes and increased isolation of the remaining residents are analyzed. This describes a decrease in demand for goods and services, as well as the closure of shops, pharmacies, hairdressers and other elements of the basic infrastructure. The general trend of deterioration of the social and household environment of a rural settlement as a result of a large fire is noted.

Keywords: fires in rural areas; social consequences; local budget; rural infrastructure.

Пожары на сельских территориях традиционно рассматриваются через призму материального ущерба: уничтожение зерна, техники, животноводческих комплексов, складских помещений. Однако за этими экономическими показателями скрываются глубокие, зачастую необратимые социальные последствия, затрагивающие устойчивость сельских общин, качество жизни населения и само будущее сельской России. В отличие от городских агломераций, где инфраструктура и рынок труда диверсифицированы, сельские территории часто характеризуются монофункциональной экономикой, высокой зависимостью от одного или нескольких крупных сельхозпредприятий и ограниченной социальной мобильностью. В таких условиях пожар – даже локальный – может стать катализатором системного кризиса, выходящего далеко за рамки

уничтоженного имущества. Настоящая статья посвящена анализу социальных последствий пожаров в сельской местности, включая демографические, трудовые, психологические и институциональные аспекты.

Многие сельские поселения, особенно в Центральной и Южной России, построены вокруг крупного агрохолдинга или кооператива, который выступает не только как работодатель, но и как спонсор местной инфраструктуры: школ, клубов, медпунктов, дорог. Уничтожение основного производственного актива в результате пожара (элеватора, молочного завода, птицефабрики) мгновенно лишает население источника дохода и социальных гарантий. Массовые увольнения ведут к оттоку трудоспособного населения, особенно молодёжи, что ускоряет депопуляцию и старение сельских территорий. По дан-

ным исследований Института социально-экономических проблем сельской местности РАН, в 60 % случаев крупного пожара на сельхозобъекте в течение года наблюдается сокращение численности населения посёлка на 10–25 %. При этом восстановление производства требует значительных инвестиций и времени – зачастую до 2–3 лет, – что делает возвращение уехавших маловероятным [1].

Сельская община – это не просто географическое сообщество, а социальная экосистема, основанная на взаимопомощи, неформальных связях и доверии. Пожар, особенно если он сопровождается человеческими жертвами или обвинениями в халатности руководства, разрушает эту ткань. Возникает социальное напряжение: между работниками и администрацией, между теми, кто потерял работу, и теми, кто сохранил её, между местными жителями и приезжими сезонными рабочими. Утрачивается доверие не только к собственнику предприятия, но и к государственным институтам – пожарной охране, надзорным органам, местной власти, которые воспринимаются как неспособные предотвратить катастрофу или оперативно на неё отреагировать. Это подрывает основы гражданского общества на селе и снижает готовность населения участвовать в совместных инициативах по обеспечению безопасности в будущем [1; 2].

Пожар – это не только материальное, но и психологическое потрясение. Для сельского жителя, чья жизнь тесно связана с работой на предприятии, потеря источника существования равносильна утрате социальной идентичности. Исследования в области экологической и техногенной психологии показывают, что после крупных пожаров у значительной части пострадавших наблюдается посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), депрессия, тревожные расстройства. Особенно уязвимы дети и пожилые люди: первые теряют стабильность семьи и доступ к образованию (если школа закрывается из-за сокращения бюджета), вторые – соци-

альные связи и медицинское сопровождение. При этом в сельской местности почти отсутствует доступ к психологической помощи, что усугубляет последствия.

Социальные последствия пожара редко ограничиваются одним объектом. Уничтожение сельхозпредприятия запускает каскадный эффект:

- сокращение налоговых поступлений приводит к дефициту местного бюджета, что сокращает социальные расходы;
- закрытие или сокращение школы/детсада, что приводит к отъезду семей с детьми;
- уменьшение пассажиропотока приводит к отмене или сокращению автобусных маршрутов и изоляции оставшихся жителей;
- снижение спроса на товары и услуги приводит к закрытию магазинов, аптек, парикмахерских [3].

Этот «домино-эффект» может привести к полной деградации поселения в течение 5–10 лет после пожара. Яркий пример – пожар на крупном элеваторе в Орловской области в 2022 г.: за два года после ЧС численность посёлка сократилась с 1 200 до 680 человек, школа переведена в «режим базовой», медицинский пункт работает два дня в неделю [4; 5].

Пожары усиливают существующие социальные неравенства. Трудоспособные мужчины чаще покидают село в поисках работы в городах, оставляя женщин, пожилых и детей. Это приводит к «феминизации» и «старению» сельских территорий, снижению рождаемости и росту социальной изоляции. Женщины, оставшиеся без дохода и ухода за детьми, вынуждены брать на себя дополнительные нагрузки, что повышает уровень стресса и утомляемости. В то же время пожилые жители, привязанные к месту по медицинским или эмоциональным причинам, становятся «забытыми жертвами» пожара – их нужды редко учитываются в программах восстановления.

Таким образом, пожары в сельской местности – это не просто техногенные

аварии, а социальные катастрофы, способные разрушить десятилетия устойчивого развития сельских территорий. Их последствия носят системный, многомерный характер и проявляются не только в день ЧС, но и на протяжении многих лет. Превентивная политика в области пожарной безопасности должна учитывать не только инженерные и организационные меры, но и социальную устойчивость территории как критерий риска. Необходимо развивать механизмы социального страхования сельских общин, поддерживать диверсификацию сельской экономики, включать местные сообщества в процессы планирования безопасности и обеспечивать психологическую реабилитацию пострадавших. Только такой междисциплинарный подход – объединяющий пожарную безопасность, социальную политику и устойчивое развитие – позволит защитить не только имущество, но и саму жизнь сельских территорий.

Библиографический список

1. Аксенов С. Г., Михайлова М. Ю. К вопросу обеспечения в жилых помещениях системы пожарной безопасности // Экономика строительства. 2023, № 5. – С. 90–92.
2. Аксенов С. Г., Кривохижина О. И., Синагатуллин Ф. К. Анализ и оценка пожарной опасности в общеобразовательных учреждениях // Экономика строительства. – 2023. – № 5. – С. 70–72.
3. Блохина А. А. Лесные пожары как угроза экономической безопасности в лесном комплексе // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XIV международной научно-практической конференции. Курск, 01–02 июня 2019 года. Курск. Юго-Западный государственный университет. 2019. – С. 64–68.
4. Климина Е. М., Остроухов А. В., Купцова В. А. Социально-экономические и экологические проблемы сельских поселений Приамурья // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 219–227.
5. Орлов А. М., Андреев Ю. А., Чаков В. В., Позднякова В. В. Пожарная обстановка в лесах Хабаровского края. – Хабаровск: АО «Хабаровская краевая типография», 2022. – 160 с.

© Аксенов С. Г., Стрижов В. И., 2025

УДК 316.35.023.5

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОЧИХ
И РЕМОНТНО-ОБСЛУЖИВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

EDN XLICOV

А. Е. Королев

*Кандидат технических наук, доцент,**ORCID 0009-0000-8508-4466,**e-mail: alexkorolev72@mail.ru,**Тюменский индустриальный университет,**г. Тюмень, Россия*

Е. Д. Коротков

*магистрант, e-mail: korotkov_e2003@mail.ru,**Национальный исследовательский**Томский политехнический университет,**г. Томск, Россия*SOCIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF WORKERS
AND REPAIR AND MAINTENANCE ENTERPRISES

A. E. Korolev

*Candidate of Technical Sciences,**Associate Professor,**Tyumen Industrial University,**Tyumen, Russia*

E. D. Korotkov

*Master's student,**National Research Tomsk Polytechnic University,**Tomsk, Russia*

Abstract. The article discusses the results of the survey of worker personnel and their assessment of their enterprises. Sociological research allows you to improve the organization, technology and personnel potential of production. A survey of employees of 9 enterprises engaged in the repair and maintenance of autotractor equipment was conducted. A characteristic of the staffing of the survey facilities was obtained. Motives of staff satisfaction and dissatisfaction with their work were revealed. Are shown age-related changes in workers' priority goals. Areas for improving the organizational and personnel program of the functioning of enterprises have been identified.

Keywords: production enterprises; workers; qualification; social and psychological characteristics; development reserves.

Успешное функционирование производственных предприятий определяется не только степенью их технического оснащения и прогрессивностью применяемых технологий, но и высоким уровнем организации труда [1]. Для достижения этих целей необходимо не только обеспечить результативное взаимодействие рабочего персонала с объектами и средствами труда, но и сформировать тесные производственные отношения между ними [2]. При любом сочетании всех составляющих этой системы, основополагающим фактором конечного результата здесь являются профессионализм, рабочая дисциплина, социальное, психологическое и моральное состояние исполнителя [3]. Социологические исследования на пред-

приятиях проводятся для поиска путей повышения эффективности производства при обеспечении развития работников, удовлетворении их потребностей, формирования позитивного микроклимата внутри коллектива [4]. Результаты опроса персонала позволяют совершенствовать систему организационно-управленческих решений, стабилизировать кадровый состав коллектива, развить систему адаптации новых работников, повысить трудовую мотивацию работников, выявить основные причины социально-экономической неудовлетворённости рабочих [5].

Для оценки уровня трудовых ресурсов, по специально разработанной анкете, было опрошено 189 мастеров и рабочих на 9

предприятиях, занимающихся обслуживанием и ремонтом автотракторной техники. Выявлено, что средний возраст работников составляет 32,2 года, трудовой стаж – 7,1 года, средний тарифный разряд – 3,7, т.е. основную долю производственного коллектива составляет молодёжь. Для 59 % из опрошенного персонала выполняемая работа нравится удобным графиком (28 %), возможностью инициативы и

творчества (27 %), разнообразностью (21 %) и только 7 % она не удовлетворяет. С повышением возраста и стажа рабочих уровень их удовлетворенности увеличивается. Технические требования на выполнение операций в необходимой мере знают 62 % работников и почти столько же систематически контролируют качество, со стажем работы их доля растёт (рис. 1).

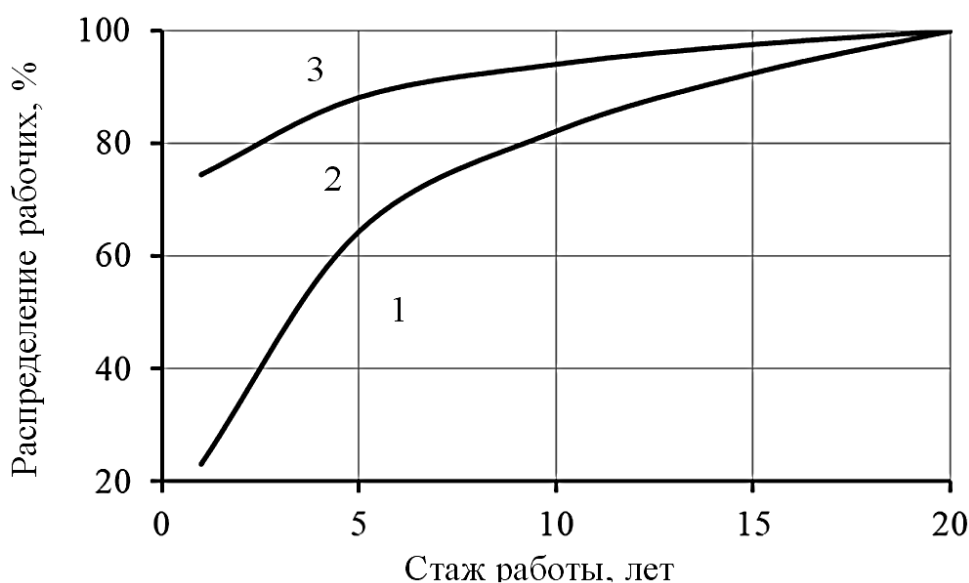

Рис. 1. Распределение рабочих по степени знаний ими технологических процессов; 1 – полные, 2 – частичные, 3 – недостаточные

На графике показаны 3 зоны уровня компетентности исполнителей, отсюда следует, что к 20 годам работы достигается 100 %-я их техническая грамотность. Это свидетельствует о большой роли профессионального обучения и наставничества молодых рабочих. Для обеспечения качества выпускаемой продукции 40 % предлагают изменить планировку производственных участков, 29 % – увеличить уровень механизации рабочих мест, 62 % – улучшить качество входного контроля запасных частей. В ситуации, когда окончена работа и нет нового задания, 64 % рабочих занимаются подготовительными и вспомогательными операциями, но около трети используют это время не-

производительно. Заработная плата вполне устраивает 30 % персонала, а также 38 % отмечают, что она соответствует их трудовому вкладу, но желали бы большего вознаграждения.

При рассмотрении проблемы повышения эффективности труда 53,7 % рабочих поставили на первое место улучшение обеспечения материалами, запчастями и инструментом, а на последующие – укрепление трудовой дисциплины, обеспечение участков и цехов квалифицированными инженерно-техническими работниками, повышение ритмичности в работе. Побудительными мотивами повышения эффективности труда были названы: материальная заинтересован-

ность, ответственность перед заказчиком, желание стать высококвалифицированным мастером, рабочая гордость, стремление завоевать авторитет и уважение коллектива. Организационными мерами обеспечения качества 41 % рабочих

считают повышение личной ответственности, 32 % – усиление зависимости оплаты от качества, 23 % – повышение контроля со стороны руководителей всех уровней. С возрастом эти приоритеты меняются (рис. 2).

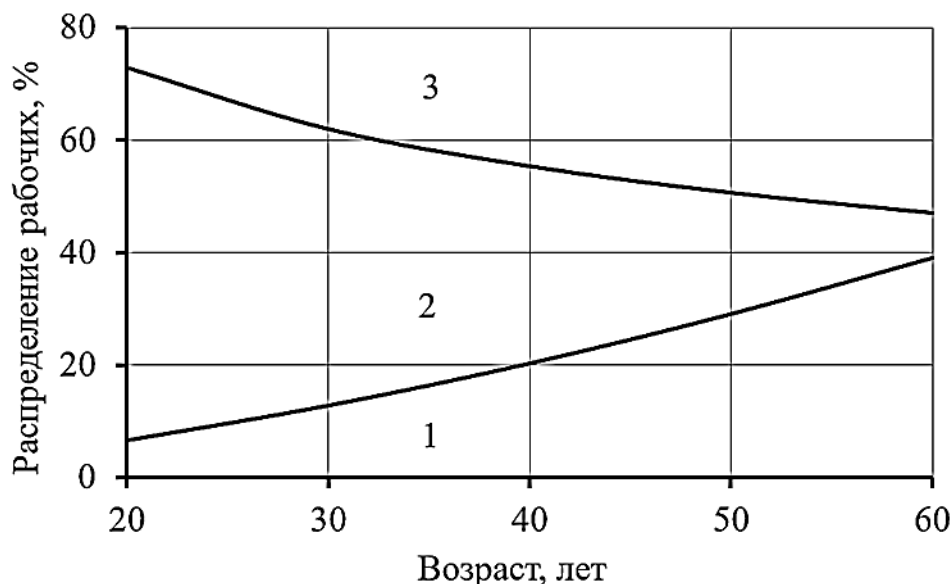

Рис. 2. Влияние возраста рабочих на их предложения по повышению качества услуг: 1 – повышение личной ответственности; 2 – усиление контроля со стороны руководства; 3 – повышение зависимости оплаты труда от качества

Чем старше работник, тем выше его самодисциплина и другие факторы становятся незначимыми. Обратный процесс происходит с молодыми рабочими, для них важны рост заработной платы, а также опека старших по возрасту и должности. Большая часть рабочих (43 %) считают коллективы своих бригад, участков и цехов достаточно дружными, и только у 9 % противоположное мнение. Дисциплину труда считают низкой 18 % рабочих, а частично удовлетворены 51,4 % опрошен-

ных. Наиболее эффективной мерой воздействия на нарушителей трудовой дисциплины является обсуждение на собрании бригады или участка, в меньшей степени влияют дисциплинарные взыскания, лишение премии и изменение графика отпусков. В жизненных планах рабочих на ближайшее будущее на первые места поставлены: повышение разряда по специальности, заработка и улучшение жилищных условий (рис. 3).

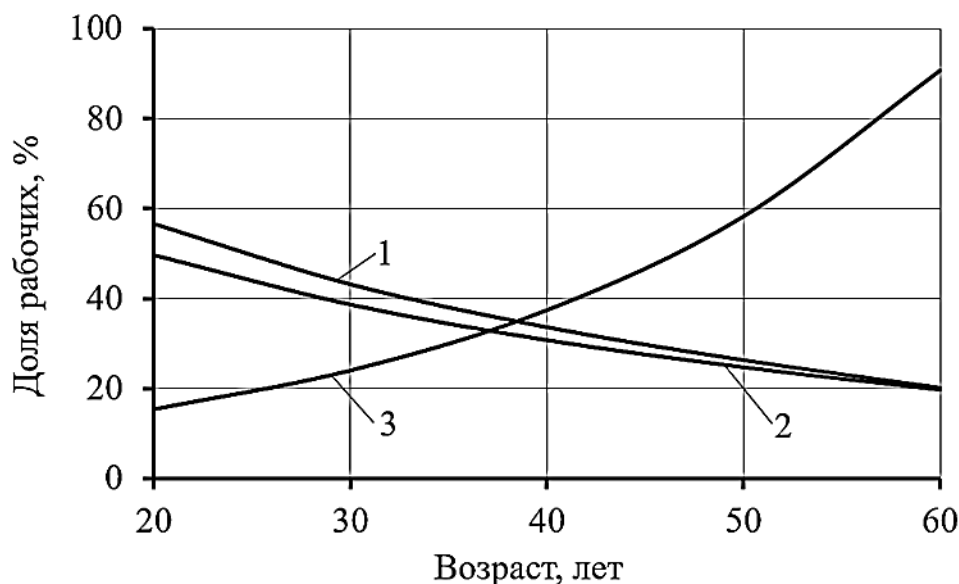

Рис. 3. Зависимость личных планов рабочих от возраста:
1 – повышение квалификации; 2 – повышение материального уровня;
3 – нет планов

Значительная часть рабочих (37 %) не имеют четко выраженного мнения по этому вопросу. Причем эта тенденция больше проявляется с увеличением возраста и стажа работы. Молодые работники, естественно, больше стремятся к повышению своей квалификации и материального обеспечения. Максимум эти стремления достигают у рабочих к 22...27 годам при стаже работы 3...7 лет. Только 7 % рабочих в настоящее время учатся, планируют – 25 %, а основная часть их (68 %) не учится и не хотят. У большинства рабочих (47 %) нет желания перейти на другое место работы, 30 % не имеют по этому вопросу четкого мнения, 18 % хотели бы сменить место или специальность внутри предприятия и только 5 % планируют уволиться.

Резюмируя результаты исследований можно сделать ряд обобщающих выводов. Базовыми принципами обеспечения производительной и качественной работы являются: исполнители должны знать, что делать, уметь и успевать делать, работа их должна оцениваться и стимулироваться. Первые три принципа обеспечивают по-

тенциальную возможность успешной работы исполнителей, а два последних – желание качественно работать. Естественно, что желания реализуются только при условии, если в достаточной мере обеспечены первые три принципа. Для данного вида производственной деятельности эти принципы имеют вполне определенное содержание. Знать конструкцию машин и составных элементов, материалы, инструменты, приборы, оборудование и приспособления. Уметь использовать передовые приёмы в организации и выполнении работы. Успевать своевременно, проводить подготовительно-заключительные работы и в полном объеме выполнять технологические операции. Стимулирование работы опирается на её качественные и количественные показатели и предполагает материальную и моральную заинтересованность исполнителей в выполнении качественно и в срок ремонтно-обслуживающих заданий.

Библиографический список

1. Самойлов Е. Н. Организационные факторы повышения эффективности производственного процесса / Е. Н. Самойлов, С. Г. Баранчикова // Вестник магистратуры. – 2025. – № 6–4. – С. 27–31.
2. Орел Т. В. Влияние качества рабочей силы на энергоэффективность производства / Т. В. Орел // Евразийский Союз Ученых. – 2019. – № 8. – С. 40–44.
3. Ходова, Я. А. Современные методы оценки качества персонала как инструмент повышения эффективности бизнес-процессов предприятий / Я. А. Ходова, А. А. Скударь, Л. И. Пискун // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 533–546.
4. Качайнова Н. Б. Заводская социология: истоки и перспективы / Н. Б. Качайнова, Н. В. Попова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 29–38.
5. Дудченко, Н. И. Социологические исследования в стратегическом планировании / Н. И. Дудченко // Молодой ученый. – 2019. – № 25. – С. 197–200.

© Королев А. Е., Коротков Е. Д., 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При

необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров (отправка простым или заказным письмом)

Необходимое количество печатных сертификатов

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number.

References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SF-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SF -German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies (sending by regular or registered mail)

The required number of printed certificates

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ НА БАЗЕ
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «СОЦИОСФЕРА»
В 2026 ГОДУ**

Дата	Название
5 марта 2026 г.	Вопросы науки в современном мире
3 июня 2026 г.	Вопросы науки в современном мире
5 октября 2026 г.	Вопросы науки в современном мире

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,197. • SJIF – 6,07

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги будут изданы в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books will be published in Russia
(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор И. Г. Муленкова

№ 4, 2025

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphera.com/sociosphere>

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 03.12.2025. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 15,1. Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, 74-14
Тел. +7 967 701 68 14
веб-сайт: <http://sociosphera.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33